THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK 1
.M6
vyp. 1

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00022532038

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/razriadarkheolog01unse

DK1
.M6
vyp. 1

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Выпуск I

Razriad arkheologicheskiĭ

РАЗРЯД АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ

МОСКВА
1926

Напечатано по постановлению Ученого Совета Государственного Исторического Музея.

И. О. Ученого Секретаря *Н. Б. Бакланов.*

Издание выполнено Издательством М. и С. Сабашниковых.

Ленинградский Гублит № 3514. Тираж 1000. Заказ № 1941.
Госуд. тип. им. Ивана Федорова. Ленинград, Звенигор. 11.

Настоящим 1-м выпуском начинается планомерное издание „Трудов Г. И. М.“, давно составлявшее предмет забот коллегии Музея. До сих пор сотрудники Музея не имели возможности осуществить свое стремление — иметь свой научный печатный орган, посвященный разработке богатых и разнообразных исторических коллекций Музея: издательская деятельность Музея должна была в силу обстоятельств ограничиваться изданием ежегодных Отчетов Музея с небольшими научными статьями в виде приложений к ним, необходимыми каталогами и путеводителями, а изредка описаниями и изданиями отдельных памятников Музея. Положить начало изданию „Трудов“ стало возможно для Музея лишь теперь, благодаря ассигнованию средств, специально для этого предназначенных Главнаукой в размере 3500 руб. (Постановление Коллегии Н. К. П. от 10 марта 1925 г.; извещение Музею от 24 марта 1925 г. за № 3724) Из этой суммы Ученый Совет Музея нашел возможным напечатать первые три выпуска своих „Трудов“, связанные с работами трех его разрядов: Археологического, Исторических источников и Общеисторического. Исполнение издания возложено было на Редакционно-издательскую Комиссию Музея, состоящую из представителей всех разрядов Музея.

От дальнейших специальных соответствующих ассигнований будет зависеть и дальнейшее издание „Трудов“ Музея.

Председатель Редакционно-издательской Комиссии
Акад. М. Сперанский.

Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.

Проф. *В. А. Городцова.*

„Глубокое понимание настоящего немыслимо без знания прошлого, равно как и знание прошлого не полно без знания настоящего".

Ранке.

Изучая Выставку крестьянского искусства при Государственном Российском Историческом Музее в 1921 году, я был изумлен, встретив в произведениях крестьянского искусства пережитки глубочайшей старины, несомненно восходящей к отдаленнейшим эпохам металлического и даже каменного периодов общечеловеческого индустриального развития. Эти пережитки, главным образом, связывались с религиозным культом солнца, земли и моря и с древнейшим, широко распространенным в палеометаллическую (бронзовую) эпоху, философским миропониманием круговорота мировой жизни, где выражалась идея мировой борьбы за существование то в наивных и простых, то в хитро запутанных и мудреных художественных сценах, в которых травоядные поглощают растения, плотоядные—травоядных, а птицы завершают пир над теми и другими.

Но не эти явления вызывают изумление, хотя и они чрезвычайно интересны и настоятельно требуют научного освещения. В изумление приводит обширная группа памятников народного творчества, связанных с религиозно-культовыми и обрядово-правовыми представлениями, оказавшимися схожими с такими же представлениями, зафиксированными в древнем искусстве сарматов и в особенности даков времени ранее и несколько позднее начала христанской эры. На этих памятниках и хотелось бы сосредоточить внимание просвещенных людей, так как есть основание полагать, что в них скрывается ключ к проблеме происхождения русских славян, к разъяснению их древнего религиозного культа и к открытию, если не первородины, то той родины, из

которой они выступили в пределы современной России. Такие памятники сохранились почти исключительно в женском рукоделии, именно, в женских вышивках, где, как известно, каждая строчка, каждый крестик имеет строго канонизированный характер и передается от учительницы к ученице в возможно большей точности и совершенстве. Эта точность и совершенство поддерживаются еще и тем, что лучшие из творений, по свидетельству Н. П. Шабельской, выполнялись для свадебных обрядовых подарков, именно, они вышивались невестами для женихов и их родни, чтобы те судили, умеют ли невесты „шить", или, как мы увидим ниже, твердо ли они знают религиозные символы, которые население, как священный завет, несет и хранит из глубочайшей дохристианской древности. О важном значении обрядового „шитья" говорит и одна свадебная песня, имеющая инструктивный характер. Эта песня, записанная гр. П. Шереметевым в 1901 г. в Белозерском крае, гласит:

„Учи сына в писаря,
в писаря
Учи дочку шелком шить,
шелком шить" [1].

Отсюда видно, что шитью молодых девиц и знанию грамоты юношей придавалось одинаковое значение, и это мы поймем, когда убедимся, что в шитье девиц выражалось такое же важное для населения знание священных символов той старой, а поэтому дорогой веры, которою жил народ тысячи лет. Как весталки, чистые девы Рима, хранили неугасаемый огонь, символ обоготворенного небесного огня-солнца, так юные девы русского севера обязывались и обязываются нести и несут символы своего первобытного народного русского культа от древнейших времен и до наших дней. Они забыли имена своих символов, так как произносить эти имена уже более тысячи лет строго воспрещалось. Да и зачем им имена—звуковые символы, когда заменяющие их зрительные символы так ясны, так понятны и так полно говорят душе остановившегося в культурном росте поселянина, скрывавшегося в дремучих лесах и непроходимых болотах.

Категория северно-русских вышивок естественно подразделяется на две группы: 1) вышивок с геометрическими узорами и 2) вышивок с узорами фигурными. Первая группа достигла

---

[1] Гр. П. Шереметев. „Зимняя поездка в Белозерский край". М. 1902, стр. 64.

в своих лучших произведениях поразительного совершенства. По отзывам вполне компетентных лиц, это в своем роде—лучшие произведения в мире. Громадное большинство их имеет в центре свастику (фигуру креста), а вокруг генетически связанные с нею фигуры меандра, ромба, квадрата, ова, религиозно-символическое значение которых в настоящее время прочно установлено: это—знаки птиц, их птенцов, яиц и гнезд; это—знаки добра, счастия, благополучия; это—символы весеннего радостного солнца, оживотворяющего своими теплыми лучами всякую земную тварь; это—великие символы воскресения матери природы под горячим действием вернувшегося откуда-то издалека бога солнца.

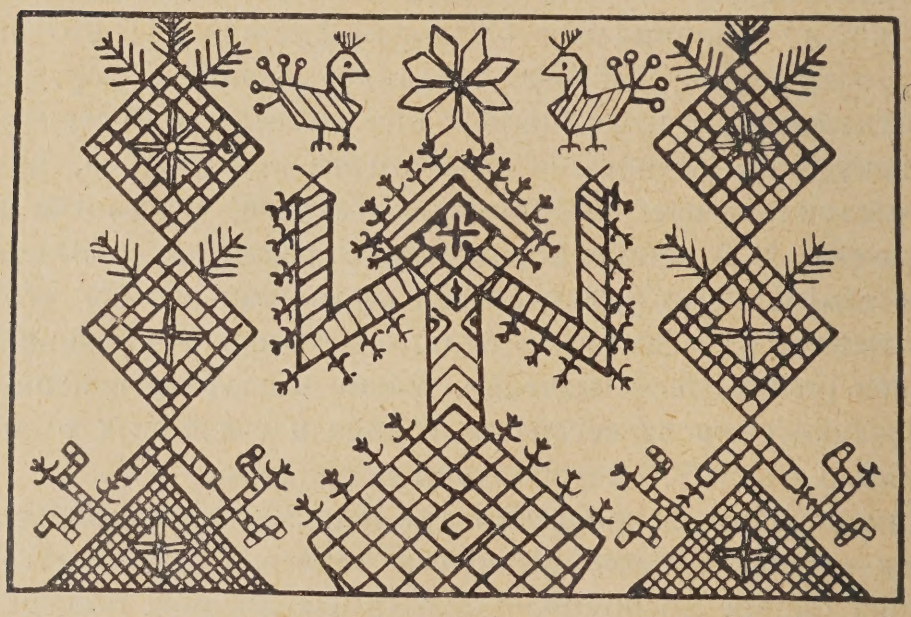
Еще так недавно полагали, что меандр и овы являются плодами античного искусства Греции, а свастика—искусства Индии, но все это оказалось неверным, так как документально доказано, что свастика, меандр и овы были излюбленными мотивами орнамента древнейших веков палеометаллической (бронзовой) эпохи, когда, может быть, не было еще ни греков, ни индусов, скрывавшихся в одной семье индоевропейцев, и когда эти мотивы успели распространиться не только по всем материкам Старого Света, но и проникнуть в Среднюю Америку. И это неудивительно, потому что свастика и меандр появились гораздо ранее и тех отдаленных от нас времен: они найдены в России на предметах искусства Мезинской палеолитической стоянки, время которой отстоит от нас, как полагают геологи, на многие десятки тысячелетий. И в каком поразительно развитом виде они находятся там! Но что удивительнее всего, так это то, что они и там связывались с фигурами птиц, несомненно, имевших то же культовое религиозное значение, какое имеют и в наше время, т.-е. значение символа весеннего солнца и связанных с ним представлений о счастии, благополучии и радости.

Таким образом, в прелестном комплексе свастических знаков, в узорах северно-русских искусных мастериц, скрывается реминисценция (живое воспоминание) о самых древних общечеловеческих религиозных символах. И какая свежая, какая твердая память! Если бы изучить подробно их знаки, то можно было бы давно установить их смысл и значение в общечеловеческой культуре; так обильны и так поучительны их переходы от фигуры птицы к фигуре креста—летящей птицы, а от креста—к лучистой звезде и солнцу.

Но мы пока не будем останавливаться на этих прелестнейших мотивах русского народного искусства, а сосредоточим внимание на группе фигурных узоров.

Техника примитивного шитья не способствует выразительности изображений живых существ: она стилизует и упрощает их до крайней степени; тем не менее, вопреки всем техническим затруднениям, в этих фигурах удается выразить их внутреннее содержание и отношение друг к другу.

1



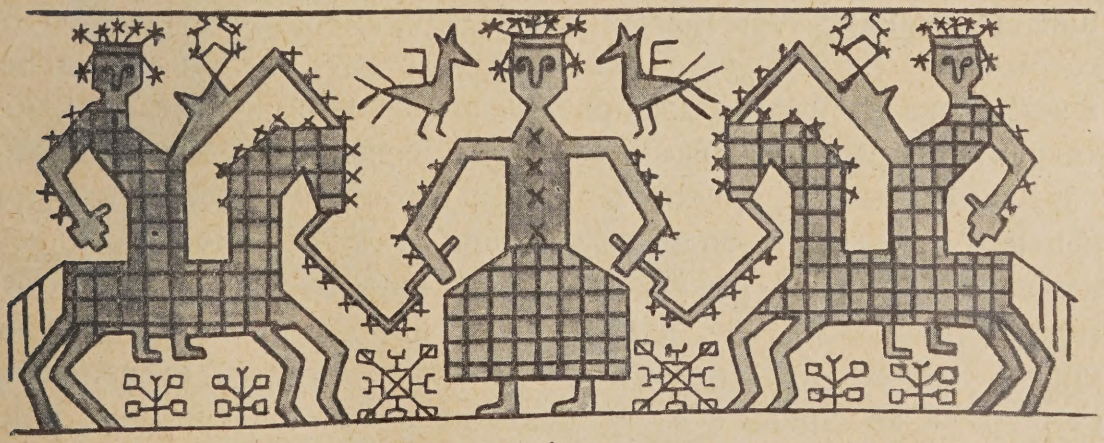
2

Рис. 1 и 2.

Центральной фигурой северно-русских узоров является изображение женщины, которая представляется всегда стоящею, может быть, потому, что трудно выразить примитивным шитьем другое положение, например, сидящею на скамье, в кресле и т. п. Ее отношение к окружающему внешнему миру выражается положением рук, которые то лежат у нее на бедрах, придавая фигуре вели-

3

4.



5.

Рис. 3, 4 и 5.

чественное спокойствие, то поднимаются кверху, ясно выражая ее молитвенное отношение к чему-то высшему или совершенно невидимому или видимому в форме сияющего диска солнца; то эти приподнятые руки держат птиц и другие символы светил небесных (рис. 1 и 2); то они опускаются вниз и держат поводья коней, на которых восседают всадники, обыкновенно молитвенно простирающие длани к женщине и нередко попирающие конскими ногами изображения маленьких людей и рыб (рис. 3, 4 и 5).

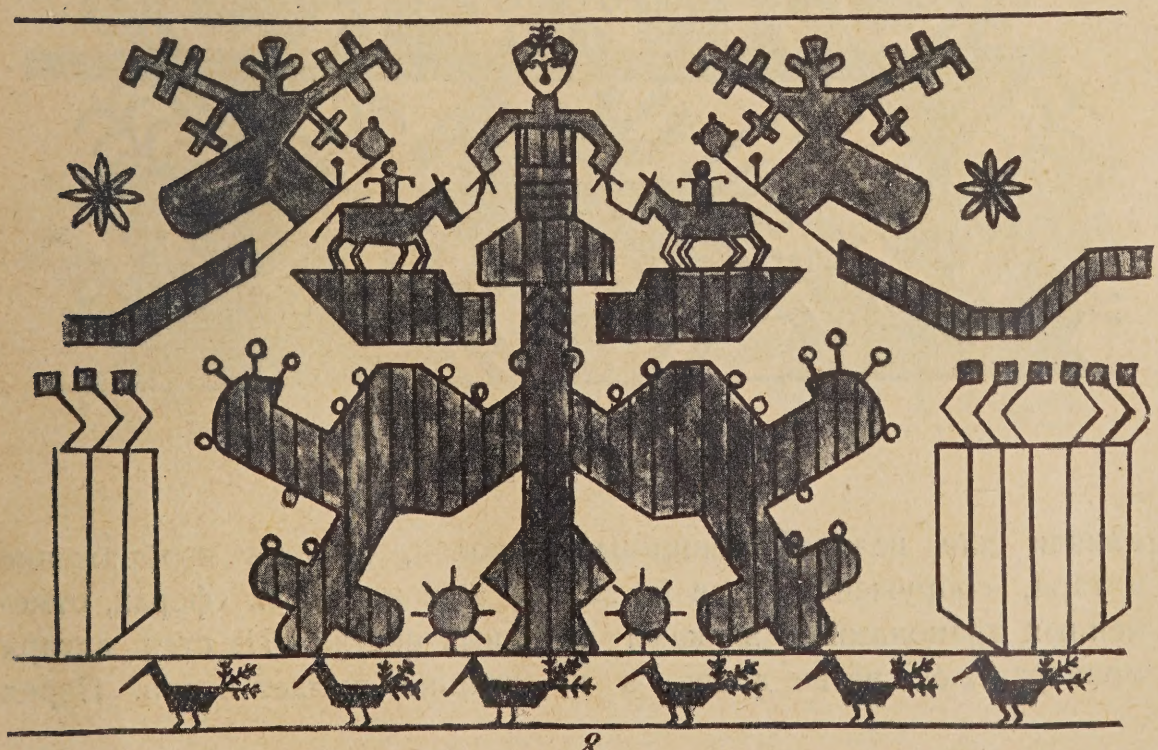
На-ряду со всадниками перед женщиною фигурируют и другие, очевидно, менее важные человеческие фигуры, представляемые в отдалении и меньшем масштабе, а также разные виды растений, животных (травоядных и плотоядных), птиц и рептилий (рис. 6).

С фигурою древа женщина связывается как бы органически, неразрывно (рис. 7 — 8); иногда она срастается с ним, а иногда заменяется, как определенно выраженным символом, перед которым, как перед нею самою, молитвенно предстоят и важные всадники, конем попирающие маленьких людей, и звери, и птицы, и гады, и рыбы, и символы всех светил небесных (рис. 9 — 10). Иногда женщина стоит в храме, покрытом драконами—символами небесной сферы; справа и слева от храма видны два свастических символа, может быть, солнца и луны и два дерева (рис. 11). Иногда она стоит в храме, наполненном знаками всех светил небесных: и солнца, и луны, и звезд, и пред ее могущественною фигурою предстоят оба всадника (рис. 12). Иногда она сама представляет храм, внутри которого стоит ее статуя — кумир, а справа и слева находятся оба всадника, высоко поднимающие длани кверху, выражая жесты адорации (молитвенного благоговения) (рис. 13); за всадниками стоит по одному дереву. Иногда она стоит, держа бразды правления двух всадников, на тверди, покрытой знаками светил небесных, под которыми произрастает пышное древо, и рядом стоит великолепный храм, а в нем молящиеся люди, адоративно поднимающие руки к ней—женщине небесной сферы (рис. 14). Иногда, наконец, рисуется могучее пышное древо, наполненное символами светил небесных; справа и слева от него, у корня, стоят жар-птицы с солнечными символами на спине, а за птицами возвышаются красивые храмы (рис. 15).

Есть удивительные изображения, где женщина стоит в небесных сферах с жестом адорации пред великим светилом солнца, а пред нею предстоят небесные, очевидно, посвященные ей неземные кони, так как под ногами их свастические знаки. Внизу

6

7



8

Рис. 6, 7 и 8.

той же картины возвышается алтарь с возложенною на него головою быка и предстоящими пред ним, уготовленными для жертвы или трапезы ей, двумя оленями (рис. 16). Это—этимастия, уготованная для великой женщины. Наконец, имеется изображение алтаря, сооруженного не на земле, а в небесных сферах, отмеченных драконами и знаками небесных светил. Из стен алтаря произрастают ветви древа, а на крышке пылает огонь. Перед

9

10

Рис. 9 и 10.

11

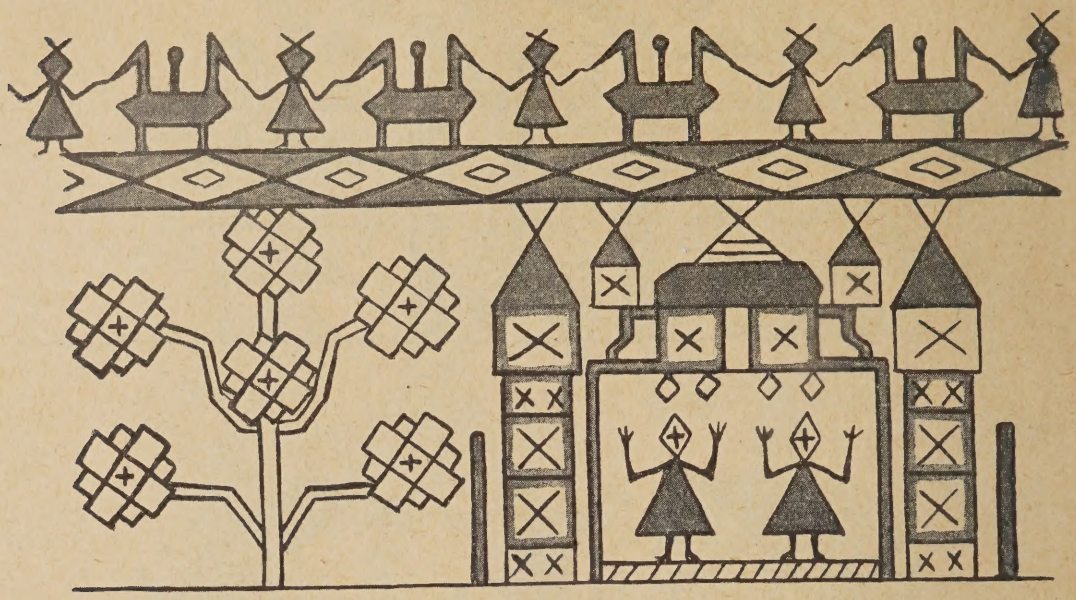
12.

13.

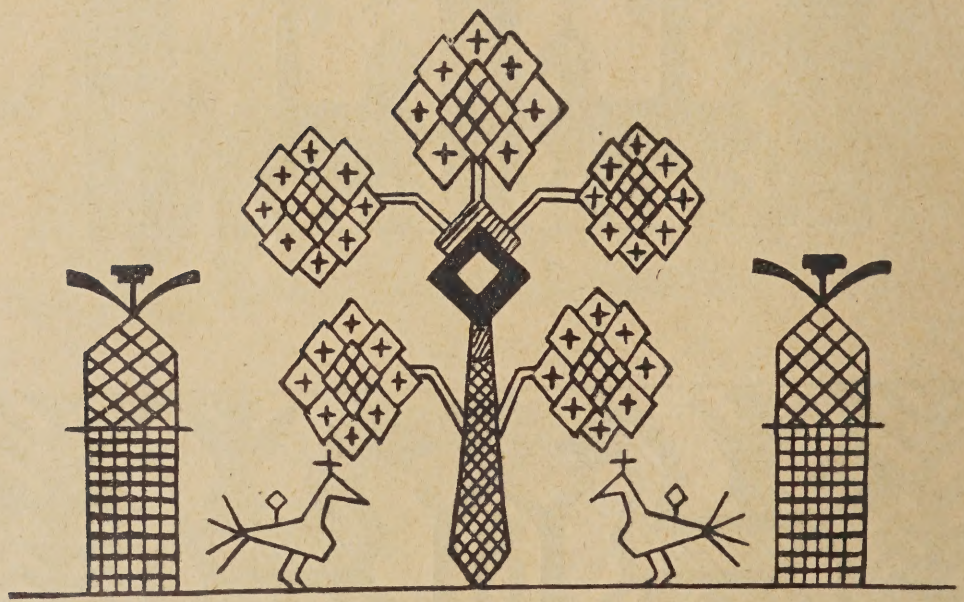
Рис. 11, 12 и 13.

алтарем стоят всадники на конях, покрытых свастическими знаками и попирающих ногами фигуры малых людей (рис. 17).

Возникает вопрос, что это за женщина, которой посвящается



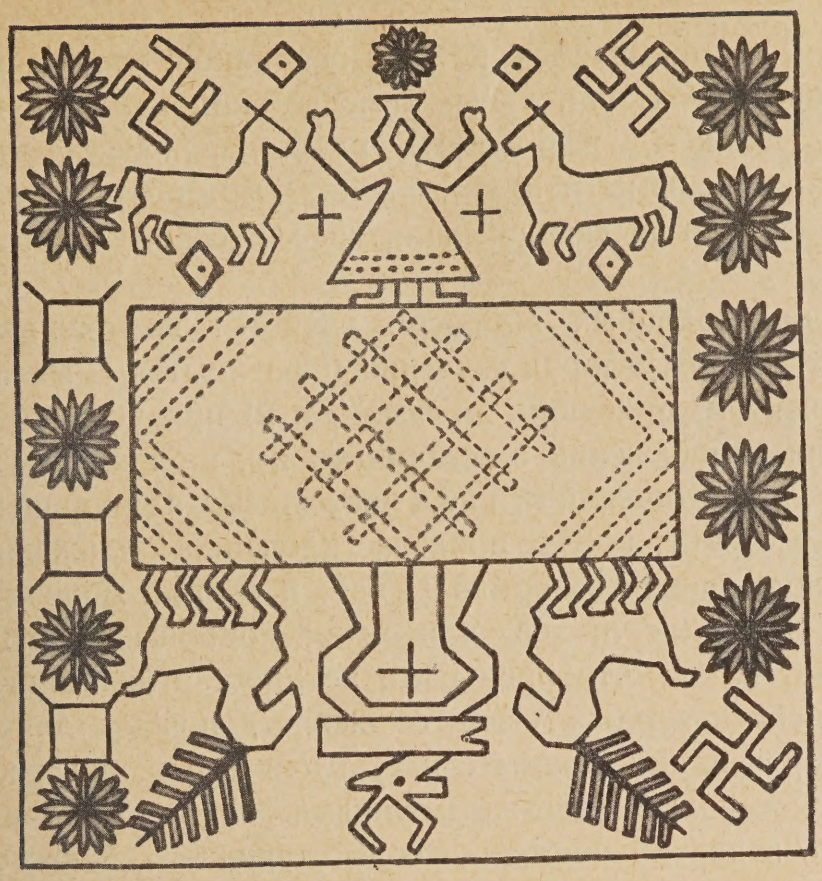
14



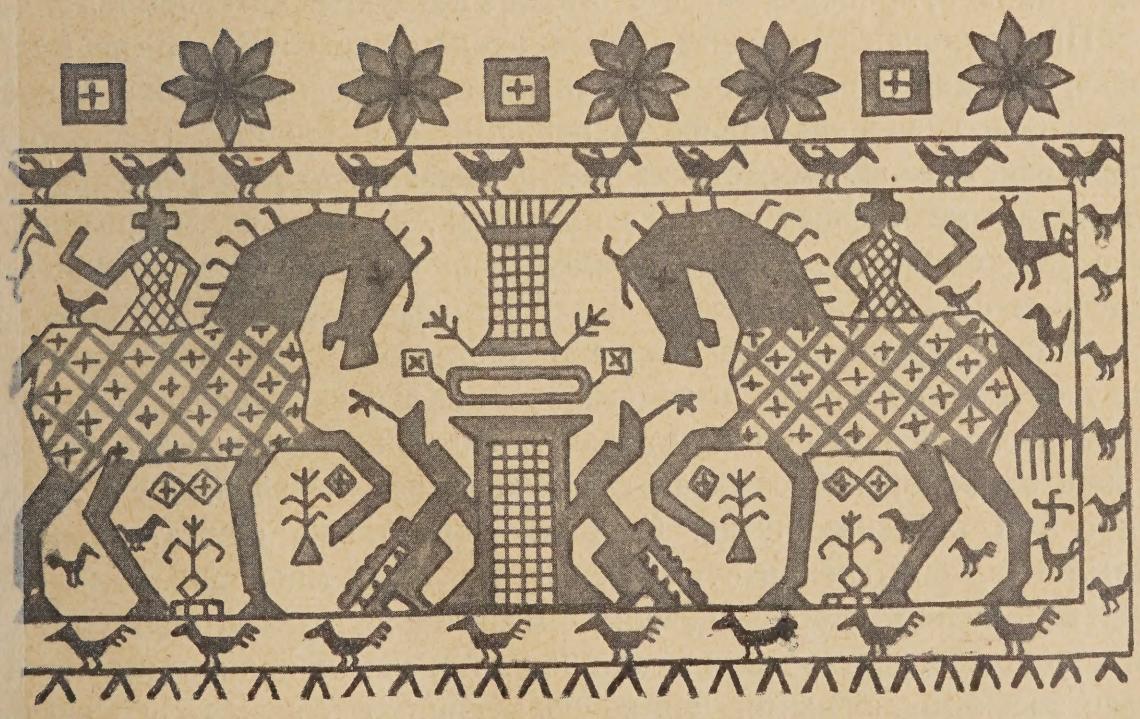
15

Рис. 14 и 15.

такое внимание русскими крестьянами; что означают сопровождающие ее символы небесных светил; что означает сопровождающее и замещающее ее древо; что означают молящиеся ей великие всадники и малые люди, то также молящиеся ей и ее



16



17

Рис. 16 и 17.

символам, то попираемые конями всадников; что, наконец, означают животные (кони, львы, химеры, гиппокампы и др.), птицы (петухи, фениксы — жар-птицы), рыбы и рептилии; что означают жертвенники, храмы и кумиры в них? Вот вопросы, решение которых сообщает выдающийся интерес русскому народному творчеству.

Решение подобных вопросов является возможным при двух условиях: 1) при условии изучения и раскрытия смысла изображений по чертам, присущим им самим, и 2) при условии изучения и сравнения изображений с подобными им, имеющими уже раскрытый смысл, но относящимся не к настоящему, а минувшему времени.

Всюду особое, вполне привеллегированное положение женщины и сопровождающие ее символы неба и светил, моление пред нею великих и малых людей или человекообразных существ ясно указывают на то, что пред нами не простая женщина, а богиня, царица неба и земли. А это объясняет, почему для нее возводятся жертвенники, храмы с поставленными в них, очевидно, с ее же изображениями, с ее же кумирами. Не трудно также решить вопрос о значении постоянно сопутствующего и часто замещающего богиню древа: это, очевидно, есть древо жизни, и если богиня так тесно связывается с ним, то, значит, в народном представлении, она сама есть начало жизни, мать всего сущего. Ей, как таковой, принадлежат все стихии: воздух, вода и земля.

Примитивная символика, обыкновенно, не сложна и не мудрена; русская народная символика почти вся расшифрована: в ней стихия воздуда представляется птицами, а воздушное (небесное) пространство—змеями; стихия земли символизируется растениями, травоядными и плотоядными животными, а стихия воды—рыбами. Все эти символы, как мы видели, в северно-русском шитье имеются на лицо.

Остается решить, что означают кони и всадники, сопутствующие богине не только в земных, но и небесных сферах? Кони изображаются попарно, и тот факт, что они изображаются над и среди символов небесных светил, указывает на служение их богине в ее небесных путях. Очевидно, они также служат ей, как крылатые кони греков служили светоносному Аполлону.

Несомненно, особое значение имеют кони и некоторых сопутствующих богине великих всадников, так как и они покрываются свастическими знаками, символизирующими светила небесные, а это указывает на их причастность к небесной жизни.

Само собою разумеется, что и всадники, изображенные на этих конях, не являются существами земными, а являются суще-

ствами небесными. Это—боги, но боги подчиненные великой богине — царице небесной, к которой они возносят свои моления, так как власть их и сила в ее руках, что наглядно представляется тем, что поводья (бразды правления) коней их находятся в руках богини. Изображенные под конскими ногами фигуры людей, повидимому, представляют злых богов, побежденных добрыми богами, или, другими словами, представляют победу добра над злом.

Однако, не все всадники сидят на конях, отмеченных небесными знаками, и не все они несут такие знаки на себе, поэтому следует заключить, что такие неотмеченные небесными символами существа не боги, а люди, но люди непростые, а квалифицированные; а таковыми могут быть цари—владыки земные, получающие милостию божиею свою власть. Некоторые из этих всадников молитвенно простирают руку к богине, а некоторые возносят эту руку кверху с предметом, напоминающим сосуд (рис. 5). У некоторых под ногами коней имеются изображения людей, вероятно, врагов, о покорении которых под нози владыки земные и просят владычицу небесную. Но если все это действительно так, то пред нами открывается народное сознание о божественном происхождении власти, предупредившее христианскую доктрину—„несть власть, аще не от бога“. Сознание, с исторической точки зрения, чрезвычайно интересное и важное.

Что касается второстепенных человеческих фигур, изображаемых в уменьшенном масштабе и стоящих, обыкновенно, в некотором отдалении, то в них можно узнать жрецов и в особенности жриц богини, а также и других поклонников и обожателей ее (рис. 6).

Итак, пред нами открывается замечательный по своему стройному и величественному содержанию культ „царицы небесной“, имя которой забыто русскими, так как, повидимому, целиком перенесено на христианскую „Царицу Небесную“. Эта великая русская языческая богиня, однако, не представляется наивысшим автократным существом: иначе она молитвенно не возносила бы своих дланей кверху. Очевидно, в русском народном сознании, над великою матерью всего сущего возвышалось такое необъятное божество, изобразить которое отказывалось народное творчество, выражая лишь иногда его светлую природу сияющим диском солнца, возвышающимся над головою великой богини (рис. 2 и 16).

Представляется вероятным, что этим необъятным, невыразимым, светлым божеством возглавляется стройное и по своему

характеру великое религиозное учение, выраженное в русском народном творчестве, как совершенно определенная и законченная теософская система.

Но так ли это? Не вкладываем ли мы в неразгаданные формы наше личное содержание, наши личные домыслы? Что или кто может удостоверить истинность такого заключения, выведенного из раскрытия смысла изображений по чертам, присущим им самим?

На все это дает, как нам кажется, совершенно удовлетворительное объяснение и утверждение археология. Мы должны обратиться к ней, следуя девизу, что „глубокое понимание настоящего немыслимо без знания прошлого", и это тем более, что дело касается несомненных пережитков глубокой старины. Прежде всего мы обратимся за справками к русской археологии, затем перейдем к археологии других стран и, подведя итоги наших розысков, дадим ответ на интересующие нас вопросы.

В искусстве народов, населявших территорию Европейской России до первых веков христианской эры и не принадлежащих к русской нации, мы не находим аналогий с описанным народным творчеством, но как только соприкасаемся с сарматскими древностями, то тотчас же нападаем на искомые совпадения. Они прослеживаются и в скифских древностях, но очень слабо. Однако, с них мы и начнем наш обзор [1]).

В известных Чертамлыкском и Кульобском курганах, содержавших, как полагают, погребения скифских царей, найдено значительное количество золотых квадратных бляшек со стереотипным изображением сидящей женщины, имеющей в левой руке предмет, напоминающий металлическое зеркало; пред нею стоит скиф, представленный в меньшем масштабе или ради исокефалии в рисунке, или ради обозначения его подчиненного значения; он пьет из сосуда, повидимому, поданный женщиною напиток.

Долгое время не удавалось расшифрировать эту сцену, но в конце концов установлено, что женщина представляет великую богиню Скифии, почитаемую выше всех богов. Геродот называет ее Гистией, а скифы называли Табити и Анагитой, матерью всего сущего. Стоящий же пред нею скиф является или царем, или мистом, приобщающимся богине через поданное ему питье. Боль-

---

[1]) Продолжая изучение описываемых явлений, можно найти удивительные аналогии в Микенской и еще более древних арийских и семитических культурах, но в настоящем предварительном очерке автор не задается исчерпывающим описанием явлений.

шое количество изображений свидетельствует о широкой популярности такого рода образков, нашивавшихся или на одежды, или на погребальные покровы.

Аналогичное изображение скифской богини можно видеть и на золотой диадеме, найденной г. Гезе в кургане близ с. Сахновки, в 7 верстах от Киева. К сожалению, подлинность диадемы заподозрена, хотя, впрочем, далеко не всеми исследователями. Пред богиней стоит коленопреклоненно бородатый скиф (царь или мист), которому богиня дает круглодонный кубок с напитком для приобщения себе предстоящего. Сцена осложняется введением восьми персон, не имеющих для нас в настоящем случае значения.

Сравнивая иконографию описанных скифских вещей с иконографией северно-русского шитья, мы не можем установить между ними сходства. Нет или, вернее, почти нет сходства и в сопровождающих их инсигниях и символах. Между тем сходство номинальное и генетическое, как мы увидим далее, несомненно существует.

Гораздо ближе к северно-русской иконографии шитья стоят изображения той же богини у сарматов.

Рис. 18.

В кургане Карагодеуашх, Кубанской области, найдена золотая пластинка, украшавшая головной убор женщины, вероятнее всего, царицы. На пластинке представлены разные сцены, расположенные в трех ярусах. Каждый ярус внизу сопровождается узкими зонами, покрытыми символическими изображениями (рис. 18).

Следует полагать, что сцены всех трех ярусов посвящены одному и тому же действующему лицу, каким здесь выступает великая богиня. В верхнем ярусе она стоит одиноко на тверди небесной; она как бы господствует над всем миром и довлеет сама себе. Небесная твердь символически отмечается зоной, украшенной овами, причастными свастической символике небесной сферы.

Во втором ярусе та же великая богиня представлена стоящею между двумя конями. Некоторые исследователи, неверно принимая фигуру ее за Аполлона, утверждают, что фигура ее стоит в колеснице, запряженной парой коней, но с этим нельзя согласиться, так как признаки колесницы совершенно отсутствуют. Впрочем, это мало изменяет сущность дела, заключающуюся в изображении готовности богини выступить в путь на своих конях туда, где ее ожидают, воскуряя фимиамы адорации, как об этом свидетельствует помещенный в средней зоне фимиарий, оберегаемый двумя крылатыми грифонами.

В нижнем ярусе представлена сцена деяний великой богини, сошедшей с горних небесных высот на землю. Она в царственном облачении восседает на троне, держа в правой руке ритон с причастием, вручая его скифу, вероятно, царю, стоящему от нее влево, чтобы приобщить его себе и дать ему своею „милостью божиею“ власть над людьми. Справа к ней приблизился жрец, готовый передать другой сосуд с изготовленным причастием. Сзади богини стоят две жрицы.

В нижней зоне, в подножии богини, изображены головы жертвенных быков и женские маски; назначение и смысл последних загадочны.

Иконография описанных сцен все еще далека от иконографии северно-русского шитья; но здесь очень важны черты совпадений. К таким чертам следует отнести: 1) изображение богини в двух верхних ярусах стоящею и 2) присутствие при богине второго яруса двух коней. Обе эти черты, как мы видели, присущи и великой богине северно-русского шитья (сравни рис. 16).

Затем весьма замечательное и важное совпадение заключается в том, что фимиарий средней зоны золотой пластинки совершенно так же, как и курящийся жертвенник северно-русского

шитья, оберегается крылатыми грифонами (сравни рис. 17). Такое совпадение не может быть случайным: оно, несомненно, обусловленно одним общим генезисом.

Наконец, необходимо отметить еще одну схожую черту, это—присутствие у подножия богины головы быка. В золотой пластинке головы быка изображены изолириванно; в северно-русском шитье голова быка лежит на жертвеннике, указывая на то, что она играет особую роль в культе богини (рис. 16). Между тем известно, что в скифосарматском культе богини бык и баран были теми жертвенными животными, кровью которых причащались

Рис. 19.

мисты; такое причастие имело место и в культе греческой богини—Афродиды Урании—и называлось то криоболией, то тавроболией. Отсюда естественно заключение, что как в иконографии сарматской торевтики, так и в северно-русской иконографии шитья изображения бычьих голов являются символами тавроболии. Для северно-русской иконографии шитья это важный и совершенно неожиданный факт.

Еще более сходства с северно-русской иконографией шитья дает золотая обкладка ритона, найденная в 1876 г. в Кубанской области, хранящаяся в Ленинградском Эрмитаже (рис. 19).

На обкладке изображена великая богиня сидящею в кресле; в правой руке она держит круглодонный сосуд с причастием; справа от нее стоит ее символ—древо жизни; слева висит конский

череп на шесте, как символ ее—покровительницы сарматских коней и всадников; далее изображен всадник на коне, правой рукой он высоко поднял ритон, как доказательство его приобщения богине и как символ дарованной ему власти.

В этом изображении уже ясно выступает иконографическое сходство с изображениями северно-русского шитья, выражающееся в одинаково условной трактовке древа жизни и адоранта богини в виде всадника на коне с высокоподнятой рукой, держащей сосуд. Несмотря на всю техническую трудность передачи маленького сосуда в шитье, русским мастерицам все же удавалось и это выразить; но гораздо реальнее трактуются сосуды, как мы увидим, на деревянных „набойных досках“, где предстоящие пред великой богиней адоранты держат отчетливо выраженные сосуды, свидетельствуя о замечательной ременисценции ритуальных инсигний глубокой древности (рис. 26).

В иконографии северно-руского шитья до сих пор не удалось найти изображения шестов с конскими черепами. Может быть, это объясняется трудностью передачи в шитье формы черепа, которая вышла плохо даже на золотой обкладке ритона. Впрочем, необходимо заметить, что при одном храме, изображенном в шитье, все же видно два шеста, но без черепов, вышить которые, очевидно, затруднялись (рис. 14). Следует еще отметить и то, что обычай надевать конские черепа на шесты близ жилья, пасек и огородов сохранился в России и до сих пор. В Московской и Курской губ. этот обычай существует у пчелинцев, которые, вешая на шест конский череп, верят, что это принесет им счастье тем, что пчелы будут больше носить меда и обильнее роиться [1]).

В вышеупомянутом кургане Карагодеуашх найден серебряный ритон, на котором изображена замечательная сцена передачи власти (инвеституры) богом царю. Оба они сидят на конях. Бог, в котором узнают Мифру, в правой руке держит ритон с причастием, а в левой руке—скипетр. Царь поднял правую руку в знак адорации, вероятно, в знак молитвы о даровании ему „милостию божиею“ царской власти. Под ногами коней их лежат в прах поверженные люди, изображающие побежденные, враждебные, а следовательно, злые начала или силы. Великой богини персонально нет, но она представлена своим постоянным символом—древом жизни, изображенным сзади бога (рис. 20).

---

[1]) Сведения об описанном обычае имеются из г. Рузы, Московской губ., и села Ксёльце, Курской губ.; но известно, что подобный обычай существует в Рязанской губ. и, повидимому, повсюду у русского населения и инородцев, взявших обычай у русских. Авт.

В описанной сцене оказывается несколько черт, схожих с чертами соответствующих сцен северно-русского шитья. Эти схожие черты заключаются в одинаковом изображении побежденных враждебных (злых) начал в виде человеческих фигур, поверженных под ноги коней, и в одинаковом изображении отсутствующей персонально богини в виде древа жизни. Но на-ряду со схо-

Рис. 20.

жими чертами, здесь имеется и существенная разница, заключающаяся в том, что в северно-русском шитье ни разу не наблюдается, чтобы один всадник молился перед другим, между тем как подобное явление обычно наблюдается в Персии. Мы его находим на сассанидских печатях и на скальном барельефе из Нокса-и-Рустем, содержащем сцену инвеституры Ардашира (224 г. по Р. Х.). Это сходство сарматской иконографии с сассанидской объясняют одинаковым происхождением их из древней иранской иконографии, выработанной гораздо ранее христианской эры.

Чрезвычайно любопытный для нас иконографический материал дает золотая диадема царицы — жены Рискупорида II (III в. по Р. Х.). Центральное положение в этой диадеме занимает четырехугольная золотая пластинка, на которой изображены: в правой стороне „древо жизни“, левее его, под ветвями стоит жертвенник с пылающим огнем; пред жертвенником на коне сидит всадник, вероятнее всего, царь, адоративно поднявший руку по направлению к „древу жизни“, держа в ней ритон — знак власти, полученной им „милостию божиею“ (рис. 21).

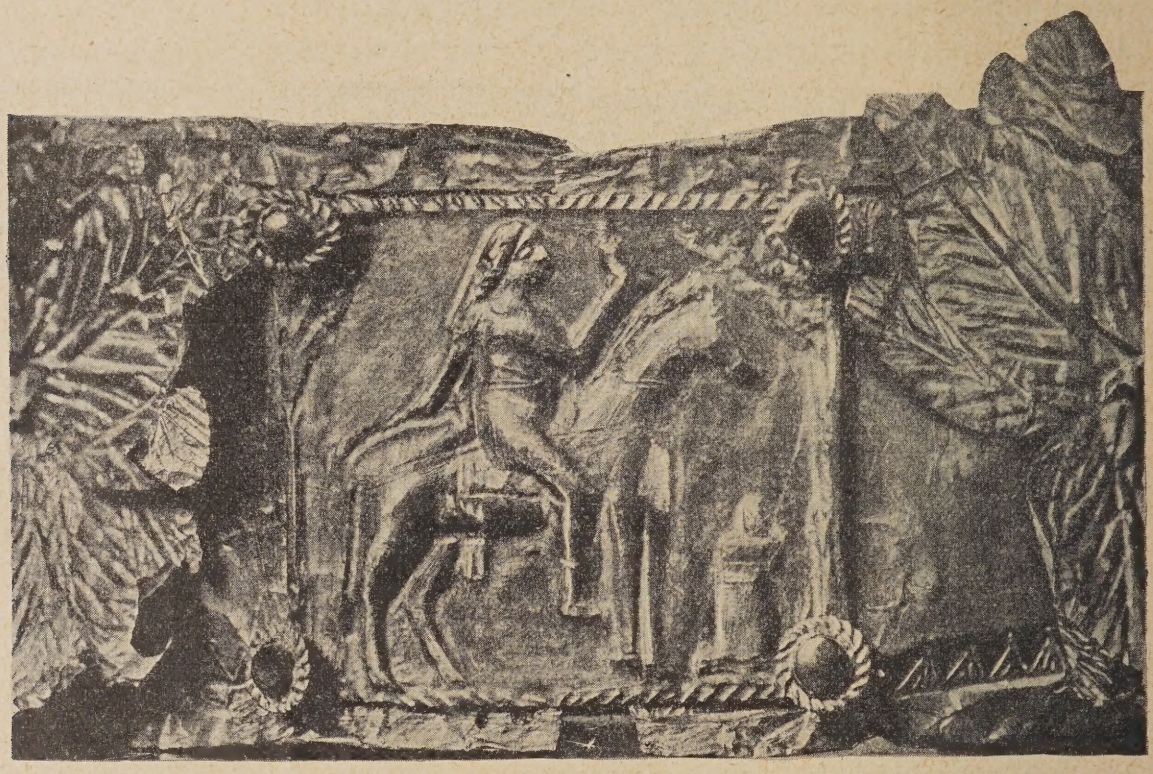


Рис. 21.

Совершенно схожую сцену мы можем видеть и в северно-русском шитье, где изображаются: жертвенник с пылающим огнем, обросший ветвями дерева — символ великой богини (рис. 17); пред жертвенником адорируют два всадника, сидящих на конях, покрытых свастическими знаками. Каждый из всадников в поднятой руке держит предмет, может быть, сосуд с причастием. Под ногами их коней видны человеческие фигурки поверженных людей. Вокруг жертвенника и всадников рассеяны символы небесных светил, указывающих на то, что действие происходит не на земле, а в небесах, и что всадники не простые люди, а небожители.

На этом мы пока закончим обзор сарматского иконографического материала, который достаточен, чтобы установить факты нахождения его элементов в иконографии северно-русского шитья.

Эти элементы, однако, не настолько значительны, чтобы всю иконографию шитья производить от сарматских образцов. С такими чертами мы встречаемся в иконографии даков.

Даки — сильный, но мало известный народ. Их считают родственными гетам, а гетов — фракийцам; не раз, однако, высказывалось мнение, по которому они были славянами. Но как бы то ни было, вопрос о генезисе даков остается не разрешенным и до сих пор. Имя даков впервые упоминает Юстин (Justin, XXXII, 3, 16) при описании их войны с бастарнами, жившими севернее в Карпатах. В то время вождем даков был Оролес (может быть, Орлец). Его владения тогда простирались между рр. Тиссой, Дунаем, Прутом и Карпатскими горами. В 50-х годах до Р. Х. царь даков—Бэребист—расширил владения к востоку до Днепра, при чем была взята Ольвия, и к западу—до Северных (Норийских) Альп.

После Галлов даки были самыми опасными врагами римлян. Юлий Цезарь деятельно готовился к войне с Бэребистом, но во время подготовки был убит. Вскоре был убит и Бэребист, и Дакия распалась на четыре части, что ослабило даков, и они затихли; но в конце I века по Р. Х. Дакия снова окрепла и снова вступила в смертельную борьбу с Римом. Их энергичный царь Децебал принудил римского императора Домициана заплатить большую, очень позорную для Рима, контрибуцию, который с этого времени приступил к подготовке новой огромной кампании против даков. Избранный в императоры Троян заключил наступательный против даков союз с языгами и бурами и в 101 году вторгся с большими силами в Дакию. Война тянулась два года. В 103 году даки были побеждены, и Децебал присягнул Риму; но в 104 году он вновь восстал и вызвал вторую, еще более упорную, войну с Римом, которая тянулась до 107 года, когда Троян нанес такое решительное поражение дакам, что Децебал лишил себя жизни, а население частью покорилось Риму, а, повидимому, большею частью отошло в неизвестную для Рима страну, вероятнее же всего, в область Приднепровья. Чтобы судить о могуществе даков и о значении для римлян выигранной кампании, следует отметить, что Рим праздновал победу играми и пирами в течение 123 дней, а Троян увековечил свой подвиг постановкой в Риме знаменитой его колонны.

После 107 года имя даков в исторических документах почти не встречается, а Дакия начинает заселяться новыми разнообразными колонистами, преимущественно фракийцами.

О жилищах, одеждах и лицах даков дают понятие изображения на колонне Трояна, но о религии их имеется мало историче-

ских известий. Мы знаем только, что даки верили в загробную жизнь, имели своих богов и оракулов (гадателей). Но в последнее время наши сведения о религии стали пополняться весьма интересным археологическим материалом. На пространстве древней Дакии и Паннонии, которая нередко входила в состав первой, найдено свыше ста небольших таблеток или, вернее, языческих образков с религиозными сценами. Время образков точно не уста-

Рис. 22.

новлено, но полагают, что лучшие из них можно относить к I и II векам по Р. Х.; они существовали и несколько позже, становясь все более и более грубыми по своему техническому выполнению, а к концу III века и совершенно исчезли. Вне владений даков такие образки почти нигде не встречаются. Правда, в виде совершенно понятного исключения, один из них был найден даже в Италии, куда он, вероятнее всего, попал с пленным даком.

Дакийские образки делались из бронзы, но чаще из свинца, иногда из камня и даже глины. По форме они не одинаковы, но

чаще всего четырехугольны, реже имеют вид храмиков с двускатной крышей или крепостей — эдикул — с тремя выступами (зубцами) наверху (рис. 22 — 24). Встречаются образки и овальной

Рис. 23 и 24.

формы. Четырехугольные, храмо- и эдикуловидные металлические образки живо напоминают русские христианские медные иконки и так называемые складни. Полагают, что дакийские образки, как и христианские, носились на теле и прикреплялись к стенам храмов и домов.

Священные фигуры дакийских образков отливались рельефно. Центральное место в изображениях всегда занимает женщина — великая богиня, царица небесная, а по обе стороны от нее помещаются изображения двух богов, сидящих верхом на конях, попирающих фигуры поверженных людей, изредка заменяемых под одним из всадников изображением рыбы (рис. 22). Иконографическая трактовка этой троицы часто во всех даже мельчайших деталях соответствует иконографии, несомненно, той же самой троицы в иконографии северно-русского шитья. Всадники адоративно простирают вверх и по направлению к богине руки. Иногда богиня держит в руках поводья их лошадей, изображаясь в короне, как подобает царице небесной (рис. 23). Над головою ее простирается небо в виде двух змей и светил небесных: солнца, луны и звезд, представляемых то натуралистично, то символично в виде человеческих голов и бюстов, иногда украшенных сиянием солнца и серпом луны. На одном образке, хранящемся в Загребском музее, солнце представлено Аполлоном в лучистом нимбе, в колеснице, запряженной четверкой коней (квадригой) (рис. 22). На одном свинцовом эдикуловидном образке, над рамкой иконки, в среднем зубце, изображена рыба, что удивительным образом совпадает с изображением рыбы на карнизах окон северно-русских изб (рис. 23).

Из символических животных, сопровождающих дакийскую троицу, фигурируют львы, травоядные животные (бараны, олени и др.), птицы (в особенности петухи и вороны), рыбы и растения, иногда головы лошадей. Все это почти точно совпадает с символами иконографии северно-русского шитья. В последнем нам не удалось видеть только изображений баранов, что, может быть, объясняется недостаточностью осмотренного материала, но положительно известно из описания О. Шрадера, что в Олонецкой губернии, доставившей едва ли не самые лучшие образцы иконографического шитья, до сих пор существует обычай в так называемое „Баранье воскресенье“ приносить в жертву Ильe-Перуну баранов, а иногда и быков, т.-е. совершать таинства „криоболии“ и „тавроболии“, более ярко выраженные в дакийской иконографии, как испытывавшей ближайшее и живое влияние эллинского культа.

Помимо сходства главных персонажей и символов, в обеих иконографиях (и дакийской, и северно-русского шитья), замечается столь же большое сходство и в самом расположении фигур, размещаемых, обычно, сценами в трех и более ярусах. В этом отношении особенного внимания заслуживает одна резная набив-

ная доска Выставки Российского Исторического Музея, сделанная по образцу шитья, подражать которому ее отпечатки и предназначались (рис. 26). Ее хорошо подчеркнутая трехъярусность совершенно точно совпадает с трехъярусностью некоторых дакийских свинцовых образков, что доказывает сохранность дакийской традиции в самом чистом виде. К этой набойной доске мы еще вернемся, чтобы познакомиться с ее содержанием.

Рис. 25.

Отмечая сходства, однако, нельзя не отметить и некоторых особенностей дакийской иконографии, не встречающихся в иконографии северно-русского шитья. Эти особенности в дакийской иконографии выражаются присутствием греко-римских божеств, в роде светоносного Аполлона (Гелиоса) на квадриге и Ники, венчающей победным венком одного конного бога или царя. Этих фигур мы ни раза не наблюдали в северно-русском шитье. Очевидно, они легли посторонним, вероятнее всего, уже более поздним

налетом на исконную дакийскую иконографию, а поэтому не успели войти в отделившуюся иконографию русского шитья.

В дакийских образках часто фигурируют столы с положенною на них рыбою, тогда как в русском шитье они отсутствуют. Последнее явление можно объяснить техническою трудностью изображения таких мелких деталей, которые не всегда отчетливо выражаются и в металлических более пластичных отливках.

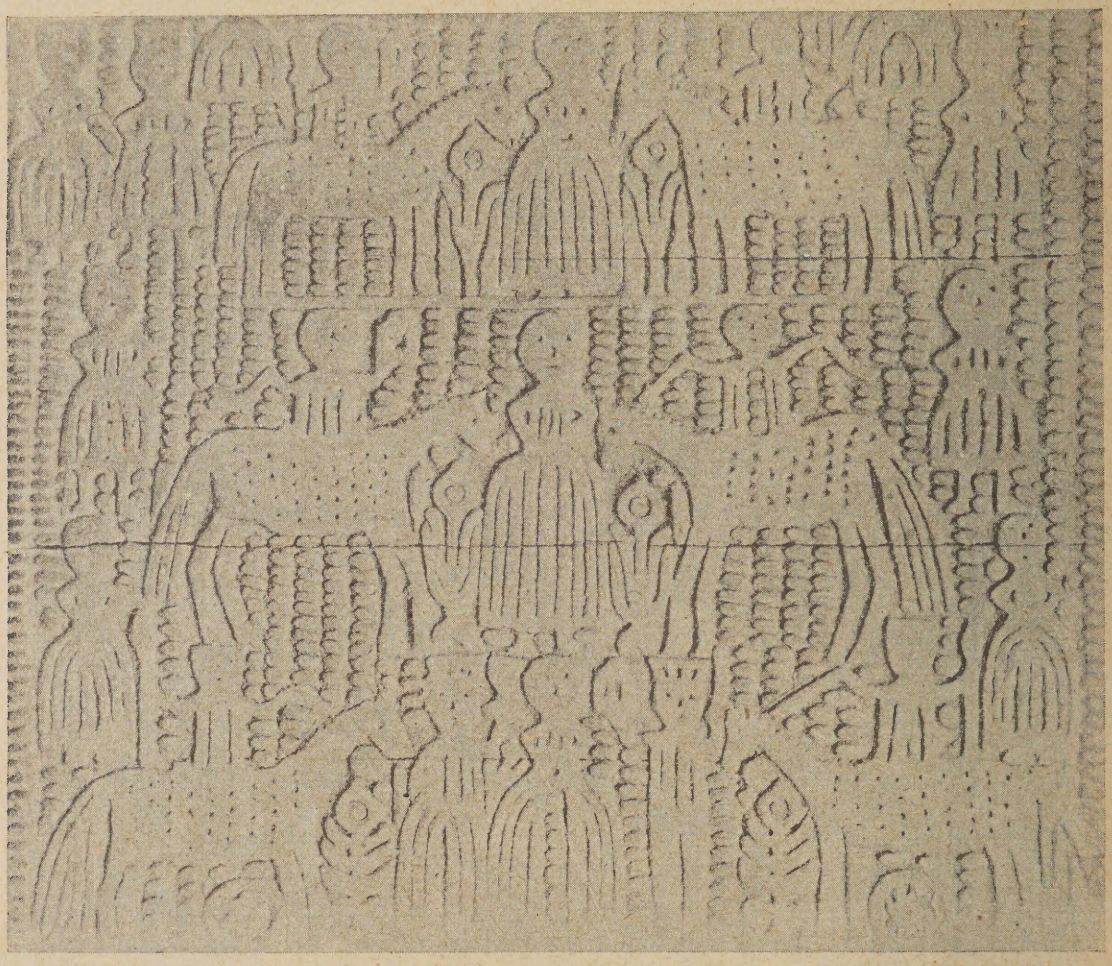


Рис. 26.

Чтобы несколько ближе познакомиться с некоторыми деталями двух исследуемых иконографий, остановимся на анализе изображений упомянутой набойной доски (рис. 26).

Представленные на доске сцены размещены в трех ярусах и до некоторой степени повторяют друг друга. В верхнем ярусе изображена великая богиня; справа и слева, около нее, представлено в удвоенном виде „древо жизни"; далее, с обеих сторон сидят на конях два всадника, из которых правый имеет в руках поднятых адоративно кверху, сосуд, очевидно, с причастием великой богине, и, может быть, меч, как знак силы и власти; левый

всадник поднял одну руку с раскрытою ладонью в знак адорации, а другою, также приподнятою, повидимому, держит повод коня; у него еще нет символа причастия, и он просит о даровании его. За всадниками, на высоте их голов, изображены два храмика, повидимому, с кумирами богини внутри. За храмиками, вправо от богини, стоят коронованными царь и царица, а влево от нее — один коронованный царь. Это, очевидно, приобщенные к культу царицы небесной земные цари или какие-нибудь коронованные мисты.

Параллели описанному можно видеть в упомянутом дакийском образке, найденном в Италии, где в главном среднем ярусе усматриваются и дублированное „древо жизни“, и храмик над головою богини, и две добавочных фигуры мужчин — царей или важных мистов, адорирующих ритонами с причастием царице небесной (рис. 25).

В среднем ярусе набойной доски богиня и удвоенное „древо жизни“ повторяются в прежнем виде, как и в верхнем ярусе; прежнее положение удерживают и всадники, из которых правый, по отношению к богине, держит в одной руке сосуд, а в другой, повидимому, тяжелую секиру или молот; левый всадник держит в правой руке повод коня, а в левой — саблю. За правым всадником стоит коронованный царь, а за левым — некоронованный мужчина, может быть, жрец. Подобные добавочные, стоящие за всадниками, фигуры можно видеть в верхнем ярусе свинцового дакийского образка, в которых узнают бога войны Арея и Немезиду, а, вернее, следует узнать также посвященного царя и жрицу или жреца — эвнуха царицы небесной. В загребском образке, в рассматриваемом ярусе, очень любопытно изображение двух петухов на плечах богини. Подобные петухи очень часто фигурируют и на плечах царицы небесной северно-русского иконографического шитья (рис. 22).

В нижнем ярусе набойной доски изображены: в центре—богиня, слева от нее — коронованный царь, адорирующий сосудом и саблей, а справа — коронованная царица, адорирующая сосудом и держащая в опущенной левой руке, повидимому, щит с умбоном, может быть, как знак ходатайства ее перед царицею небесною о защите униженных и оскорбленных подданых; сбоку царя и царицы произрастает в удвоенном виде „древо жизни“, а за ним сидят на конях два небесных коронованных всадника, держащих в одной руке повод коня, а в другой — копье; их небесная природа определяется символами солнца в виде лучистых дисков, изображенных под ступнями ног всадников. Наконец, над

крупами обеих лошадей изображено по одной женской фигуре, вероятно, жриц богини.

Описанная сцена третьего яруса не имеет аналогии ни в северно-русском шитье, ни в древних дакийских образках; но можно догадываться, что в средней троице имеется дело с непонятым и поэтому испорченным изображением великой трапезы богини с двумя богами, какое можно видеть в том загребском свинцовым образке, с которым набойная доска, в отношении деления на три яруса, имеет наибольшее сходство (рис. 22).

На этом мы закончим краткий обзор дакийских элементов в русском народном творчестве, полагая, что приведенного уже достаточно не только для того, чтобы признать факт существования таких элементов в русском творчестве, но и для того, чтобы поставить научный вопрос о генетическом их сродстве. Отсюда же возникает целый ряд вопросов, касающихся: 1) времени восприятия русским народным творчеством элементов дакийской религиозной иконографии; 2) времени и причины выделения русской от дакийской иконографии; 3) времени выделения русских славян из общей славянской семьи народов в пределах средней Европы и, наконец, 4) представления русских славян о божественном пантеоне и происхождении власти земных владык милостию божиею от царицы небесной и высшего бога, представляемого символами солнца, к которому царица небесная молитвенно поднимает руки.

Точные ответы на эти вопросы может дать только будущее, когда получит должное научное освещение весь относящийся к вопросам материал. В настоящее же время можно только в виде предварительного мнения высказать, что для восприятия и глубокого проникновения в сознание русского народа дакийской иконографии должно было потребоваться много времени, начало которого последовало, несомненно, ранее Р. Х. Что же касается времени и причины выделения русской иконографии от дакийской, то она совершилась, вероятнее всего, в 107 году по Р. Х., как следствие разгрома даков Трояном, о веке которого у русских сохранилась память даже в XII веке, как зафиксировано в „Слове о полку Игоревом".

В виду того, что русская иконография шитья, насколько известно, оказывается неповторяющеюся ни у одной славянской народности Средней Европы, следует заключить, что выделение русских славян совершилось ранее Р. Х., когда последовало восприятие культа великой богини.

Русский языческий пантеон, как это выражено в народном творчестве, состоял из высшего божества, символом которого

являлось солнце. К этому божеству, повидимому, люди не дерзали обращаться с мольбами сами. Благою и милосердною посредницею между высочайшим богом и людьми являлась великая богиня — царица небесная, она же, повидимому, мать второстепенных богов и всего сущего; она дарует своею милостью силу и власть царям и народам. Ей всюду сопутствуют два бога: оба одинаково воинственные и сильные, покоряющие под свои ноги врагов. В одном из этих богов, повидимому, скрывается великий русский бог войны — Перун, в другом, может быть, Стрибог, как бог ветра, непогоды, дождя и водной стихии вообще, в знак чего под ногами его коня, как у даков, так и у севернорусских славян, вероятных потомков первых, изображается рыба — символ водной стихии [1]).

Что же касается имен высочайшего бога и богини, то они неизвестны и очень возможно, что эти боги не имели совсем собственных имен, а известны были под нарицательными именами „бога“ и „царицы небесной“ или „богородицы“, перешедших целиком и в современный русский христианский культ.

Последней сооружались храмы, о форме которых отчасти можно судить по изображениям как дакийской, так и северно-русской иконографии шитья. В храмах воздвигались ее статуи и жертвенники, при чем последние иногда бывали и под открытым небом или чаще под ветвями деревьев.

Судя по широкому распространению северно-русского иконографического шитья, следует полагать, что в храмах существовали занавесы, покрытые символическим шитьем. В меньшем виде это символическое шитье, повидимому, сопровождало домашние обряды в виде свадеб, где невесты обязаны были наглядно доказать знание релизиозных символов и умение их воспроизводить. Очень возможно, что в древние времена девицы вышивали и храмовые занавесы, упоминание о которых имеется у Массуди и Саксонского Грамматика. Самый обычай употребления в культовых обрядах узорчатых тканей ими мог быть заимствован от древних эллинов, где такие ткани пользовались широким применением и в виде занавес, и в виде покровов. Восхищаясь ими, эллинский поэт Феокрит (III в. до Р. Х.) восклицает:

„Что за ткачихи, Афина, покровы им (Адонису и Афродите) эти соткали!
Чья — им искусная кисть создала этих образов прелесть!

---

[1]) К. М. Гальковский производит очень убедительно имя Стри-бога от чехо-моравского—„стри“-ветер, приносящий непогоду.

Ведь как живые стоят, как живые гуляют по ткани.
Скажешь, с душою они... Нет на свете мудрей человека". [1])

Интересен взляд сарматов, даков и северно-русских славян на власть, которую они все одинаково понимают и трактуют в искусстве, как дар богов.

На этом я закончу мое сообщение. В заключение замечу, что решение поставленных здесь вопросов только начато, но далеко не доведено до конца. Я глубоко уверен в том, что в решении их примут участие многие ученые и не только русские, но и заграничные.

---

[1]) Заимствовано у Ф. Ф. Зелинского. Религия Эллинизма. Петроград. 1922 г.

Скальные рисунки Тургайской области.

Проф. *В. А. Городцова.*

В декабре 1916 года г-жа Н. С. Воронец подарила Российскому Историческому Музею два камня, покрытых изображениями животных и людей (рис. 1 и 2). Из приложенной к этому интересному дару записки видно, что покрытые рисунками камни были отбиты дарительницей от скалы, называемой Тюйё-Май-Нак, на берегу речки Лак-Пай, впадающей в Байконур, верстах в 15 от каменноугольных копей Спасского английского Общества.

Означенная местность находится в Тургайской области и уезде, в 300 верстах к северо-северо-востоку от железнодорожной станции Джусалы (Карманчи), находящейся на правом берегу р. Сыр-Дарьи. Известно, что от названной станции идет в направлении Байконур очень древняя караванная дорога, которая верстах в ста к северу от Тюйё-Май-Нак разделяется на два пути: 1) северо-восточный, ведущий в область Алтая, и 2) северо-западный, направляющийся в область Среднего Урала. Скала Тюйё-Май-Нак в настоящее время стоит верстах в пяти от караванной дороги, где располагается не одна, а целый ряд скал, известных под одним названием.

В 1917 году Н. С. Воронец напечатала небольшую статью в „Русском Антропологическом Журнале“, посвященную описанию скал и покрывающих их изображений [1]), где она дает такое освещение местности и рисункам. „Скалы, носящие название Тюйё-Май-Нак, говорит Н. С. Воронец, не высоки — сажен 12 — 15 — и расположены над небольшой речкой Лак-Пай, протекающей по урочищу того же названия. Речка эта всего 1/2 — 2 сажени шириной (в августе) и впадает в реку Байконур, которая протекает мимо копей Спасского Общества. Река Лак-Пай течет в этом месте с востока на запад; правый берег ее — песчаный, местами

---

[1]) Н. Воронец. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сыр-Дарьинской областей, на реке Лак-Пай“. „Русский Антроп. Журнал“ кн. XXXIX—XL, 1916 г. №№ 3 и 4, Москва, 1917 г. Стр. 57—60.

пологий, местами холмистый, а левый берег — скалистый и представляет из себя Тюйё-Май-Нак. Рисунки все обращены к речке, следовательно, находятся на северном склоне скалы. Число отдельных высеченных изображений животных простирается тысяч до трех на пространстве около четверти версты. В двум верстах отсюда находятся, говорят, опять такие же рисунки, но попасть туда за недостатком времени мне не пришлось".

„Рисунки, продолжает Н. С. Воронец, представляют из себя гравюры; поверхность их покрыта точечными углублениями, как будто изображения выбивались каким-то острым орудием. Начинаются они иногда от земли и доходят до уровня на высоте около $1^1/_2$ саж. Иногда тропинка (карниз) идет и выше, к другой скале, тоже с изображениями. Местами изображения скучены в большом количестве, местами их 4 — 5. Иногда имеется только одно животное (я привезла такой образчик, изображающий верблюда) [1]). Чаще всего встречаются изображения двугорбых верблюдов; есть верблюды лежащие, с характерно разинутым ртом (как известно, верблюды всегда кричат, когда ложатся); есть с какими-то балдахинами сверху, при чем передняя палка от балдахина упирается между шеей и передним горбом, а задняя палка — в хвост; представлена охота на верблюдов: нагой человек стреляет из лука в верблюда, две стрелы попали в туловище, а третья проходит сквозь ногу; есть верблюды стилизованные. Величина большинства верблюдов — 18 см в длину (если брать от конца хвоста до конца морды) и 13 см в высоту, но есть и меньше; имеется верблюд, у которого видны две передних и две задних ноги, два двойных горба, двойная голова и шея и два хвоста; наконец, есть верблюды с громадной головой. По рисункам можно определить пол верблюдов. На верблюдах, и только на них, часто находятся другие животные, иногда меньшей величины".

„Олени изображены иногда один, иногда два; а иногда штук до шести вместе. Величина оленей приблизительно такая же, как и верблюдов".

„Лошади встречаются несколько в меньшем количестве, чем верблюды, тоже различной величины, но всегда меньшей, чем верблюды; их можно видеть как вместе с другими животными, так и отдельными группами. Попадаются лошади со спутанными ногами. Куланы перемешаны с лошадьми".

---

[1]) Камень с описываемым рисунком, вместе с другим камнем, принесен Н. С. Воронец в дар Российскому Историческому Музею. Зала V, витр. 16, низ. Авт.

„Львов (?) я видела только два; у них хвост с кистью на конце. Одно животное напоминает слона (?), другие — быков, но с разной формы рогами; имеются животные, похожие на волков и на гиэн; похожих на собак помню только одно".

„Есть много пятен, похожих по очертаниям на ящериц, но с короткими хвостами; есть пятна, оставшиеся совершенно непонятными для меня".

„Люди изображаются всегда нагими. Один человек представлен верхом на какой-то змее с двумя ногами (или это условное изображение лошади?) и в руке держит палку; другой человек изображен стреляющим из лука, с одной парой ног, но туловищ два, как бы посаженных одно сверху другого, при чем к ниж-

Рис. 1.

нему туловищу принадлежит правая рука, подбоченившаяся, верхняя же рука поднята кверху, а в левой руке, отходящей от верхнего туловища, находится лук, из которого человек пустил три стрелы в верблюда; под этим верблюдом лежит верблюд вверх ногами".

„На скалах, заканчивает Н. С. Воронец, встретилась и надпись на неизвестном языке, выгравированная на камне аршина $1^1/_2$ в длину и $2^1/_2$ в ширину. Камень этот покрыт сплошь какими-то письменами, которые уже значительно попорчены трещинами. Глубина букв доходит до 3—4 миллиметров".

К статье Н. С. Воронец приложены два рисунка.

На камнях, доставленных в Российский Исторический Музей, изображено шесть фигур животных и три знака, именно: на одном камне (рис. 1) представлен двугорбый верблюд и перед его головой — два знака свастики (на рис. не вышли); на другом

большем камне — пять фигур животных, из которых две лошади, а три неопределимы, и знак креста (рис. 2). На фигуре двугорбого верблюда выгравированы черты, напоминающие паланкин, одна палка которого уперта в холку (между шеей и передним горбом) и другая — в задний горб. Размеры рисунков колеблятся между 21 и 11 см в длину и между 14 и 8 см в высоту. Наибольшие размеры имеет фигура верблюда. Рисунки выполнены одним техническим приемом: на гладкой природной поверхности скалы, сложенной из темной сланцевой кристаллической породы, дающей вертикальные отколы, художник делал контур изображаемых фигур и затем всю очерченную контуром площадь равномерно углублял, выбивая острым концом рабочего

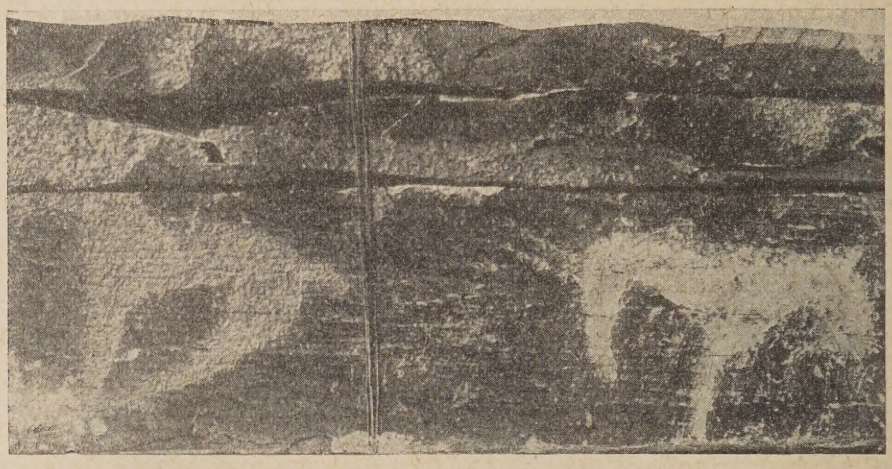


Рис. 2.

инструмента небольшие поверхностные кусочки породы. Этот способ отчасти напоминает древний ювелирный прием выреза гнезд в металле для так называемой „выемчатой эмали". Получаемый таким образом рисунок имел вид силуэта. Его ясность и отчетливость зависели, однако, не столько от техники, сколько от изменения цвета вырезанных мест скалы. Благодаря пустынному загару натуральная поверхность скалы получила темную окраску; когда же древние художники, вырезая или, правильнее, выбивая свои рисунки, удаляли пустынный загар, то обнажался светло-серый цвет породы, что и выделяло ярко фигуры рисунков. Со временем фигуры темнели, покрываясь сначала коричневатым, а затем более темным загаром, что успело запечатлеться и на фигурах камней, доставленных Российскому Историческому Музею; из них одни имеют цвет светло-серый, другие — коричневатый и, наконец, третьи — значительно потемневший, при чем самою темною оказывается фигура двугорбого верблюда. Пустынный

загар, так часто наблюдаемый на поверхностях скал и отдельных камней, представляет явление хорошо известное натуралистам, но еще не совсем разъясненное: одни исследователи склонны видеть в нем выпотнение каменных пород под влиянием солнечного нагревания, другие—взаимодействие пылевых частиц на поверхность каменной породы; во всяком случае окраска получается на счет выделения растворов железа и марганца, следы которых сопровождают многие горные породы [1]). Но каково бы ни было происхождение пустынного загара, важно то, что он совершается медленно, а это дает возможность определять с некоторою точностью время цветовых явлений, наблюдаемых на рисунках. Эти цветовые явления, судя по имеющимся образцам, указывают на то, что рисунки появились не в одно время, что более темные из них явились ранее более светлых, а это уже не маловажно, и при дальнейшем изучении их на месте может повести к важным научным выводам.

Кроме обломков скалы, покрытых рисунками, г-жа Воронец доставила фотографии, изучая которые, можно заметить, что на скалах из нарисованных животных чаще фигурируют двугорбые верблюды, реже лошади, козлы и др. Большинство верблюдов является прирученными: на спинах их видны то всадники, то вьюки или, может быть, паланкины. Обыкновенно, верблюды, как и другие животные, изображаются покойно стоящими, но в одном случае художнику удалось изобразить поднимание верблюда, на котором сидит человек и, нужно полагать, подвязаны вьюки. Верблюд поднялся на задние ноги и готовится встать с колен на передние ноги.

Лошади представлены то со всадниками, то свободными. Головы, шеи, туловища этих красивых животных часто бывают представлены живо и правильно, но художникам не удавалось изобразить движения ног, хотя желание выразить аллюры у них, несомненно, имелось.

Интересно изображение одного козла: его рога в виде двух дуг перекинуты через всю спину, что, на первый взгляд, произво-

---

[1]) Пустынный загар является защитной коркой, образующейся в зависимости, главным образом, от климатических условий в странах, бедных дождями. В Африке, Северной Америке и Средней Азии пустынный загар выступает именно при таких условиях. Чем страна беднее дождевыми осадками и развитием растительного покрова, тем сильнее развивается на обнаженных скалах и камнях пустынный загар, получающий то блестяще-черную, как графит, то бурую, то желтую окраску. Царапины по загару дают цвет или светло-серый, или красный, или желтый. Серый цвет указывает на окиси марганца, красный и желтый — на окиси железа.

Химические анализы корки пустынного загара дают различные смеси от почти чистой окиси железа до почти чистой окиси марганца.

дит впечатление изображения как бы двух козлов, сросшихся туловищами наподобие геральдических животных; но иллюзия исчезает, как только обращается внимание на ноги, так как художнику удалось передать характерное строение передних и задних ног одного и того же животного. Совершенно тождественные изображения козлов зафиксированы гр. А. А. Бобринским, снявшим с них фотографии в верхнем Пяндже (Аму-Дарьи), где они, на-ряду с другими рисунками, изображены на скалах [1]).

Присматриваясь к расположению животных, можно легко заметить, что они представляются то на ровной плоскости, то на подъеме в гору, то на спуске с горы. Скалы Тюйё-Май-Нак изрезаны параллельными естественными трещинами, идущими нередко в диагональных направлениях то в одну, то в другую сторону, что иногда производит впечатление готовых изображений подъемов и спусков горных тропинок. Древний художник, видимо, старался использовать готовые очертания пейзажа и располагал фигуры животных в зависимости от трещин, определявших плоскости то подъемов, то спусков.

Кроме фигур животных и человека, на фотографиях, снятых со скал, видны и линейные знаки в форме свастики и крестов.

Можно еще заметить, что рисунки являются неодинаково светлыми; напротив, некоторые из них настолько потемнели, что почти слились с темным цветом скалы, а это должно указывать, как выше замечено, на появление скальных рисунков в разные времена.

Осенью 1916 года мне передал Г. М. Пригоровский четыре фотографии со скальных рисунков, объяснив при этом, что брат его, геолог М. М. Пригоровский, производя геологические изыскания в Тургайской области, нашел скалы, покрытые разными изображениями, которые он снял на передаваемых фотографиях (рис. 6—9) и просил дать им хотя бы некоторое научное освещение. Позже М. М. Пригоровский в двух письмах сообщил мне следующее: „сфотографированные мною рисунки высечены на скалистых берегах р. Байконур в Тургайском уезде, непосредственно ниже места впадения в эту реку притока ее (левого) Лак-Сая, верстах в 15-и ниже рудника, принадлежащего Английской компании „Атбасарскому обществу медных копей“. Здесь оба берега скалистые, сложенные кристаллическими сланцами, при чем река делает ряд крутых изгибов то в ту, то в другую

---

[1]) Гр. А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. Москва, 1908 г., табл. XIV и XV.

сторону, будучи ориентирована то по простиранию слоев NNW, то в крест ему. Рисунки сгруппированы на пространстве около 2—3 верст, главным образом, на правом берегу, на разных высотах над рекой, до 12 саженей над нею. Многие рисунки остались мною не сняты по недоступности места или неблагоприятному освещению, многие фотографии не удались. Самое крупное изображение верблюда (фотография не удалась) приблизительно равно 5 вершкам".

Рис. 3.

„Другое место на той же реке, где можно видеть рисунки, это — ниже устья левого притока Курайлы, в области развития красноцветных девонских песчаников. Эта порода легко выветривается; рисунки здесь менее ясны: мною не сфотографированы" [1]).

Во втором письме М. М. Пригоровский пишет, что „название это реки, на берегах которой найдены скальные рисунки,

[1]) Письмо М. М. Пригоровского датировано 9 января 1917 г. Петроград.

двоякое: и Буланты, и Байконур. Для ориентировки в географическом положении места, где высечены рисунки, прилагаю карточку в масштабе 20 верст в дюйме, составленную мною по соответствующей карте Главного Штаба“ (рис. 3).

„Значком ⊛ показано местонахождение, не сфотографированное мною, довольно многочисленных, но сравнительно плохо сохранившихся рисунков на красноцветных песчаниках (причиной плохого сохранения является характер породы, легко выветривающейся“) [1]).

Сопоставляя сведения о местонахождении открытых М. М. Пригоровским скальных рисунков со сведениями Н. С. Воронец, можно притти к заключению, что оба местонахождения скальных рисунков находятся недалеко друг от друга и очень вероятным представляется, что скальные рисунки на берегу Байконура, осмотренные и зафотографированные М. М. Пригоровским, были упомянуты Н. С. Воронец, как находящиеся в двух верстах от Тюйё-Май-Нак, которые она за недостатком времени не могла осмотреть. При этом, однако, смущает двойное имя реки, названной Н. С. Воронец — Лак-Най, а М. М. Пригоровским — Лак-Сай; но, повидимому, в данном случае имеется дело с двойным наименованием одной и той же реки; по крайней мере такое предположение как бы оправдывается крайне неустойчивою туземною географическою номенклатурою, в которой всюду встречаются дублированные названия, и где даже основная река страны Байконур, впадающая в озеро Чубар-тениз, имеет еще два названия: Буланты и Мулдыр.

Рис. 4 и 5.

Судя по хорошим фотографиям М. М. Пригоровского, кристаллическая порода скал Буланты однородна с породою скал Тюйё-Май-Нак: она также расчленяется на вертикальные отдельности, покрытые диагональными трещинами; она также темна в застарелых и светла в новых изломах; наконец, на вертикальных плоскостях ее почти также ясно или смутно выступают рисунки, нанесенные рукою человека.

---

[1]) Письмо датировано 29 января 1917 года. Петроград.

Среди изображений байконурской группы скальных рисунков преобладают лошади, затем по количеству фигур следуют верблюды, козлы или, возможно, и бараны; изображена одна корова (рис. 4), собака (рис. 5) и волк или лисица (рис. 7), встречаются

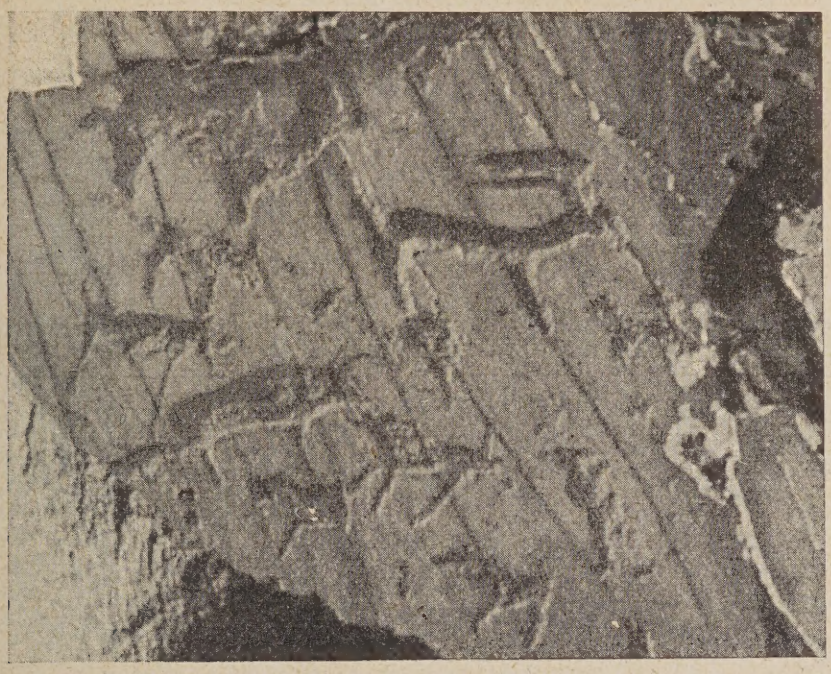


Рис. 6.

также, и довольно часто, фигуры людей (рис. 7 и 8). В отношении окраски пустынным загаром, насколько позволительно судить по

Рис. 7.

фотографиям, рисунки отличаются друг от друга так же, как и рисунки предшествующей группы; так, одни из них свежи и сравнительно светлы, другие, наоборот, — темны и по цвету почти не отличимы от общего фона скалы; а это указывает на разновременное появление рисунков и этой группы.

Расположение фигур, техника выполнения и вся художественная трактовка их схожи с теми, какие мы наблюдали в первой группе, но некоторые фигуры изображены лучше. Особенно выгодно выделяется группа фигур, изображающая как бы одну смело задуманную и удачно выполненную композицию, представляющую спуск и подъем каравана в горах (рис. 7). Впереди на коне едет в гору всадник, усиленно подтягивающий за длинный повод двугорбого верблюда, на спине которого также сидит человек и, вероятно, находятся вьюки. Верблюд упирается и как бы не хочет итти вперед. За верблюдом идет человек с головой украшенной тремя лучами, спускающийся вниз с горы и ведущий

Рис. 8.

в поводу коня. В позе коня удачно передана осторожность спускающегося вниз животного, присевшего на круп. На переднем плане картины изображен зверь, вероятнее всего, волк, который, находясь в стороне, как бы следит за движением каравана. Вся композиция отличается живостью и оригинальностью, а углубления фигур — свежестью, указывающею на более позднее их происхождение.

В других изображениях хорошо выполнены фигуры коней (рис. 8 и 9), очень хорошо представлена корова и слабее переданы горные козлы или бараны, вид которых по рисункам не поддается определению.

Из фигур людей интересна фертообразная фигура с головой, украшенной тремя лучами, может быть, долженствовавшими изобразить головной убор человека (рис. 8). С правого бока фигуры

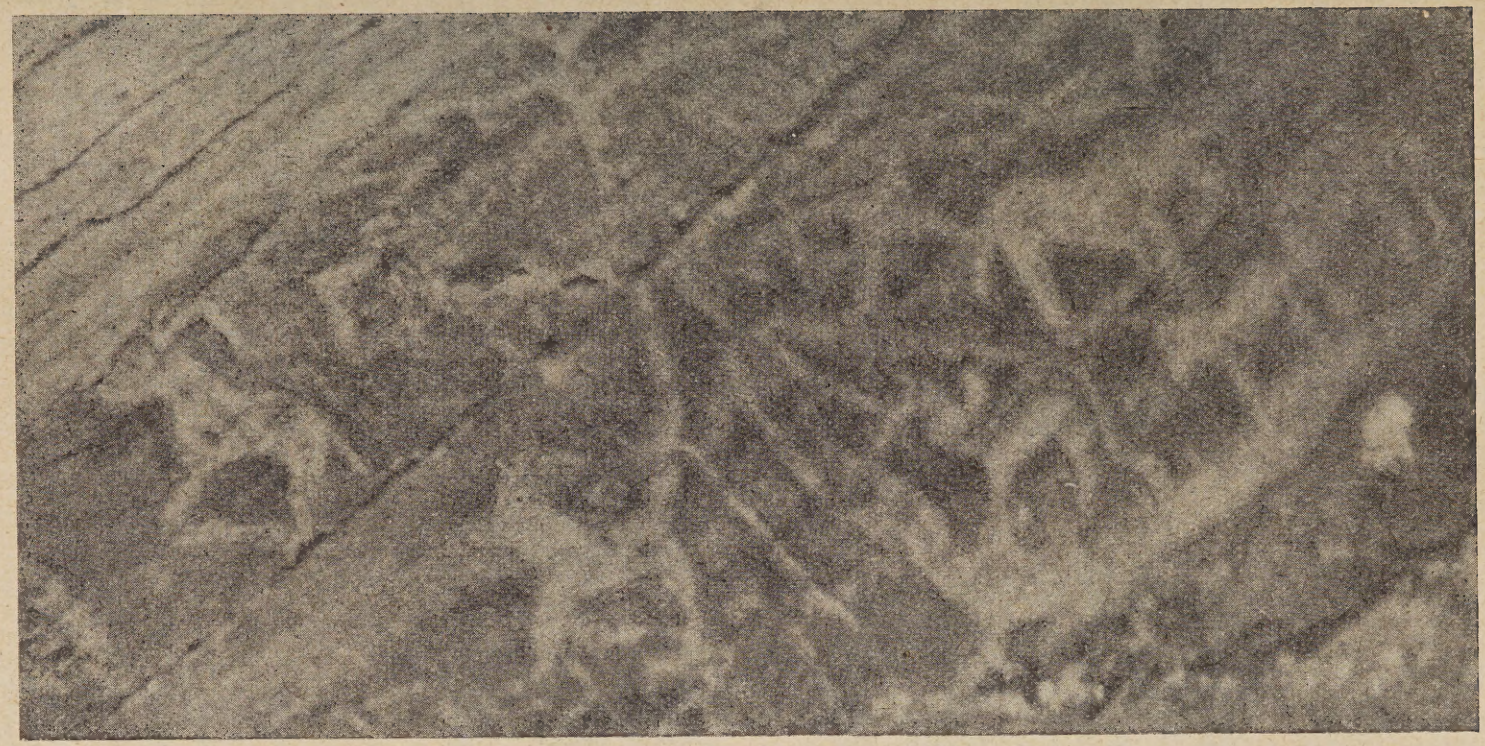


Рис. 9.

заметно изображение предмета, похожего на меч или палицу. По своему общему виду, эта фигура человека удивительно похожа на многие литые металлические изображения антропоморфных существ на так называемых чудских образках, находимых в большом количестве на среднем Приуралье. Среди изображений на чудских образках можно видеть и фертообразные фигуры людей (рис. 10), и фигуры людей с головами, украшенными тремя лучами (рис. 11—13). Подобные изображения распространялись далеко

Рис. 10—16.

к западу от Урала: они, например, найдены в известном Галичском кладе, Костромской губ., относимом к ранней поре неометаллической эпохи (рис. 14 и 15). В крайне стилизованном виде, выполненном в одну черту, фертообразные фигуры людей, изображенных на скалах, встречаются нередко на берегах р. Енисея [1]) (рис. 16). Они найдены также в долине р. Пянджа [2]). Но что особенно любопытно, совершенно такие же фигуры найдены на ска-

[1]) И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства. Труды XIV Археолог. Съезда, т. I, 1908 г.

[2]) Гр. А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. Москва. 1908 г.

лах в Испании [1]). Сходство испанских фертообразных людей с сибирскими доходит иногда до полного тождества, при чем головы испанских фигур часто украшаются лучами, объясняемыми, как головные украшения, вероятнее всего, состоявшие из птичьих перьев. Древность испанских изображений Брейль и Обермайер определяют неолитическою эпохою, что представляется маловероятным, так как имеются положительные признаки того, что возраст их не может быть старше металлического периода.

Линейных знаков в байконурской группе скальных рисунков не наблюдается, хотя они и там вполне возможны.

Таков в общих чертах состав нового материала по скальным рисункам Тургайской области, доставленного Н. С. Воронец и М. М. Пригоровским. Само собою разумеется, что освещенным материалом далеко не исчерпывается все то, что было осмотрено названными лицами, вовсе не задававшимися целью специального изучения скальных рисунков древнего человека. Поэтому мы вправе ожидать, что при дальнейшем изучении материала на месте будет обильный приток новых черт и явлений, способных более определенно ответить на научные запросы, постановка и решение которых при настоящих условиях может оказаться преждевременною, и если мы позволим себе слегка коснуться некоторых из них, то только для того, чтобы углубить интерес к новым фактам и возбудить желание к продолжению собирания их.

При первом прикосновении к такого рода материалам, к какому относятся скальные рисунки, невольно и вполне естественно возникает целый ряд вопросов: о протяженности времени, пространства явлений, о их творцах, о их назначении и научном значении. Общие ответы на эти вопросы нетрудны, так как обеспечиваются обширными материалами, освещенными наукой для других местностей. Так, напр., хорошо известно, что скальные рисунки как во времени, так и в пространстве имеют огромное распространение. Древнейшие из них относятся к палеолитической эпохе, зато новейшие еще воспроизводятся нашими современниками. Они найдены во многих местах Европы, Африки, Азии, Австралии и Америки. Очевидно, подобные скальные рисунки имеют стихийный характер человеческого творчества. Люди, достигнув определенной умственной зрелости, как будто совершенно независимо от времени и пространства, начинают с явным увлечением изощряться в покрытии скал своими художественными

[1]) H. Breil et H. Obermaier. Les premiers travaux de l'Institut de paléontologie humaine. L'Antropologie, 1912 г., том XXIII, стр. 25, фиг. 24, том XXIV, 1913 г., стр. 9, фиг. 10.

творениями. Можно предполагать, что причиной, побуждавшей человека располагать свои творения на скалах, являлось отсутствие под руками более нежного и в то же время достаточно прочного материала. Скальные рисунки, если из числа их изъять произведения египтян, ассирийцев, персов и других цивилизованных народов древнего мира, обыкновенно принадлежат обществам людей с примитивной цивилизацией и материальной культурой, где для широких запросов художественного творчества не было более подходящих материалов: кость, дерево и даже кожа не давали достаточного простора, а сверх сего легко и окончательно погибали.

Какому назначению, каким требованиям человеческого духа должны были удовлетворять такие обширные творения, какими представляются скальные рисунки? Судя по большому труду, с каким воспроизводились рисунки на твердых скалах, необходимо заключить, что они имели серьезное практическое значение. Однако, рисунки в то же время носят все признаки чистого изобразительного искусства. Является противоречие, но это противоречие только кажущееся. Искусство можно разделить на три категории, соответствующие трем главным свойствам человеческого духа: разуму, воле и чувству.

Искусство, удовлетворяющее запросам разума, задается целью передать идеи в наглядных образах; при этом не требуется ни детальности, ни особой гибкости и реальности изображаемых явлений, так как обилие и разнообразие признаков бесполезно отвлекали бы внимание зрителя и затемняли бы передаваемую идею, которая должна быть вполне ясною и вполне определенною. Поэтому идейное искусство по необходимости должно быть сухим, строгим, стильным. Это искусство принято называть символическим. Оно назначается почти исключительно для обслуживания религиозных потребностей. Особенно широкого развития символическое искусство достигает в христианской религии: живопись — у византийцев и русских, архитектура — у западно-европейских христиан в их готике. В обоих случаях преследовалась одна идея — устремления человеческого духа от земли к небу.

Искусство для выражения воли основывалось на уверенности в возможности подчинения волевой силе тех существ, предметов и явлений, которые будут изображены художником, считающим себя и считающимся другими со сверхестественной магической силой. Такое искусство и называется „магическим искусством". От произведений этого рода искусства требуется возможно более точная передача натуры или особенно характерных черт ее, чтобы

направленная магическая сила действовала именно на это вполне определенное, а не на всякое другое, хотя иногда похожее, явление. Магическое искусство свойственно народам, охваченным верой в колдовство, фетишизм. Оно особенно процветало у египтян, веривших, что изображенное ими в виде ли живописи, в виде ли скульптуры, или архитектуры для сопровождения в загробный мир умершего, волею жрецов и милостию Озириса получит действительное бытие и будет обслуживать в загробном мире нужды покойника.

Третья категория искусства вызывается потребностью человеческого духа выражать свои чувства (эмоции) в живых образах; отсюда и самое искусство получило название „эмоционального", и если существует искусство—ради искусства, то им может быть только эмоциональное искусство. Человеческий дух, реагируя на беспрерывные ощущения явлений внешнего мира, часто стремится зафиксировать образы этих явлений с тем, чтобы увековечить и заставить их снова возбуждать пережитые впечатления. Довольство и нищета, радость и скорбь, любовь и ненависть, страх и ужас, покой и буря, все, что волнует человеческий дух, является темой „эмоционального искусства". Этот высший сорт искусства развился под действием необычайно сильного гения европейцев и прежде всего эгейцев, греков, затем всех современных цивилизованных народов.

Эмоциональное искусство требует полной реальности в передаче изображаемых существ, предметов и явлений, как эта реальность ощущается (переживается) духом художника. Выражением необычайно разнообразных эффектов эмоционального искусства занято—или даже более—поглощено наше современное творчество как в областях живописи, скульптуры, музыки, изящной литературы, так и в архитектуре.

Таковы три основных вида искусства; но истинные художники всегда и неудержимо стремятся к свободному выявлению своих творческих инстинктов и поэтому часто даже вопреки строго установленным канонам вносят черты одного вида искусства в другой вид, а это поневоле заставляет ученых классификаторов итти на компромиссы, допускающие определение вида искусства по преобладающему характеру творчества, имея при этом в виду и то, что при установлении закономерностей не приходится считаться с некоторыми уклонениями и явлениями явно переходного характера. Допуская такую поправку, зададимся вопросом, к какому же из трех видов искусства относятся скальные рисунки?

В последнее время французские археологи, а за ними вслед и многие другие пришли к заключению, что все палеолитические скальные рисунки Франции, Пиренейского полуострова и Северной Африки принадлежат к категории магического искусства, направленного на подчинение воле человека тех существ, предметов и явлений, какие изображены художником-магом, художником-чародеем. Мне кажется, что к этой и только к этой категории искусства можно относить скальные рисунки и более позднего времени, а в том числе и изучаемые нами рисунки Тургайской области, где ясно выражено стремление передать возможно точнее натуру при отсутствии эмоциональных выражений, что, как мы видели, является характерною особенностью магического искусства.

Что же намеревались выразить тургайские художники в своих магических произведениях? Повидимому, они направляли свои чары на окружающих их животных, чтобы одни из них, будучи домашними, лучше плодились, множились и процветали, а другие—дикие—способствовали удаче охоты за ними. Но, помимо этого, можно проследить и другие более сложные пожелания, доступные более цивилизованным народам. Так, на вышеописанной картине движения в горной местности каравана (рис. 7) мы видим опасные спуски, трудные подъемы и хищного зверя, готового напасть на вьючных животных, в пути или на стоянках неосторожно уклонившихся от бдительного надзора погонщиков. И вот, чтобы не было несчастий с караваном, чтобы горные спуски и подъемы были преодолимы, чтобы дикий зверь не наносил ущерба каравану, художник-маг и изобразил на картине это путешествие, которое по его воле должно быть благополучным.

Что касается линейных знаков в виде креста и свастики, какие наблюдаются среди скальных рисунков, то и они могли иметь чисто магическое значение заклинания или решительного пожелания; хотя возможно, что такого рода знаки вызывались и другими соображениями, не связанными с произведениями изобразительного искусства: например, некоторые ученые в них усматривают прообразы линейного письма.

Более трудными представляются вопросы о времени и народности тургайских скальных рисунков. Сходство, а иногда полное тождество они имеют с енисейскими рисунками, поэтому можно датировать их общими датами. И. Т. Савенков в своем обширном труде „О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее“ определяет древность енисейских скальных

Рис. 17—33.

рисунков неолитической, бронзовой и железной эпохами, т.-е. огромным протяжением времени. К сожалению, на этом важном вопросе автор останавливается только вскользь, мимоходом, не приводя никаких серьезных доказательств. Между тем, такие доказательства, несомненно, существуют в достаточном количестве. Прежде всего, продолжительность существования скальных рисунков, как выше указывалось, определяется степенью развития на рисунках „пустынного загара". Этот хронологический признак даже при настоящем слабом его освещении определенно указывает, что рисунки относятся не к одному, а к разным временам, отделенным друг от друга значительным промежутком. Вторыми хронологическими признаками выступают явления прирученных животных и разных бытовых предметов. Прежде всего следовало бы все скальные рисунки расклассифицировать по первому признаку, разделив их по крайней мере на три группы: 1) древних, 2) средних и 3) поздних рисунков. Но это возможно сделать лишь на месте и при хорошо разработанном методе исследования. Поэтому в существующих условиях остается возможным руководствоваться вторыми признаками. На скальных рисунках Сибири и, вероятнее всего, Тургайской области оказываются налицо все главные виды домашних животных, т.-е. коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, лошади и даже верблюда, при чем последними пользуются как экипажными и вьючными животными (рис. 17—29). Все это имеет свою историю существования и может указывать на время, совпадающее только с металлическим периодом общечеловеческого культурного развития. Прирученные лошади и верблюды, насколько выяснено наукой, появляются в позднюю пору палеометаллической (бронзовой) эпохи, а употребление их для верховой езды едва ли может относиться даже к этому времени и, вероятнее всего, совпадает с ранней порой неометаллической (железной) эпохи, т.-е. приблизительно с XIV—I столетиями до Р. Х. Во всяком случае о неолитической эпохе каменного периода говорить совершенно не приходится.

Что касается конца обычая воспроизведения скальных рисунков в Сибири и, вероятнее всего, также и в Тургайской области, то он совершился в сравнительно недавнее время; на это указывают изображения в сибирских рисунках всадников в седлах со стременами (рис. 25), появившимися уже в среднюю пору неометаллической эпохи и продолжающими существовать в позднюю пору переживаемого нами второго тысячелетия по Р. Х. На столь же позднее время указывают кольчуги и шлемы воинов.

О народности, оставившей тургайские скальные рисунки, при имеющихся условиях можно сказать только то, что она, вероятнее всего, была местною, аборигенною, чего нельзя было допустить в отношении народности, оставившей древнейшие сибирские скальные рисунки, которую И. Т. Савенков относил ко временно посещающей берега р. Енисея и приходившей с юга, т.-е. из стран, приблизительно совпадавших с Тургайскою областью. Отсюда даже возможно поставить гипотезу о принадлежности тургайских и енисейских скальных рисунков одной народности.

Имелось ли какое-либо родство тургайской народности с народностью, оставившей скальные рисунки верховьев реки Пянджа, в предгорьях Памиров и Гинду-Куша [1]), сказать затруднительно, так как рисунки Пянджа имеют гораздо меньше сходства с тургайскими, чем последние с сибирскими. Вероятнее всего эти народности не были родственны, но находились в оживленных деловых сношениях.

Образ жизни Тургайской народности представляется очень подвижным, повидимому, связанным с коммерческими путешествиями в отдаленные северные страны, но невозможно составить понятие о том, была ли народность оседлою, или кочевою, хотя последнее представляется более возможным.

В заключение остается коснуться научного значения скальных рисунков Тургайской области. Помимо уже отчасти освещенного значения скальных рисунков, как памятников художественного творчества и как памятников, освещающих некоторые детали быта создавшей их народности, особенное значение их заключается еще в том, что ими, как несокрушимыми вехами, обозначаются пути международных сношений и направлений культурных течений.

Изучая сибирские, уральские и многие другие северные древности, исследователи постоянно сталкиваются с памятниками, свидетельствующими об исконных сношениях севера с югом. В окрестностях Иркутска, Минусинска, Красноярска и в других местностях Сибири найдены белые цилиндрические бусины, сделанные из костяной пасты, производством которых занимались народности Южного Кавказа и, вероятно, Месопотамии; в тех же приблизительно местностях найдены мелкие изделия из беловатого нефрита, древнейшие разработки которого известны только в Иркутской губ. и, может быть, в Китайском Туркестане; в окрестностях г. Томска найдена бронзовая статуетка египетского бога

---

[1]) Гр. А. А. Бобринский. „Горцы верховьев Пянджа". Москва. 1908 г.

Озириса[1]); на скалах верховьев р. Енисея и его верхних притоков оказываются изображенными совершенно несвойственные климату страны животные, как, например, домашние верблюды, в большом числе разводимые в Средней Азии; крупные ящеры, свойственные опять-таки Средней Азии и более южным частям Азии, наприм., Индии (рис. 26, 27). Какими путями проникали все эти и многие другие явления с юга на север? До открытия тургайских скальных рисунков можно было лишь догадываться, что пути эти не могли миновать Туркестана, теперь же в скальных рисунках мы имеем ясно обозначенные точки их направления. Интересно, что эти древние пути, повидимому, совпадали с большими путями международных сношений, которыми пользуются и до настоящего времени. Один из этих путей, как было замечено, направлялся от восточных берегов Аральского моря, пересекал р. Сыр-Дарью, ручей Лак-Пай и приблизительно у верховьев р. Тургая разделялся на две ветви, из которых одна шла в направлении Алтая и, конечно, дальше в направлении верховьев Енисея и Байкала, а другая, повидимому, менее оживленная, шла в направлении Урала. Направление первой ветви богато иллюстрировано разными находками и скальными рисунками; поэтому естественно ожидать подобного иллюстрирования и по второму направлению. Действительно, Средний Урал изобилует признаками сношений с более южными областями Азии: среди уральских древностей ранней и средней поры неометаллической эпохи характерны и многочисленны так называемые чудские медные и бронзовые образки, часто представляющие подражание экзотическим прототипам; таковы изображения индийской мифической птицы Гаруды, чудесной истребительницы змей и злых начал вообще; таковы разные крупные ящеры и рептилии, живые модели которых в образе крокодилов обитают в Индии и в Туркестане (большая форма ящера (Voranus Sciencus), известная под именем туркестанского крокодила); таковы, наконец, индопарфянские монеты первого века до и после Р. Х. и другие подобные явления. Мало того, в довершение полноты иллюстрации, на Среднем Урале оказались и скальные рисунки. Они отмечены были Страленбергом около г. Чердыни, Пермской губ., следовательно, уже у западных предгорий Урала[2]).

---

[1]) Статуетка хранится в Российском Историческом Музее в Москве. Время ее можно определить приблизительно VI веком до Р. Х.

[2]) Григорий Спасский. О достопримечательнейших памятниках Сибирских Древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. „Записки Русского Географического Об-ва", кн. XII, СПБ. 1857 г., со ссылкою на Strahlen-

Можно полагать, что под влиянием средне-азиатского культурного течения, развивавшегося указанным путем, возникли скальные рисунки даже в такой глухой и отдаленной местности, как Олонецкая губ.[1]), сходство которых с сибирскими давно обратило на себя внимание исследователей. И, действительно, об этом прежде всего свидетельствуют олонецкие изображения крупных рептилий (ящеров) (рис. 30, 31), не свойственных фауне не только северной, но и вообще всей Европы. Между тем, эти олонецкие ящеры по своей трактовке в планном виде и по всем другим деталям оказываются совершенно схожими с ящерами сибирских скальных рисунков (рис. 26, 27). Схожими с сибирскими оказываются и другие олонецкие изображения, напр., оленей, птиц, лодок. Последние заслуживают особенного внимания, так как в них, повидимому, запечатлелся интереснейший контакт восточного культурного течения с западно-европейским. Олонецкие лодки изображены, подобно сибирским, горизонтальною чертою, а их гребцы—вертикальными или слегка наклонными короткими линиями, но высокие носы олонецких лодок украшены рогатыми головами каких-то загадочных существ (рис. 33). Таких деталей в сибирских скальных изображениях лодок (рис. 28 и 29) еще ни разу не наблюдалось.

Но мы их находим в скальных изображениях лодок Скандинавии[2]) (рис. 34) и, что особенно интересно и для нас важно, в Средней Италии, где изображения кораблей с высокими носами, украшенными рогатыми головами таких же загадочных существ, оказались вырезанными на могильной каменной плите древнего погребения, открытого в Новиляре, на берегу Адриатического моря (рис. 35 и 36)[3]). Очевидно, что сходство столь специфической орнаментации судов не могло быть случайным.

Западно-европейские археологи с О. Монтелиусом во главе полагают, что скандинавские культуры палеометаллической (бронзовой) эпохи, к которой они, повидимому, неверно относят и скандинавские скальные рисунки (рис. 37, 38, 39), развивались при живейшем воздействии именно итальянских культур, поэтому можно полагать, что украшение носовой части судов рога-

---

berg'a „Das Nord und östliche Theil von Europa und Asia etc. Stockholm, 1730, p. 337, Tab. VII et VIII.

[1]) Гр. Спасский, цитиров. труд. А. Шидловский. „Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера". „Известия Об-ва Изучения Олонецкой губ." 1914 г. № 1 и 2. Шведов. Крестовый и Пелий мысы. „Географ. Известия", 1850 г., стр. 68—71, с табл. и рис.

[2]) J. Schlemm. Wörterbuch zur Vorgeschichte, стр. 142, рис. e.

[3]) Dr. R. Forrer. Reallexikon, стр. 556.

тыми головами было перенесено в Прибалтийские страны из стран Средиземноморских.

Ж. Дешелет, выдающийся французский археолог, павший

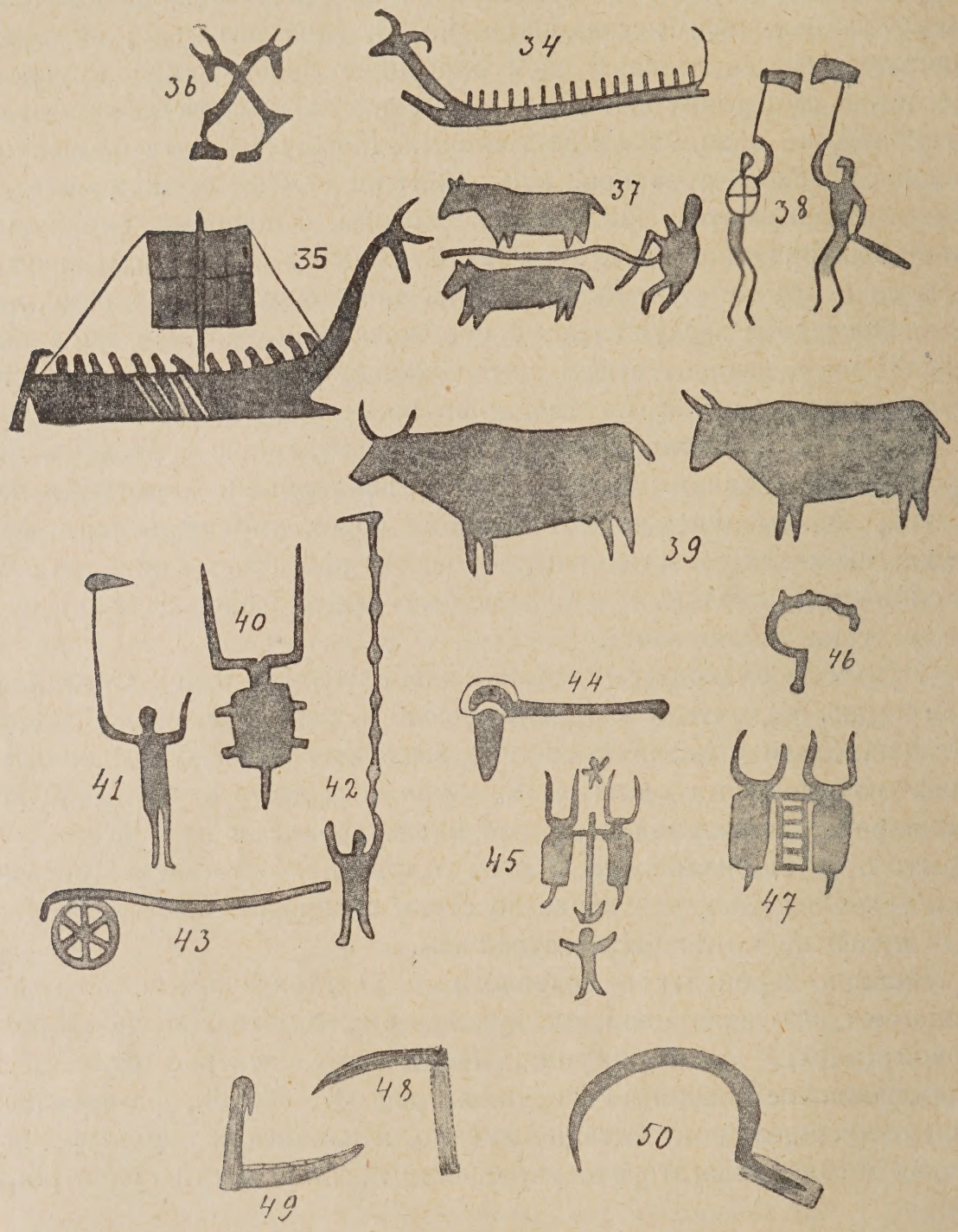


Рис. 34—50.

смертью героя при защите Парижа от немцев в 1914 году, изучая украшения корабельных носов рогатыми головами, пришел к выводу, что эти последние изображают головы мифических рогатых лебедей, олицетворявших солнечное божество, почитаемое

древними арийцами Европы. Ундзет относит время итальянских кораблей с рогатыми головами на носах ко времени Микенской культуры, т.-е. к XV—XI векам до Р. Х., но Гернес уменьшает эту дату до 600 лет до Р. Х. В то же время наилучший знаток европейских бронзовых культур Оск. Монтелиус скандинавские скальные рисунки, а в том числе и корабли с носами, украшенными рогатыми головами, определяет временем от 1700 до 1000 года до Р. Х. А. М. Тальгрен недавно высказал мысль, что олонецкие скальные рисунки возникли ранее скандинавских и поэтому должны относиться ко времени ранее 1700 г. до Р. Х., при чем им указано, что скальные рисунки, проникнув в Скандинавию, распространялись там с севера на юг, так как, по его замечанию, Скандинавские северные скальные рисунки, подобно олонецким, лишены изображений домашних животных и земледельческих сцен, тогда как южно-скандинавские имеют эти изображения.

Выдвигаемый нами впервые хронологический признак, однако, свидетельствует о другом, а именно, об одновременности олонецких, а следовательно, и северно-скандинавских скальных рисунков с южно-скандинавскими и средне-итальянскими рисунками новилярской надгробной плиты. Время их определяется поименованными исследователями между 1700 и 600 годами до Р. Х., и если взять для смягчения крайностей среднюю арифметическую и определить возраст приблизительно XI веком до Р. Х., то такая дата, как мы сейчас увидим, представится более возможною.

До сих пор изолированно стоят скальные рисунки Северной Италии, именно области древней Лигурии (рис. 40—47). По своему общему характеру и в особенности по техническим приемам резьбы эти рисунки схожи со скандинавскими, но, согласно мнению западно-европейских археологов, гораздо древнее последних.

На лигурийских скальных рисунках изображены топоры-кинжалы или, как у нас принято называть, боевые клевцы (рис. 44), затем изображены люди с какими-то снарядами на чрезмерно длинных рукоятках или даже привязях (рис. 41, 42), затем—пахари с плугами и боронами, запряженными парами волов (рис. 45 и 47), серпы (рис. 46) и др.

Исследователи относят все лигурийские рисунки к одному времени и датируют их топорами-клевцами, полагая, что они изображают бронзовые топоры-клевцы ранней поры палеометаллической (бронзовой) эпохи, т.-е. времени IV тысячелетия до Р. Х. по минимальной исторической дате. А если это так, то лигурийские скальные рисунки действительно окажутся вне вся-

кого хронологического контакта и не только с северно-европейскими, но и со средне-азиатскими. Однако, так ли это?

Форма серпов, изображенных на лигурийских скалах, говорит совершенно о другом: она отнюдь не воспроизводит бронзовые лигурийские серпы, столь обильно наполняющие итальянские и французские музеи (рис. 48) и подражающие своею формою более примитивным деревянным и костяным серпам с лезвиями из кремневых вкладышей (рис. 49): она воспроизводит во всех деталях железные серпы латенского типа, никак не ранее V века до Р. Х. (рис. 50). Но в таком случае получается нечто на первый взгляд невозможное. Как же примирить такое разногласие?

Я полагаю, что в определении вида топора-кинжала или клевца произошла ошибка. Повидимому, благодаря дурной сохранности простые топоры более позднего времени были приняты за древнейшие, если только совершенно нельзя допустить существование европейских бронзовых клевцов в более позднее время, например, в начале неометаллической (железной) эпохи, как это можно положительно утвердить по отношению сибирских бронзовых клевцов.

Связь лигурийских скальных рисунков с южно-шведскими доказывается одинаковыми сценами земледелия: в обоих случаях наблюдаются одинаковые плуги и одинаковая парная упряжь для волов (сравни рис. 37 и 45); кроме того, и что особенно важно, лигурийские скальные рисунки имеют некоторые сходные черты с олонецкими, а через посредство их—с сибирскими. Эти черты выражены в любопытной трактовке волов не в профильном или фронтальном положении, как это обычно бывает, а в планном, при совершенно неестественной для роста человека точке зрения на крупных животных сверху вниз. Откуда мог возникнуть этот трудный способ изображения животных? Мы видим довольно обычными в олонецких и сибирских скальных рисунках изображения крупных ящеров [1]). При чем этот способ для представле-

[1]) Некоторым лицам, осматривавшим скальные рисунки (в репродукциях) с изображением ящероподобных животных, приходила мысль, что в данном случае могут быть изображены не ящеры, а бобры. Мысль вполне приемлемая, так как речной бобр (Costor fiber) самый крупный из современных грызунов, встречающийся еще до сих пор в Европе, Сибири и С. Америке, в древние времена водился гораздо южнее, именно в Мосопотамии (р. Евфрате) и в Индии. Однако, широкое распространение в сибирских, уральских и отчасти средне-русских (Костромская губ.) так называемых чудских древностях конца палеометаллической (бронзовой) и в особенности неометаллической (железной) эпохи, металлических изображений крупных ящеров говорит решительно в пользу того, что и в скальных изображениях ящероподобных существ следует видеть именно ящеров, а не бобров, совершенно отсутствующих или незаметных в изобразительном искус-

ния ползающих рептилий является вполне естественным и понятным, так как пресмыкающихся существ человеческий глаз привык видеть в плане. Очевидно, лигурийские рисовальщики видели фигуры рептилий у северных европейских народов, получивших их с азиатского юга, и, не поняв их, приняли за изображение крупнейших известных им животных, т.-е. волов, как и стали изображать последних сами. В подтверждение этой мысли можно указать на тот факт, что некоторые фигуры лигурийских быков изображены с такими же лапами или ластами, с какими изображаются ящеры в олонецких и сибирских скальных рисунках (рис. 40) [1]). Таким образом, следует полагать, что северно-итальянские (лигурийские) скальные рисунки стоят не изолированно, а в одном цикле с северно-европейскими и сибирскими, при чем для всех их прототипами послужили средне-азиатские, в частности тургайские образцы. Время появления северно-итальянских скальных рисунков должно совпадать со временем северно-европейских, но быть моложе восточно-европейских и средне-азиатских, т.-е. приблизительно около XIV — X века до Р. Х., когда Европа была по многим другим признакам наводнена произведениями азиатского востока. Но начавши так рано существовать, северо-итальянские скальные рисунки продолжали воспроизводиться и в более позднее время, как это удостоверяется изображением серпа латенского типа.

Подводя итог ко всему сказанному, можно притти к следующим предварительным выводам, касающимся преимущественно значения скальных рисунков в освещении древних международных сношений.

1. В начале неометаллической (железной) эпохи, вероятно, около XV века до Р. Х. в Средней Азии, в частности в верховьях р. Пянджа и Тургайской области, явилась и развилась религиозная идея, что рисунки на скалах могут иметь магическую силу на те существа, предметы и явления, какие на них изображены. Это дало импульс к воссозданию множества скальных рисунков, изображающих людей, домашних животных, утвари и целых бытовых сцен, чтобы таким образом зафиксировать их благополучие или процветание.

стве изучаемого времени. Интересно, что Léon Diguet, описывая совершенно подобные изображения, открытые в пещерах и на скалах в Калифорнии (С. Америка) также называет их рептилиями (L'Anthropologie, 1895, т. VI, Léon Diguet, „Note sur la pictographie de la Basse-Californie", стр. 162, фиг. 2), а не бобрами, свойственными фауне С. Америки.

[1]) J. Schlemm. Wörterbuch zur Vorgeschichte. Стр. 142, рис. f.

2. Несколько позже эта идея с характерным ее воплощением передалась в Сибирь, в направлении северных предгорий Алтайских и Саянских гор, а также в Европу, в направлении верховьев Камы, Онежского озера, Северной и Средней Норвегии, Южной Швеции и Северной Италии.

3. Значение скальных рисунков, как вечных памятников определенных направлений международных сношений, весьма значительно, и изучением их следует заняться очень серьезно.

В заключение необходимо упомянуть, что в Туркестане скальные рисунки встречаются и в других местностях, а именно, они известны в Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях [1]). Мы не касались их лишь потому, что не имели с них репродукций, но при детальном изучении этого материала на местах с ними придется также серьезно считаться.

Для облегчения труда будущих исследователей прилагаем список наиболее известных литературных источников.

СПИСОК

наиболее известных литературных источников, касающихся скальных рисунков.

1. Д. Г. Мессершмидт (1685 — 1735 гг.), датчанин (О жизни и трудах его см. И. Т. Савенкова—„О древних памятниках Изобразительного Искусства на Енисее". Труды XIV Арх. С., т. I, стр. 66—69, где (в сноске) указана литература, касающаяся жизни Мессершмидта).

В 1716 г. Г. Д. Мессершмидт был вызван Петром Великим в Россию и командирован в Сибирь для научных исследований, где он и пробыл 7 лет, имея некоторое время помощником Страленберга, подготовляя его к научной деятельности, оказавшейся столь важною для исследования скальных рисунков. Д. Г. Мессершмидт проник в Сибири до Нижней Тунгузки, в Забайкалье — до Аргуни, в Монголии — до Далай-Нора. Его описания, изданные и неизданные, содержат богатый материал по описанию птиц, животных и других естественно-исторических явлений. Он первый обратил внимание на загадочные в то время орхонские надписи, которые назвал „руническими", а также и на памятники изобразительного искусства, предугадывая их научное значение.

2. Страленберг, носивший до получения дворянства фамилию Табберта, состоял офицером шведской армии, был взят в плен и отправлен в Сибирь, где некоторое время состоял помощником у Мессершмидта, которому он, повидимому, и обязан своими научными трудами и подготовкою.

---

[1]) Г. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского Края. „Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии", вып. XXII.

В этой работе приводятся исчерпывающие сведения как о всех местонахождениях скальных рисунков в Туркестане, так и о литературе.

Вернувшись на родину после Ништадского мира, Страленберг напечатал свой труд (Stralenberg „Das Nord- und Ost-Teil von Europa und Asia". Zür. 1730), где впервые издал древние рисунки, фигурные изображения и разного рода загадочные начертания на утесах и курганных камнях. По замечанию его, подобного рода знаки местами во множестве встречаются в Сибири и Татарии, иссеченные на скалах и камнях, либо выжженные, либо написанные нестираемою краскою на скалах; это, полагает он, символические изображения, имеющие таинственное значение, и знаки, какие употребляли египтяне, скрывавшие под ними тайны своей религии.

Свои описания Страленберг сопровождает многими рисунками. Он сообщил о скальных рисунках на прибрежном утесе р. Томи близ г. Кузнецкой, а также и о рисунках близ Чердыни, Пермской г.

3. Гмелин — („Reise et cet.", стр. 378—379. Сиб. древн. изд. Арх. Комм. 1894 г., т. I, стр. 68—70)—сообщает о рисунках и знаках на Бирюсинской скале, выполненных красною краской. Гмелин к рисункам на скалах относился с большим вниманием. В 1734 году Гмелин видел томские скальные рисунки, зарисовал их, но рисунки не сохранились.

4. Миллер — („Descriptis Tanguticis in Siberia repertis", стр. 431 — 439, его же „Историч. замечан.", стр. 92—94) относился с большим вниманием к древним рисункам и разным фигурным начертаниям.

Миллер сообщает о фигуре человека с головой, окруженной лучами, и описывает Бирюсинские рисунки и знаки, выполненные красною краскою на скале; им отмечены начертания в горах рек Темника — Джиды, впадающих с запада в Селенгу, на крутых и обнаженных скалах, с оговоркою, что он о них слышал только от заслуживающего доверия человека. Он высказал взгляд, что писанные камни принадлежат разным народностям недавнего времени и вызваны в свет шаманизмом.

5. П. С. Паллас сомневался в серьезном значении древних рисунков и знаков на утесах и курганных камнях. В его время таких рисунков было известно мало. В 1793 г. Паллас опубликовал 5 снимков с орхонских надписей, доставленных Екатерине II. Снимки оказались очень несовершенными.

6. Г. И. Спасский, издатель „Сибирского Вестника" (1818 — 1824) и „Азиатского Вестника" (1825 — 1827), написал несколько статей о письменах и рисунках на скалах по берегу р. Енисея; из них наиболее интересною является обширная статья „О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими", напечатана в Зап. Имп. Русск. Географ. Общ., Спб. 1857, кн. XII, стр. 111—181. В этой статье сводятся все сведения автора, а сверх сего дается интересный критический обзор свидетельств о работах Страленберга и др.

Приложены таблицы с рисунками: 1) каменных баб, 2) рисунков на скалах Онежского озера, 3) рисунков на скалах берега р. Енисея и друг.

Скальных рисунков г. Спасский лично не видел, а пользовался, по словам И. Т. Савенкова, рисунками Титова, чиновника при местном губернаторе. Рисунки не совсем удовлетворительны.

7. К. Гревингк, консерватор Минералогического Музея Академии Наук, в 1848 году по поручению Академии и Вольного Экономического Об-ва совершил путешествие в Олонецкую и Архангельскую губ. и описал онежские скальные рисунки, см. его работу:

1) C. Grevingk — „Ueber die in Granit geritzten Bilgergruppen am Ostufer des Onega-Sees („Zu 6te Mai 1851"). Mit 1 lithographirten Tafel.

Bulletin de Ia classe des science historiques, philologiques et politiques de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersb., № 271—273. V. XII, № 7—8, p. 97—103 (1855).—Mélanges russes, V. II, liv. 4, St.-Petersb., 1855, p. 427—434.

В статье Гревингка подробно описываются начертания онежских рисунков на скалах, называемых Перий (Пелий) Нос.

„Фигуры этих начертаний, говорит Гревингк, иссечены частью одними только контурами, глубиной в 1—2 лин., на гладком чрезвычайно твердом и жестком порфироносном графите, частью выдолблены внутри контуров на одинаковой глубине с бороздами. Здесь изображены в профиль: люди, северные олени, лось, собаки, лисица, белка, выдра, лебеди, утки, журавли и рыба".

Работа Гревингка напечатана после работы П. Шведа, хотя исследование им произведено одновременно с ним.

8. П. Швед. Бес и Бесиха или Крестовый и Пелий мысы. Географические Известия, издаваемые И. Р. Географического Общ. Спб. 1850 г., стр. 68—74, с 1 табл. рисунков. П. Швед по слухам сообщает, что подобного рода иссеченные на камне изображения находятся еще в Олонецком уезде, недалеко от селения Видлиц.

9. Кастрен обследовал енисейские рисунки на скалах. Он сделал заметки и снимки с некоторых начертаний на утесах и курганных камнях, изданные Aspelin'ом в его „M. A. Castren's Aufzeichnung. über die Altertümer im Kreise Minussinsk", Hels., 1901.

Экспедиция Кастрена в Сибирь была очень бедно обставлена, поэтому этот выдающийся исследователь не мог уделить достаточного внимания археологическим материалам.

10. Е. В. Барсов. „Об Олонецких древностях". Древности, т. VII, М. 1877 г., стр. 226 и 227. Автор в этой работе упоминает о скальных рисунках вскользь, приписывая их новгородскому племени более отдаленного периода. Интересно его указание, что скалы находятся на восточном берегу Онежского озера, недалеко от селения „Бесовец".

11. Aspelin 1) „Antiquités du Nord Finno-Ougrien, v. I, 1877, fig. 342—343. Автор дает снимки фигурных начертаний на скалах Сибири, заимствуя их у Спасского.

2) Его же. „Suomalais ngrilaisen muinaisrustinnon alkeila" (Руководство к финноугрской археологии, Гельсингфорс, 1875, стр. 88); в руководстве есть указания на более древнюю литературу.

12. П. Семенов. „Географическо-статистический словарь Российской Империи", т. I, стр. 380. Автор замечает: „Бесов-Нос—мыс на Онежском озере, Олонецкой г., Пудожского у., вер. в 30 к Ю.-З. от Пудожа, состоит из сплошного гранита". Название свое получил от того, что в глубокой древности он был святым местом для соседних идолопоклонников. На граните мыса видны следы высеченных зверей и изображение женщины в самоедской одежде; на краю скалы вырезан большой бес, в средине которого иссечен крест. Близ этого места жил пустынник пр. Лазарь Муромский" (Рукопись Дьякова о Вытегре).

13. И. Т. Савенков. „О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее". Труды XIV арх. съезда, 1908 г., т. I. В этой обширной работе дается много материала. К сожалению, автор, очевидно, стремясь ко всестороннему и полному освещению скальных рисунков и знаков, смешал несколько совершенно самостоятельных тем в одну и дал досадную смесь, для пользования которой требуется масса непроизводительного труда и траты времени. В работе дается обширный материал.

О времени скальных рисунков П. Т. Савенков замечает:

1) (стр. 76) „некоторые из них, несомненно, принадлежат к медной стадии культуры", 2) (стр. 94) „границы распространения петроглифов почти совпадают с границами распространения медно-бронзовой культуры, а время (стр. 109—230)— с началом медной, а может быть, и концом неолитической эпохи. Древнее выемчатая техника рисунков, чем контурная. Самою позднею является техника с незамкнутыми контурами". На стр. 228—229 помещен список изображенных животных, людей и предметов.

14. Гр. А. А. Бобринский. „Горцы верховьев Пянджа". Москва, 1908 г. Автор скальным рисункам посвящает главы XV (Священные камни) и XVI (Мазары, graffiti на камнях, камни-драконы). В конце книги приложены хорошие рисунки, выполненные фототипически.

При существовании общего почитания камней, в особенности у жителей Шугнана и Рошана, камни с знаками и рисунками в настоящее время горцами Пянджа не почитаются.

На скалах изображены: 1) люди, 2) горные козлы, 3) равноконечные кресты в круге, 4) четырехугольные фигуры, 5) ладони рук, 6) всадники и др.

15. I. G. Hallström. „Nordskadinaviska hallris tnigur". Ymer, 1907; 211. Fornvánnen, 1907 : 160; 1908 : 19 (северно-скадинавские скальные рисунки). В этих статьях имеются хорошие рисунки. По свидетельству г. Талльгрена, у Hallström'a имеются с олонецких скальных рисунков еще нигде неизданные фотографии.

16. F. Ailio. „Zwel Tierskulpturen" (Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft, XXVI : 257).

Автор дает общие сведения об арктическом неолитическом искусстве.

17. A. W. Brögger: „Den arktiske sfenalder i Norde (Арктический каменный век в Норвегии), Cristiania. 1909, стр. 105—111.

18. А. Шидловский. „Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера". Известия Общества Изучения Олонецкой губ., III, 1914 г. № 1—2, стр. 1—10, с 7-ю рисунками. Автор пишет: „На восточном берегу Онежского озера, приблизительно в 35 верстах на юго-запад от г. Пудожа, верстах в 15 к югу от устья р. Воды (или Шалы), а в 1—½ верстах к северу от р. Черной, впадающей в озеро, на гранитных скалах имеются изображения, впервые описанные академиками К. Гревингком, в 1840 г. А. Шидловский указывает в своей работе следующую литературу:

a) „Крестовый и Перий носы" (сообщение П. Шведа). С литографированными рисунками. Географ. Известия, изд. И. Р. Г. О., 1850 г., вып. I, стр. 68—71.

b) Bulletin de la classe mathématique de l'Académie Imperial des Sciences de St.-Petersb. V. VIII (1850), p. 45.

c) „Ueber die in Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onega-Sees"; von C. Grevingk. Mit 1 lithographierten Tafel.

Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersb. № 27—273, T. XII, № 7—8.

d) Г. Спасский. „О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходности некоторых из них с великорусскими". С табл. рис. Записки И. Р. Г. Общ. 1857 г., кн. 12, стр. 111—181.

e) „Бесов нос, мыс на Онежском озере". Географ. Словарь Российской Империи, составленный П. Семеновым. Т. I. 1862, стр. 320.

f) Aspelin—Antiquités du Nord Finno-Ougrien, livr. I, 1877.

g) Е. В. Барсов. „Об Олонецких древностях". Тр. Московск. Арх. Общ., т. VII, стр. 213.

h) И. Ф. Тюменев. „По Обонежью". Нива. 1897 г. № 3, стр. 49—59.

19. А. М. Тальгрен. „Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера". Известия Общ. Изучения Олонецкой губ. 1914 г. № 4, стр. 227 и 228. В этой заметке автор говорит, что подобных изображений на скалах имеется в Швеции 3, в Средней и Северной Норвегии 7, что они отличаются от южно-шведских резьб большею естественностью и отсутствием домашних животных и земледельческих орудий. Южно-скандинавские резьбы сохранились от времени 1700—1000 годов до Р. Х. Архаические резьбы в Сев. Скандинавии древнее южно-скандинавских, так как в одном месте в Швеции сделана новая южно-скандинавская резьба на арктической. Арктические резьбы вообще принадлежат к неолитической эпохе и тесно связываются со стоянками этого времени. По Тальгрену, олонецкие резьбы относятся ко времени ранее 1700 года до Р. Х.

20. Н. Воронец. „Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сыр-Дарьинской областей, на реке Лак-Пай". Русск. Антропологический журнал, 1916 г. №№ 3 и 4, стр. 57—60.

21. В тех же номерах Антропологического журнала помещено примечание редакции, указывающей, что скальные рисунки с изображением горных козлов были сфотографированы В. И. Резниченкой по р. Джелишке (правый приток Курчума), у выхода ее из гор (южные склоны Нарымского хребта), в Усть-Каменногорском уезде, Семипалатинской области.

22. Библиографический указатель Русск. Этнограф. Литературы Д. К. Зеленина, 1913 г., где указаны следующие работы (стр. 303 — 304):

3639. Альфант. „Заметка о рисунках на скалах по рр. Уссури и Бикину" (Приамурск. Ведомости, 1895, № 66 с табл. рисунков).

3640. И. С. Боголюбский. „Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губ. в 1881 г." (Вост. Сиб. Отд. Географ. Общ. XIII, 1882 г. № 3, стр. 43—46). „Писанные камни".

3641. А. И. Булгаков. „Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах". (Изв. Географ. Общ. XLIV, 1908, стр. 289—437).

3642. Н. Я. Виташевский. „Изображения на скалах по р. Олекме". С табл. рисунков (И. В. С. О. Г. О., XXVIII, № 4, 1897).

3643. Д. А. Клеменц. „Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округа" (И. В. С. О. Г. О., 1889, № 1, стр. 43—69).

3644. Н. Овчинников. „О писанных камнях в Томском уезде" (Алтайский Сборник. X. 1910, стр. 6. С. 1—6 и 6 табл. рис.).

3645. А. П. Орлов. „Сведения о Вогулах, обитающих в Пермской губ." (Сборн. Пермского Земства. 1873, № 3). Древние надписи.

3646. Пласковицкий. „Кадинская писаница". С 3 табл. рис. (И. В. С. О. Г. О. XIX, 1888, № 2, стр. 28—29).

3647. Н. И. Попов. „Общий взгляд на писаницы Минусинского края" (И. В. С. О. Г. О. VI, 1875, № 5—6, стр. 200—211, VII, 1876, № 1—2, стр. 25—31).

3648. Н. И. Попов. „О памятниках Тангутского и Монгольского письма в Минусинском крае" (И. В. С. О. Г. О., V, 1875, № 3—4, стр. 81—107). С рис.

3649. Н. И. Попов. „О писаницах Минусинского края" (И. В. С. О. Г. О., III, 1872, № 4, стр. 223—232, № 5, стр. 274—285).

3650. Г. Потанин. „Крестообразные фигуры на шаманских бубнах и писаницах" (И.В.С.О.Г.О., XIV, 1893, № 2, стр. 13—20).

3651. И. Т. Савенков. „О древних памятниках изобразительного письма на Енисее". Сравнительные археологич.-этнографические очерки. М. 1910 г. (Тр. XIV А. С.).

22. I. Déchelette. „Manuel d'Archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine", v. II, p. 492—497.

23. Clugnet. „Sculptures préhistor. situées sur les bords des lacs des Merveilles". MAT, 1877, p. 379.

24. E. Rivière. „Gravures sur roches des Merveilles au Val d'Enfer" AFAS, Paris, 1877, II, p. 788.

25. F. Molon. „Preistorici e contemporanei", Studi paletnologici in relazione al popolo ligure. Milano, 1880.

26. Обермайер. „Доисторический человек", 1913 г., стр. 649: „Гладко отшлифованные гранитные скалы Южной Швеции (в Богуслене, Остерготланде, Скане и других местностях) и Норвегии покрыты многочисленными рисунками, которые, по общему признанию, считаются относящимися к бронзовому веку (рис. 375, b и c); они означают, однако, лишь записи, сделанные иероглифическим письмом о тех важных событиях, о которых утратилось окончательно всякое воспоминание; обыкновенно на этих рисунках изображены в 40 — 50 см вышиною люди, животные, суда, оружие и различные символы, сообщающие вероятно „о мирных занятиях, о путешествиях по морю и суше, о земледелии и скотоводстве, о применении лошади для езды верхом и для перевозки грузов и о многом другом".

27. Léon Diguet. „Note sur la pictographie de la Basse-Californie". „L'Anthropologie", т. VI, стр. 160—175. В статье приложены рисунки и указатель 30 мест в Калифорнии, где наблюдались скальные и пещерные рисунки, из которых для освещения средне-азиатских скальных рисунков особенно важны изображения рептилий в планном виде, ладоней рук и разных знаков в виде крестов, кругов и мн. др.

28. E. Cartaillac. „Ferd. Christol. Au sud de l'Afrique", „L'Anthropologie", т. XI, стр. 76—81. В рецензии на обширный труд Ферд. Христоля, содержащей XLI + 308 стр. с 150 рисунками, Эмиль Картельяк приводит несколько лучших скальных рисунков, выполненных бушменами. Особенно интересна картина, написанная черною и коричневою красками, изображающая бой между воинами метебелов и бушменов, угоняющих стадо коров, похищенных у метебелов бушменами.

29. Flinders Petrie. Письмо, доставленное и напечатанное в „L'Anthropologie", т. XI, стр. 485 и 486, где приводятся рисунки финикийских и египетских кораблей, изображенных на глиняных сосудах времени Рамзеса III (около 1200 г. до Р. Х.). Очень интересен финикийский корабль с носом и кормою, украшенными птичьими головами: это сближает их с итальянскими, шведскими и олонецкими скальными изображениями кораблей с носами, украшенными рогатыми птичьими головами. Нос египетского корабля изображен в виде головы льва или вообще зверя из семейства Felidae.

30. M. Archambault. „Les mégalithes Néo-Calédoniens". L'Anthropologie т. XII, стр. 257—268. В статье описываются знаки, награвированные новокаледонцами на больших камнях; среди этих знаков преобладают кресты и круги.

31. L. G. Seurat. „Sur les anciens habitants de l'ile Pitcairn (Pacifique Sud). L'Anthropologie, т. XV, стр. 369—372.

32. F. F. Gautier. „Gravures rupestre Sud-Oranaises et Sachariennes". L'Anthropologie", т. XV, стр. 497—517. В статье Ф. Ф. Готье приложены рисунки, среди которых можно видеть верблюдов, козлов, коров, лошадей и др. Некоторые из этих рисунков по технике выполнения и стилю близки к туркестанским скальным рисункам.

33. H. Breuil et H. Obermaier. „Les premier travaux de l'Institut de paléontologie humaine". „L'Anthropologie, т. XXIII, стр. 1—27. В статье можно видеть фертообразные изображения людей, совершенно схожие с сибирскими (стр. 25 рис. 24).

34. H. Breuil et Obermaier. „Travaux exécutés en 1912". L'Anthropologie, т. XXIV, стр. 1—16. Эта работа является продолжением предшествующей работы тех же авторов; в ней интересны фертообразные изображения людей (стр. 9, рис. 10).

35. Иннокентий Кузнецов. Древние могилы Минусинского округа Томск. 1889.

Список известных местностей со скальными рисунками.

1. В Норвегии (средней и северной) 7
2. В Швеции 3
3. На восточн. берегу Онежского озера, Олонецкой губ., Пудожского у., недалеко от с. Бесовец, в 30 вер. к Ю.-З. от Пудожа 2
4. По Шведу, в Олонецком у., недалеко от с. Видлиц . . 1
5. Близ г. Чердыни, Перской губ. (по Страленбергу) . . . 1
6. На утесе р. Томи, близ Кузнецка (по Страленбергу) . 1

Средняя часть долины р. Енисея особенно богата скальными рисунками центром их служит Минусинский округ (Савенков, стр. 94), между 56°15″ с. ш. и 53° с. ш. и между 90° и 94° долготы от Гринвича. Рисунки обычно располагаются около воды.

В число местностей, имеющих скальные рисунки, входят нижеследующие:

7. Биджайский петроглиф, на правом берегу р. Маны, немного ниже устья Биджи, впадающей в Ману слева 1
8. Усть-Колбинские петрогл. на р. Колбе, на границе Красноярского и Канского округов 2
9. „Борок" на лев. берегу Маны, недалеко от устья Колбы 1
10. Писемского плёса 1
11. Тихого плёса 1
12. Унгутского плёса 1
13. Пещерского плёса 1
14. Гмелинский петроглиф 1

(№№ 10—14 находятся по левому и правому берегам р. Маны. Начертаны рисунки красками и резьбой).

15. Бирюсинский петроглиф 1
16. Майдашинский петроглиф 1
17. Коровьего лога 1
18. Тесинские петроглифы 1
19. Абаканский петрогл. на утесах, вблизи Абаканского перевоза, на левой стороне Енисея 1
20. Копенский петроглиф, на левом берегу р. Енисея, у дер. Копены 1
21. Кулакский петрогл. недалеко от дер. Щель-Теси . . . 1
22. Трифоновский петроглиф 1
23. Петрогл. у д. Караульной 1
24. Сисимский петроглиф на р. Сисима 1

25. Аглахтинский петроглиф, на лев. стороне Енисея, при ручье Аглахты 1
26. Недалеко от устья р. Сухой Теси, впадающей в р. Енисей слева 1
27. Против устья Сухой Теси, на правом берегу р. Енисея 1
28. При устье р. Тубы 1
29. Недалеко от устья р. Биджи, впадающей в р. Енисей слева 1
30. На Кара-Июс, около Старой Думы 1
31. Против устья р. Биджи, на правом берегу р. Енисея . 1
32. На правой стороне Абакина, в окрестностях стан. Аглахты 1

(этот список енисейских скальных рисунков, по замечанию Савенкова, далеко не исчерпывает всего материала, который ожидает еще описания).

33. На острове Ольхоне, у западного берега озера Байкала 1
34. В Тургайской области 3
35. В верховьях р. Пянджа 2
36. В северной Италии 1

Скальные рисунки известны и во многих других местностях. Издание их в одном сборнике с иллюстрациями является делом крайне необходимым для многих дисциплин науки, в особенности же для археологии, этнологии и истории.

Материалы по археологии Сибири.

Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г.

Проф. *А. А. Захарова.*

Введение.

В 1921 г. в Российский Исторический Музей в числе прочих археологических коллекций были переданы из б. Румянцевского Музея коллекции предметов древности из сибирских раскопок акад. В. В. Радлова. Подробное описание этих предметов до сих пор не было издано, а между тем они по своему характеру несомненно этого заслуживают и в первую очередь здесь публикуются результаты раскопок акад. В. В. Радлова в 1865 г., среди которых находятся особенно интересные предметы.

Краткий отчет об этих раскопках был напечатан в „Отчете Императорской Археологической Комиссии за 1865 г.“ стр. XVI сл.; более подробно рассказал о своих исследованиях покойный академик в книге: „Aus Sibirien“. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten“, Bd. II. Leipzig. T. O. Weigel, 1884, глава VII, стр. 68 — 143. Эта VII глава переведена по-русски гр. А. А. Бобринским и напечатана в „Записках И. Р. А. О., новая серия, т. VII“, стр. 147 — 216. Перевод имеет, однако, кое-какие дефекты, например, вместо „из лиственницы“ переведено „из лиственного леса“; вместо „нагрудник“ напечатано „камзол“ и т. п. Наконец, благодаря любезности Российской Академии Истории Материальной Культуры, которой я считаю долгом выразить свою глубокую благодарность, я пользовался и полным рукописным „Рапортом доктора философии Радлова в Императорскую Археологическую Комиссию“, помеченным „Барнаул, 23 января 1866 г.“. К нему приложен „Список древностей, найденных в Алтае при раскопках летом 1865 года“, в котором перенумерованы от 1 до 116 все предметы, добытые из раскопок, с указанием времени и места находки каждого из них. Так как эти №№ сохранились почти на

всех вещах, то пользование этим списком вместе с указанным рукописным „Рапортом“, писанным по свежей памяти, а не 20 лет спустя, как „Aus Sibirien“, дало возможность точно распределить предметы по отдельным погребениям, хотя, как увидим ниже, даже „Рапорт“ и „Список“ иногда не согласны между собой. Изданный же Румянцовским Музеем „Каталог Отделения древностей, в) Древности доисторические“ (Москва 1905), может служить только для самой общей ориентировки, ибо содержит существенные неточности в смысле отнесения предметов к тому или иному месту их находки, не говоря уже о совершенно произвольном наименовании отдельных предметов. Я не могу не отметить странного отношения администрации б. Румянцовского Музея, передавшей коллекцию в Исторический Музей по простой описи, являющейся перепиской вышеуказанного печатного каталога с добавлением в конце нескольких предметов, поступивших в б. Румянцовский Музей после напечатания брошюры, и отказавшей Российскому Историческому Музею в передаче препроводительных документов к отдельным предметам и коллекциям, хотя все эти документы имеют значение только при нахождении вместе с коллекцией, и отсутствие их во многих случаях, когда нет возможности определить происхождение предметов, в значительной степени умаляет научное значение самих предметов.

Целью настоящей работы является опубликование находящихся в Музее вещей с точным, по возможности, выяснением условий их находки; детальная же научная обработка возможна лишь в будущем, когда будут произведены новые исследования в этой же местности и возможно будет привлечь для сравнения материал из соседних, а иногда и отдаленных мест, указывающий на аналогичные формы и предметы. Сделанная мною попытка некоторых сопоставлений является лишь предварительным опытом.

Андогайские курганы.

Археологические исследования В. В. Радлова в 1865 г. начались возле Андогайской Миссии, откуда через Катунь он направился в Чуйскую степь к речке Табажек, а затем в Берельскую степь к речке Бухтарме.

О раскопке курганов при Андогайской Миссии от 29 до 31 мая В. В. Радлова в Рапорте [1]) сообщается следующее:

---

[1]) „Рапорт“ везде будет означать рукописный Отчет, „Список“ — вышеуказанный рукописный „Список древностей“. Отчет ИАК за 1865 г. всецело покрывается указанными документами, почему и не цитируется далее.

„Недалеко от Андогайской миссии находится от 15 до 20 плоских курганов, обставленных плитами. Большая часть из них показывает следы прежней раскопки маленькими углублениями. Мы начали раскопки двух из них, которые были совершенно плоские. Углубясь в землю на 2 аршина, мы встретили разбросанные камни и сломанные человеческие кости. Дойдя до материка, я приказал остановить работу. Недалеко от этих курганов находился курган такого же вида с маленькой насыпью в 1/2 аршина. Диаметр его был 3 1/2 сажени. В этот курган мы углубились четырехугольной ямой на 1 сажень в квадрате. Не встречая никаких камней, мы на глубине 2 1/2 аршин нашли скелет, лежащий головою на сев.-вост. под 323°. Скелет этот лежал на правом боку, руки лежали прямо, ноги были согнуты, над головой лежала посуда с острым дном из грубой черной жженой глины, совершенно истлевшая (№ 112 Списка „Отломок горшка“ — в Музее нет). Ниже скелета был нетронутый материк. Около скелета не было никаких следов металлов или дерева“.

„По окончании этой работы мы приступили к раскопке четырех четырехугольных курганов, лежащих в ряд. Эти четыре кургана лежали плотно друг возле друга, были обставлены низкими плитами и обложены вкопанными в землю на ребро стоящими плитами. Три из этих курганов (*a*, *b*, *d*) были одинаковой величины: 2 1/2 аршина ширины и 1 саж. 5 верш. длины; четвертый (*c*) был квадратный, 5 аршин в середине (в квадрате? *А. З.*). На восточной стороне каждого четырехугольника стояли маленькие столбики вышиною в 1/2 аршина. У четырехугольников *c* и *d*, кроме того, по направлению к востоку на расстоянии трех сажен от первых двух столбиков были поставлены еще два столбика. Раскрытие этих маленьких курганов было чрезвычайно затруднительно по причине плит, плотно их покрывавших. В середине кургана *c* нашелся под плитами маленький железный ножик [1]). Ниже камней почва всех курганов была так тверда и камениста, что углубление пошло очень медленно, земля оказалась совершенно нетронутым материком, и я углублялся только для удостоверения более одной сажени до материкового песка и нигде не оказалось никаких следов прежнего копания, так что можно заключить, что эти курганы были не могилами, но местом какого-то религиозного обряда. Мои рабочие отказались работать в других местах по причине трудности работы, так что я не мог исследовать многочисленные и значительные курганы, лежащие на другом берегу р. Урусула“.

[1]) № 115. Под этим № в „Списке“ записано: „Три железных ножа из курганов без могильных ям на Ангодае и на Катанде“.

Раскопка курганов в Чуйской степи на речке Табажек.

Курганы на речке Табажек в 6 верстах на север от речки Казагаш в Чуйской степи были раскопаны В. В. Радловым с 6 по 9 июня. Он вскрыл три четырехугольные насыпи из крупных камней и правильно положенных каменных плит. Под каменными плитами одной из них найдена была железная лопата (№ Р.1 = = № Р.М. 3392, шир. 0.145, вышина с втулкой 0.13 (Табл. I, рис. 1) [1]), а под двумя другими обломки железных ножей (один, № Р. 2 = = № Р. М. 3393, имеется в Музее, дл. 0.12; шир. 0.017; другого нет, как нет его и в „Списке"). 9 июня В. В. Радлов разрыл еще одну четырехугольную [2]) насыпь и нашел под камнями, углубясь на 1/4 арш. под материк, маленький сложенный из плит ящик, длиною 1/2 арш., шириною и глубиною 1/4 арш., и в нем маленькое корытце на 4 коротких ножках (сделанных, очевидно, лишь для того, чтобы оно не качалось), заключавшее в себе пять косточек бараньего хвоста (№ Р. 4 = № Р. М. 3394, дл. 0.2025; шир. 0.10; выш. 0.055; дерево, повидимому, лиственницы; косточек в Музее нет. (Табл. I, рис. 3). Углубление, произведенное еще далее на 2 арш., не дало никаких результатов.

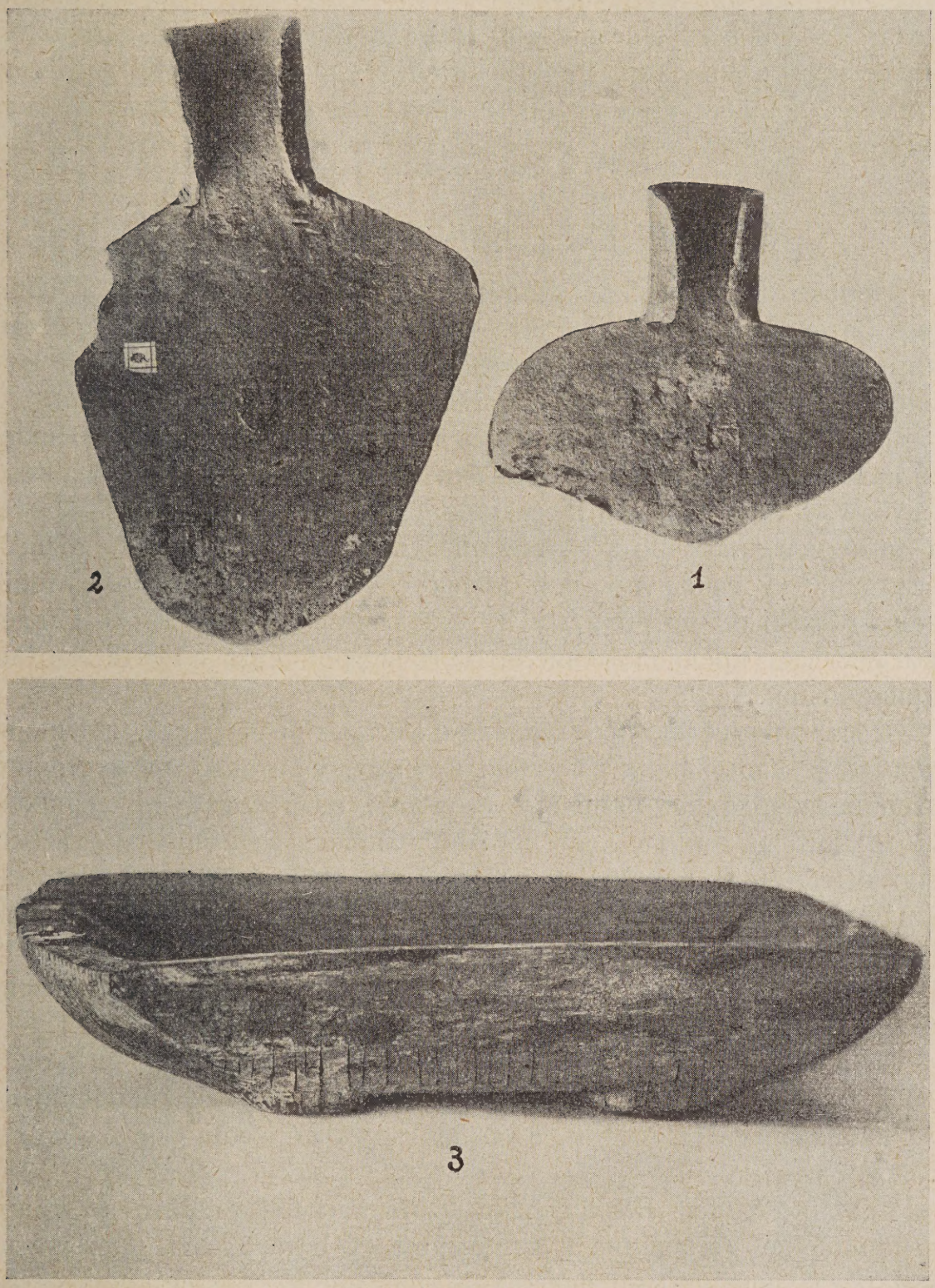
Из восьми круглых курганов три не дали никаких результатов; раскопкой их на 2 арш. глубины не было обнаружено никаких следов прежнего копания. Следующие четыре круглые кургана оказались могилами. Скелеты лежали на глубине 1 арш., головою на С.-З. под 305—315°, на левом боку, с согнутыми ногами. У одного только был найден железный нож (№ Р. 115 = № Р. М. 3770?; отождествляю предположительно: на нем радловского № нет, и среди вещей нет предметов с радловским № 115). В пятом кургане была зарыта лошадь, лежавшая на правом боку, головой к востоку; во рту у нее находилась узда (вероятно, обломок удил № Р. 3 = № Р. М. 3396; одно кольцо и кусок стержня дл. 0.05).

В „Списке" под № 5 упоминается „деревянная ручка какой-то посуды", но ее нет ни в наличности, ни в каталоге Румянцевского Музея, равно как не говорится в Рапорте об условиях ее находки. Под № Р. 6 = № Р. М. 3396 (Табл. II, рис. 14—15), железная узда

---

[1]) Инв. № Истор. Музея 54660 для всей коллекции. № Р. = №№, поставленным на вещах В. В. Радловым; № Р. М. = №№ Рум. Музея по каталогу 1905 г.; все измерения вещей даются в метрах; все остальные измерения приведены так, как они даны исследователем.

[2]) Так в Рапорте; в Списке говорится о круглой насыпи.



1. Табажек (№ Р.1 = № Р. М. 3392); 2. Может быть, из малых курганов II Катандинского кладбища; 3. Табажек (№ Р.4 = № Р. М. 3394).

(дл. 0,20), а под № Р. 7 = № Р. М. 3397 сломаное стремя (шир. 0.15; выс. 0.122); низ стремени отломан. В Списке все эти предметы указаны, как происходящие из круглого кургана на р. Табажек, тогда как во всех описаниях В. В. Радловым своих раскопок о них нигде нет упоминания. Не относится ли узда к кургану 1-го Катандинского кладбища, в котором среди найденных предметов как раз не хватает узды?

Первое Катандинское кладбище.

Первое Катандинское кладбище лежит на левом берегу р. Нижней Катанды и состоит из 30—40 могил с насыпями из круглых камней; диаметр их от 1 до 5 саж. Ближе к реке лежит ряд плоских круглых курганов, обставленных каждый 7 камнями.

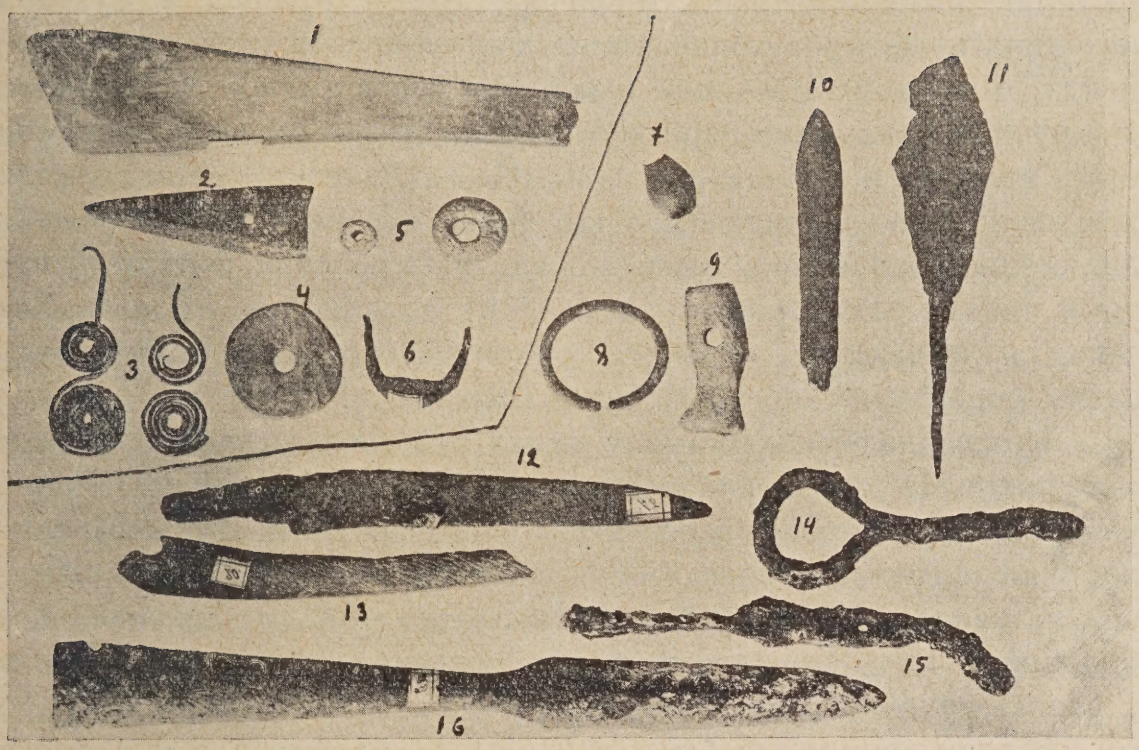
Раскопки В. В. Радлова здесь продолжались с 18 по 20 июня и начались с раскопки трех плоских курганов, обставленных кругом семью большими камнями и имевших каждый более 1 сажени в диаметре. Углубившись в землю на $1^1/_2$ саж. по всей величине курганов, при чем почва состояла из твердой глины, нашли материк нетронутым и никогда не рытым. В. В. Радлов высказывает предположение, что это не гробницы, а места жертвоприношений.

После этого было приступлено к раскрытию четырех маленьких холмиков, состоявших из камня и земли, у которых на восточной стороне находились каменные столбики вышиной 6—8 вершков. „У одного из них (т.-е. столбиков) нашлись железные удила (может быть, № Р. 6 = № Р. М. 3395. Табл. II, рис. 14—15), дл. 0.20, ошибочно отнесенные к Табажку?!), у другого—железный нож (вероятно, один из записанных под № Р. 115; в Музее не имеется)". В них не было могил и раскопка продолжалась лишь на $^1/_2$ сажени в нетронутую почву.

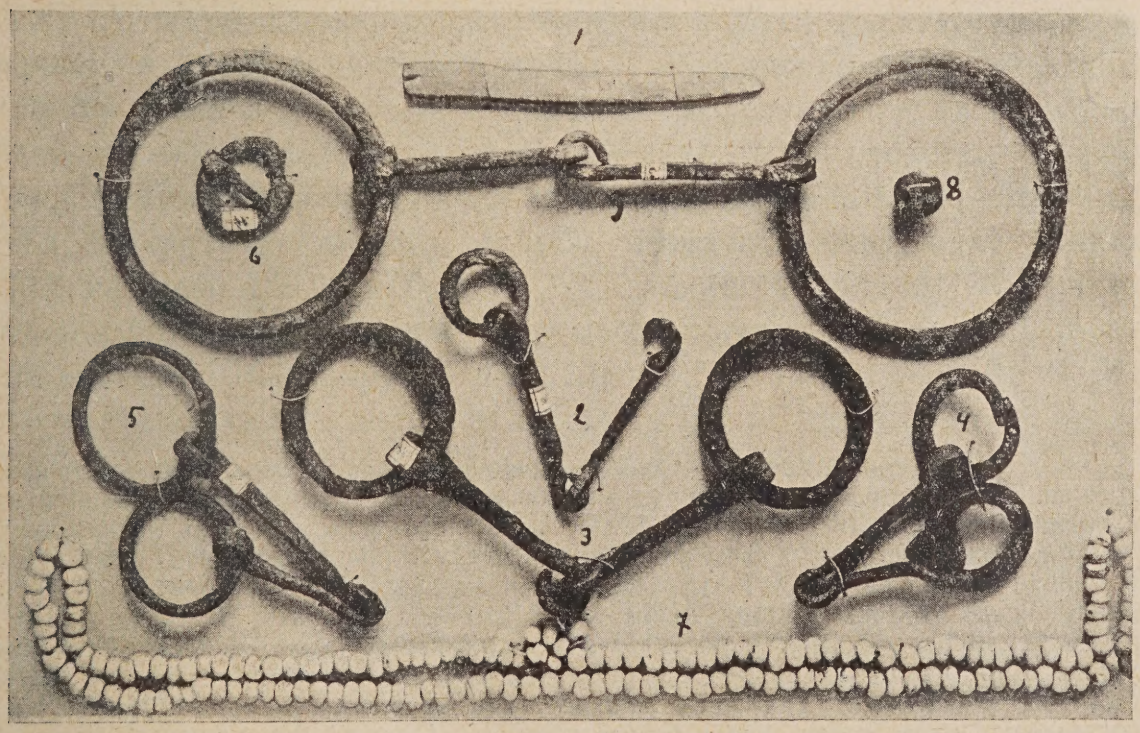
Далее в Рапорте Радлов переходит к описанию раскопок 19 и 20 июня; между тем в „Списке" под вещами, найденными 18 июня, значатся №№ Р. 8—25. Таким образом, Список не согласуется с Рапортом.

19 и 20 июня Радлов вскрыл, по Рапорту, восемь курганов вышиною в $^1/_2$ аршина и даиметром от 1 до 2 арш. Четыре из них оказались рытыми прежде, а три были могилами одинакового устройства: две мужские, одна женская. Устройство могил было следующее: „насыпь в $^1/_2$ арш. из крупных [1]) камней, несмешан-

[1]) Так в Рапорте; в „Aus Sibirien" II, 105 „мелко разбитых" (kleingeschlagenen).



1—6. Вещи, найденные в женской могиле I Катандинского кладбища;
7—13 и 16. Вещи, найденные в мужской могиле I Катандинского кладбища;
14—15. Вещи, вероятно, из мужской могилы I Катандинского кладбища.



Вещи из большого кургана II Катандинского кладбища.

ных с землей и не обросших травой [1]), углублявшаяся еще на 1/4 арш. ниже поверхности почвы. Затем в середине кургана находилась четырехугольная яма длиной в 1 сажень и шириной почти в 2 арш. Эта яма была заполнена глиной, смешанной с крупными камнями, при чем на западной стороне ямы камни были крупнее и попадались чаще. На глубине в 1 1/2 арш. лежали уже одни только камни, под которыми в первой могиле лежали две лошади, во второй—две лошади и жеребенок, а в третьей—три лошади. Все лошади лежали на правом боку головами на запад и в каждой могиле у одной из лошадей были во рту следы совершенно истлевшей узды" [2]).

Под лошадями в могилах лежал ряд мелких камней, а ниже материк. „На север яма расширяется. В углублении на 1/2 арш. на северной стороне встречаются на западном конце бараньи кости и под ними человек". Все скелеты лежали на спине, головой на запад по 270° — 275°; руки плотно прижаты вдоль боков, большими пальцами вверх. Один мужской скелет имел 2 арш. 7 верш., другой 2 арш. 8 верш., женский 2 арш. 4 верш.

В женской могиле были найдены: у головы медные сережки в виде двух плоских кружков из спирально свернутой проволоки (№ Р. 13 = № Р. М. 3405 дл. 0.06: шир. 0.022; одна серьга сломана пополам, табл. II, рис. 3). На голове следы какого-то истлевшего убора с медными украшениями (№ Р. 11, в Музее не имеется, не упомянут и в каталоге Рум. Муз.), железный заступ (в „Aus Sibirien" сказано кельт № Р. 21, в Музее не имеется) и „рыбья кость в виде полумесяца, служившая частью головного убора" (так в каталоге Рум. Муз.; № Р. 24 = № Р. М. 3400; дл. 0.06, табл. II, рис. 6). Кроме того, к головному убору относится „костяное украшение головного убора" в форме треугольной пластины (№ Р. 114 = № Р. М. 3442, основание 0.022, вышина 0.07, табл. II, рис. 2). У рук лежало серебряное пластинчатое кольцо (№ Р. 10 = № Р. М. 3403; диам. 0,03, ширина 0.015 разломано),

---

[1]) Это, по моему мнению, очень интересное указание: каким образом в продолжение ряда столетий камни могли оказаться не засыпанными землей и не поросшими травой? Ведь никто, конечно, не обчищал и не опалывал могил.

[2]) Повидимому под этим выражением следует понимать удила, потому что в списке упоминаются № Р. 15 „Сломанные удила"; № Р. 30=№ Р. М. 3399 „Часть железных удил" (два куска: 0.095 и 0.14); № Р. 31 „Железные удила"; № Р. 32 „Железные удила"; № Р. 33 „Часть железных удил". Допуская, что еще удила были найдены в восьмом кургане (см. ниже), все же получим, что удила были не у четырех, а у пяти лошадей, если только № Р. 30 и и № Р. 33 не составляют части одних удил. Кроме того, в „Списке" упоминаются: „Пряжка железная с подпруги" (№ Р. 8) и „Железная пряжка" (№ Р. 9), которые, равно как и удила №№ Р. 15, 31, 32, 33, в наличности не имеются и в каталоге Рум. Музея не значатся.

прясло в виде плоского кружка из камня с отверстием по середине (№ Р. 12 = № Р. М. 3404, диам. 0.035; толщ. 0.01 табл. II, рис. 4); у ног какие-то следы одежды (чулок?) с медными украшениями (№ Р. 14 = № Р. М. 3406, в каталоге они описаны как „Куски шерстяной одежды с нашитыми бронзовыми бляшками"), и каменный точильный, обломанный с одного конца брусок (№ Р. 19 = № Р. М. 3408, дл. 0.16; шир. 0.03, толщ. 0.03, табл. II, рис. 1) [1]). Кроме того, в Списке упомянуто „два костяных королька, найденных возле головы женщины" (№ Р. 111 = № Р. М. 3441, диам. 0.02, толщ. 0.01, другой диам. 0.01, толщ. 0.01, табл. II, рис. 5), о которых в Рапорте не упомянуто. Возможно, что при этом же женском скелете и при каком-то другом были обнаружены остатки воротников. В. В. Радлов пишет (Aus Sibirien II, 139): „около двух женских скелетов нашли на шее остатки узких (шириною около 1 вершка) стоячих воротников из весьма тонкой материи, на которой были нашиты рядами маленькие круглые и овальные медные листики. Последние были частью такой же формы и величины, как некоторые золотые листики, найденные в большой могиле".

„У одного из мужских скелетов нашли у рук стрелки железные и костяные, нож, копье и обломки лука". Так как Рапорт не ставит здесь №№ Списка, то отождествить эти вещи можно лишь приблизительно. № Р. 25 — „тринадцать железных кончиков от стрел" — в Музее не имеются. № Р. 36 = № Р. М. 3402 железный плоский наконечник стрелы в форме удлиненного ромба со стержнем (дл. 0.13; наибольшая шир. 0.032, табл. II, рис. 11). Костяной наконечник стрелы (№ Р. 35 = № Р. М. 3401, дл. 0.09, табл. II, рис. 10). Железный нож, прямой с рукояткой (№ Р. 27 = № Р. М. 3412, дл. 0.165, табл. II, рис. 12). Наконечник железного копья с трубкой (№ Р. 28 = № Р. М. 3398, табл. II, рис. 16). Костяной просверленный яйцевидный шарик от стрелы (№ Р. 17 = № Р. М. 3407, дл. 0.02, диам. 0.01, табл. II, рис. 5). К луку, может быть, относятся: обломок костяной пластины (№ Р. 20 = № Р. М. 3409, дл. 0.125; шир. 0.015, табл. II, рис. 13) и цилиндрический несколько изогнутый, просверленный кусок кости (№ Р. 26 = № Р. М. 3411, дл. 0.045, диам. 0.02 в стенках сделаны 4 отверстия, табл. II, рис. 9). В списке упомянуто еще медное кольцо из проволоки, лежавшее на груди скелета (№ Р. 34 = № Р. М. 3400, диам. 0.04, табл. II, рис. 8). Кроме того, в „Списке" указаны следующие, не имеющиеся в Музее, предметы, найденные на I Катандинском

[1]) По Aus Sibirien II, 106, брусок найден в мужской могиле.

кладбище и, вероятно, принадлежавшие к одному из мужских погребений: железное копье (№ Р. 29); железный заступ (№ Р. 16) и острый железный заступ (№ Р. 23).

Наконец, переходим к последнему, восьмому, кургану, разрытому Радловым на I Катандинском кладбище. Это круглый курган диаметром в 3 саж. и высотой в 1 арш. Здесь на глубине 1 1/2 арш. нашли лошадь, погребенную головой к востоку, а еще на 1/2 арш. ниже завернутые в шубу штаны и чулки. „Вещи эти сохранились хорошо по причине шерсти на шубе, покрывавшей их“ (Рапорт; № Р. 71 d, в Музее не имеются). В Aus Sibirien (II, 139) мы читаем подробнее: „Форму этой шубы, к сожалению, нельзя было рассмотреть, так как кожа совершенно истлела, и уцелели только маленькие обрывки. В меху шубы сохранились отдельные куски штанов. Они были сделаны из довольно грубой ткани ручной работы, по строению своему схожей с вытканным из верблюжьей шерсти армяком киргизов. Хорошо сохранился нижний край одной штанины; он был так узок, что следует предположить, что эти штаны носились в узких сапогах. С одной стороны, снизу штаны были вырезаны, и вырез также, как и весь нижний край, обшит был тонким шнуром, концы которого висели и служили, вероятно, для того, чтобы подвязывать нижний край панталон у лодыжки. Шнурок, которым панталоны были обшиты внизу и на поясе, как можно ясно различить на некоторых кусках, был сплетен, а не скручен. В другой могиле там же был найден войлочный сапог или чулок, подошва которого, сделанная из очень тонкого войлока, была насквозь простегана. Верхняя часть голенища, которое было длиною приблизительно от 1 1/2 до 2 пядей, была загнута на 1 вершок ширины“.

По аналогии с Большим курганом II Катандинского кладбища, где одежда была найдена выше самого погребения (см. ниже), можно думать, что В. В. Радлов не доследовал этот курган. Разрывая его в последний день, он, вероятно, торопился перейти на новое место и поэтому удовлетворился сделанной находкой.

Второе Катандинское кладбище.

Второе Катандинское кладбище расположено в расстоянии около 2 верст от деревни Катанды в долине между речками Верхней и Нижней Катандой недалеко от гор. Оно состояло из одного большого кургана, высотою более 1 сажени и диаметром в 14 сажен, насыпь которого состояла из больших булыжников и носила в нескольких местах следы прежней попытки вскрыть

могилу. Вокруг были расположены до 20 мелких могил с могильными холмиками также наваленными из камней. Рядом с могильником были ясные следы оросительных каналов.

Большой курган. В. В. Радлов производил здесь раскопки с 21 по 29 июня; он вскрыл большой курган траншеей, шириною в 7 и длиною в 11 саж. Между камнями насыпи были найдены разбросанными остовы, по меньшей мере, шести лошадей и несколько поломаных человеческих костей. „Кроме того, нашлись: 6 железных удил (в „Списке“ упомянуто только четыре), несколько железных и костяных стрел, железный и медный ножи, железная лопата, железная сабля, множество голубых стеклянных бус и два сердцевидные сердолика, служивших, вероятно, принадлежностью серег“ (Aus Sibirien II, 107). В „Списке“ под № 44а упоминается еще мелкий бисер, а под № 44 значится „сережка из сердолика, два каменных шарика и королек из янтаря“.

Из этих предметов в Музее в настоящее время находятся следующие: бронзовый нож обычного сибирского типа с отверстием на рукоятке, которая немного обломана (№ Р. 37 = № Р. М. 3413; дл. 0.13; шир. на одном конце 0.013, на другом 0.007, табл. II, рис. 1), четверо железных удил (№ Р. 40 = № Р. М. 3414, дл. 0.15, и одно кольцо (другое обломано) диам. 0.03; № Р. 42 = № Р. М. 3414, дл. 0.16 и два кольца диам. 0.06; № Р. 46 = = № Р. М. 3414, дл. 0.13 и два кольца диам. 0.04; № Р. 47 = = № Р. М. 3414, дл. 0.15 и одно кольцо диам. 0.05, другое 0.045, табл. II, рис. 2—5), железная пряжка в виде кольца с язычком (№ Р. 41 = № Р. М. 3415, диам. 0.03, табл. II, рис. 6); связка из 160 штук голубых круглых стеклянных бус (№ Р. 43а = № Р. М. 3416, диам. бус в среднем 0.008, табл. II, рис. 7); сердоликовая бусина в виде многогранной призмы (N. P. 44 = N. P. M. 3417, диам. 0.015, табл. II, рис. 8). По „Списку“ не достает: железной трехгранной стрелы (№ Р. 38); маленького железного ножика (№ Р. 39), железной сабли (№ Р. 43) и мелкого бисера (№ Р. 44а).

Все перечисленные предметы, разбросанные в беспорядке, по мнению В. В. Радлова, были выброшены из могильной ямы прежними ее раскопщиками, которые, однако, не дошли до основания громадного кургана и перемешали лишь погребения, сделанные в насыпи. В рукописном Рапорте говорится: „Лошади, наверное, точно так же, как и люди, были похоронены между камнями насыпи, потому что они находились между камнями в таких местах, под которыми почва оказалась совершенно нетронутой; теперь они были совершенно разбросаны прежними копателями могил. Все вещи доказывают, что люди, похороненные в насыпи, при-

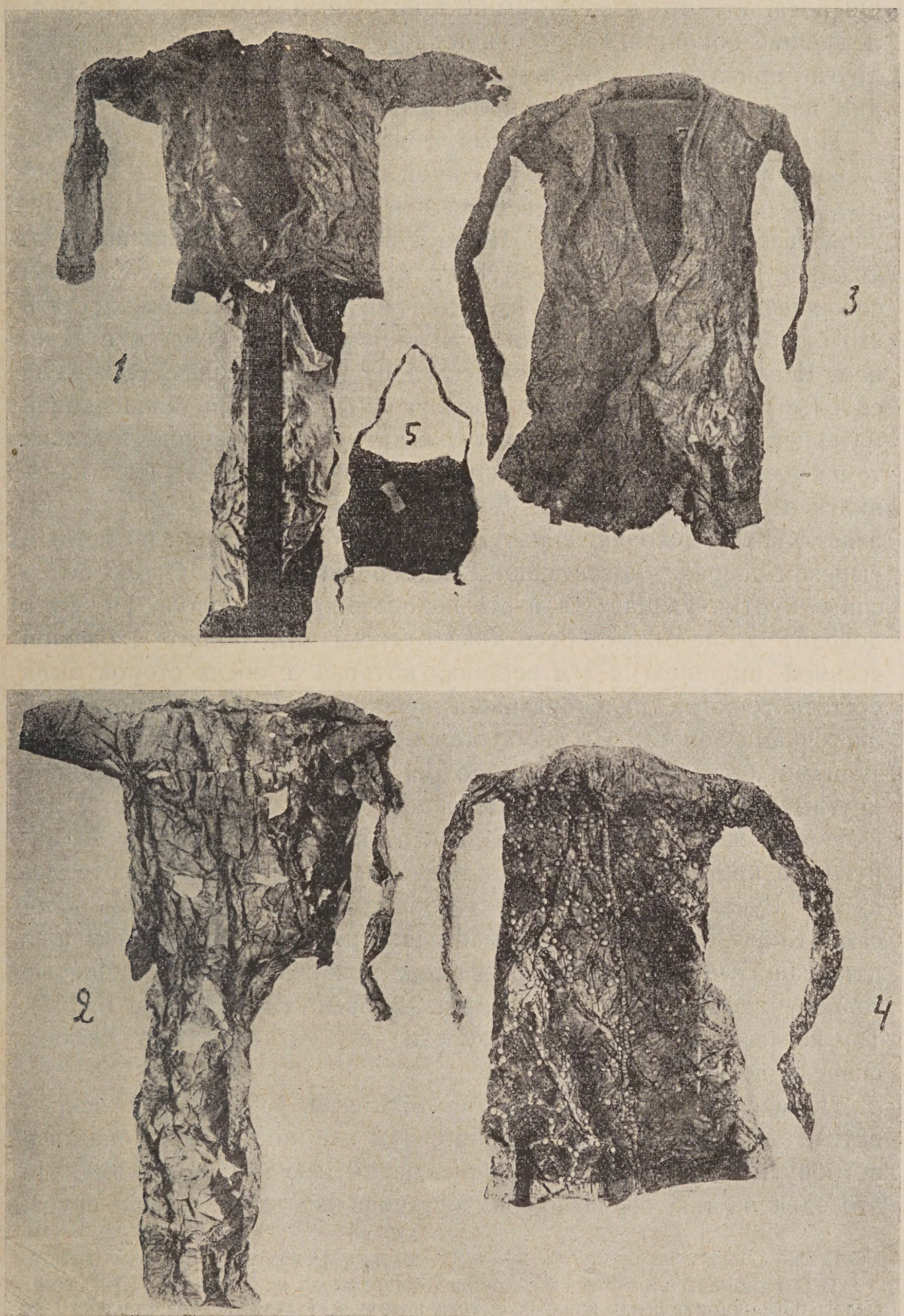
надлежали к тому племени, которое было похоронено на первом кладбище. Только один медный ножик (№ 37) попал случайным образом туда, и он служит доказательством того, что в этих местах жило когда-то племя бронзового века. Были ли эти люди похоронены во время основания могилы или позже, этого определить нельзя по разбросанности костей. Работа в разрезе насыпи шла довольно скоро, потому что камни были довольно крупны и положены один на другой".

Сняв всю насыпь из камней, исследователь нашел в середине кургана могильную яму, длиной в 2 саж. и шириной в $2^1/_2$ саж., засыпанную землей и большими каменными глыбами. На глубине одного аршина почва оказалась замерзшей, хотя раскопки производились летом. Пришлось оттаивать почву кострами, последовательно удаляя растаявшую землю. На глубине двух сажен под землей между камнями нашли разбросанные кости человека и лошадей (о числе их Радлов не говорит) и железные удила с большими кольцами (№ Р. 45 = № Р. М. 3414, дл. 0.16, диаметр колец 0.11, табл. II, рис. 9).

Глубже на $^1/_2$ арш. исследователь наткнулся на четырехугольный сруб, сложенный из бревен лиственницы (в русском переводе ошибочно переведено „лиственного леса"). Короткие его стороны (восточная и западная) состояли из прямых, положенных друг на друга брусьев, длиною в 1 арш., при чем из рисунка (Aus Sibirien, Taf. VI, fig. 6—7) видно, что эти брусья клались не поперек, а вдоль могилы. Длинные же стороны (северная и южная) состояли из длинных балок, положенных друг на друга под острым углом. Крыша сруба была обнаружена только в северной части; южная же ее половина, по мнению В. В. Радлова, была снята при прежнем вскрытии могилы или сгнила от времени, но он не указывает, были ли найдены обломки этой крыши, или нет. В последнем случае не правильнее ли предположить, что сруб был закрыт лишь наполовину. К сожалению, Радлов не указывает, какова была форма этой крыши, плоская ли, или со скатом.

„На $^1/_2$ аршина ниже крыши могильная яма была наполнена громадными каменными глыбами, между которыми встретились неправильные куски бересты и лохмотья вышитой кожи". Ни одного куска этой кожи в Музее не имеется, не значатся они также в „Списке".

В Рапорте Радлов думает, что это могли быть остатки чепрака лошади, которой принадлежали удила № Р. 45 и предполагает, что могила была ранее его разрыта только до половины, так что копатели сняли крышу могилы и углубились до поперечных бревен.



Большой курган II Катандинского кладбища. 1—2. Передняя и задняя стороны кожаного „фрака"; 3—4. Передняя и задняя стороны кафтана; 5. Нагрудник.

Он полагает, что в срубе выше этих бревен находились принадлежавшие покойнику погребенные лошади (одна? *А. З.*) орудия и другие принадлежности, чем и объясняется совершенное, как увидим ниже, отсутствие этих предметов на дне могилы.

По удалении каменных глыб обнаружены были две толстые балки, лежавшие поперек могильной ямы и укрепленные в длинных стенах сруба (т.-е. северной и южной). Вероятно, они служили распорами для стен. На западной балке лежало какое-то кожаное платье (№ Р. 71а = № Р. М. 3438. Табл. III, рис. 1—2) совершенно во льду, так что единственным средством достать его было перерубить бревно и вытащить платье вместе с деревом. Когда лед растаял перед исследователем оказалась одежда из собольего меха, похожая по покрою на фрак, покрытая шелковой материей и украшенная по краям кожей и кусочками золота. Материя темно-оливкового цвета, но, впрочем, может быть, ее цвет изменился от лежания в земле. Верхняя часть этой одежды представляет куртку, доходящую почти до талии, без воротника и с острым вырезом спереди, достигающим до середины груди. Около бедер спина куртки удлиняется, и эта полоса шириною около $1^1/_2$ фута доходит до лодыжек. Весь край одежды был обшит „кожаной тесьмой шириною в $1^1/_2$ вершка, которая с обеих сторон была обшита тонкими пилообразными зубчиками из кожи, покрытой листочками золота. На свободном месте между этими золотыми зубцами были нашиты попарно на кожаную полосу маленькие круглые золотые листики, отстоящие друг от друга на 1 дм. Подобная же кожаная полоса шла от плеча через грудь до наружного края ворота и точно также через спину на высоте лопаток. Рукава были обшиты точно такими же кожаными полосами. Книзу от плеч на наружном шве рукава и на спинном шве шли нашитые кожаные полосы вдвое меньшей ширины, обшитые только пилообразными золотыми полосками“ (Aus Sibirien II, 137). Так как застежек и петель спереди нет, то, вероятно, костюм спереди не сходился вплотную [1]).

По мнению В. В. Радлова (Aus Sibirien II, 108), прежние вскрыватели дошли только до сих пор, так как под балкой оказался нетронутый пласт бересты, покрывавший всю могильную яму. Но это едва ли так; вероятно, они остановились выше крыши сруба.

---

[1]) Вот размеры этой одежды: длина от ворота до конца фалды 1.10; длина фалды 0.64; ширина фалды внизу 0.26; тоже вверху 0.43; длина переда от плеча 0.69; длина переда от выреза воротника 0.45; ширина груди 0.34×2; ширина спины 0.59; ширина проймы 0.44; ширина обшлага 0.25; длина рукава 0.64; ширина низа 1.05; ширина кожаной ленты, обшитой на краю 0.075; ширина узкой кожаной ленты 0.033.

Трудно допустить, что вскрыватели, проникнувшие в сруб, вынесли через узкую яму подкопа бревна, составлявшие часть крыши, или что они затем навалили под крышу в могильную яму „громадные каменные глыбы, между которыми встретились неправильной формы куски бересты и лохмотья вышитой кожи“. Описание Радловым сруба очень желательно было бы иметь в более подробном виде; нельзя ли, например, думать, что вторая половина крыши состояла из каменных глыб, поставленных друг на друга, но в таком неустойчивом равновесии, что они обрушились внутрь.

Немного ниже поперечной балки, вероятно, западной, о которой уже говорилось, „на южней стороне могильной ямы“ (Рапорт), в куске льда промеж бересты было найдено „свернутое платье, сшитое из горностаевого меха, выкрашенного в зеленый и красный цвета (№ Р. 71 б = № Р. М. 3439; длина спины 1.05; ширина подола 2.25; длина рукава 1.00; окружность рукава у кисти 0.145. Табл. III, рис. 3—4). Платье было украшено пуговицами, покрытыми золотыми пластинками, рукава его были длинные, узкие, воротника нет, одна обшивка (у Радлова ошибочно „высокий воротник“). „В платье был завернут нагрудник (в русском переводе ошибочно сказано „камзол“) из горностаевого меха и прикрепленные к шелковой ленте вырезанные из дерева лошади и фантастические звери; затем чаша (Радлов здесь ошибается, как увидим ниже) и несколько рельефных изображений фантастических животных в виде оленей и медведей“. Так писал исследователь в Aus Sibirien, II, 108. Ниже, на стр. 136, он подробнее описывает платье; там говорится: „Первое из этих платьев (сохранившихся во льду) круглый плащ (ein rundel Mantel) с длинными, но такими узкими рукавами, что мне кажется невозможным, чтобы туда можно было пропустить руки [1]). Плащ был подбит собольим мехом, который на некоторых местах сохранился в совершенной целости. Покрышка была из маленьких горностаевых мехов волосом наружу“. Эти горностаевые меха были нарезаны и расположены подковами, составленными из меха, окрашенного в зеленый и красный цвета. Внешний край подковки состоял из зеленой полоски меха, а внутренняя часть из красного меха состояла из ромба с вогнутыми краями, окаймленными в вершине двумя меховыми полосками сероватого цвета с мелкими нашитыми квадратиками кожи, которые были покрыты золотыми пластинками. „На узких

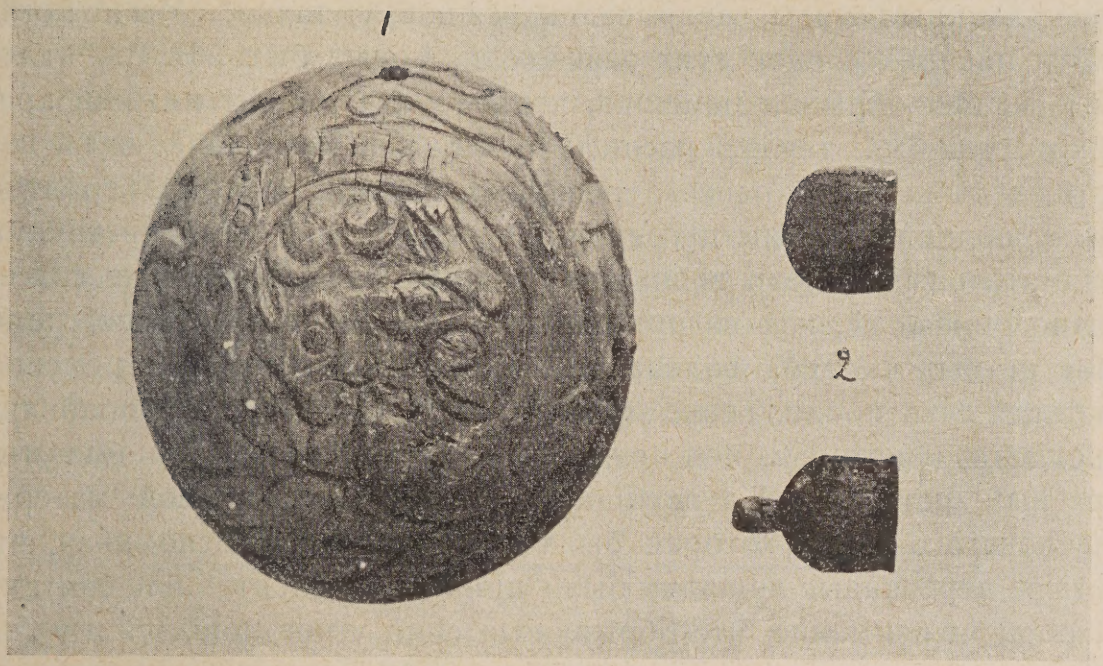
[1]) Как мы видели, окружность рукава у кисти всего 0.145. Но это не может служить доказательством того, что рукава и были такой ширины: мокрые меха по высушивании сжимаются чрезвычайно сильно.

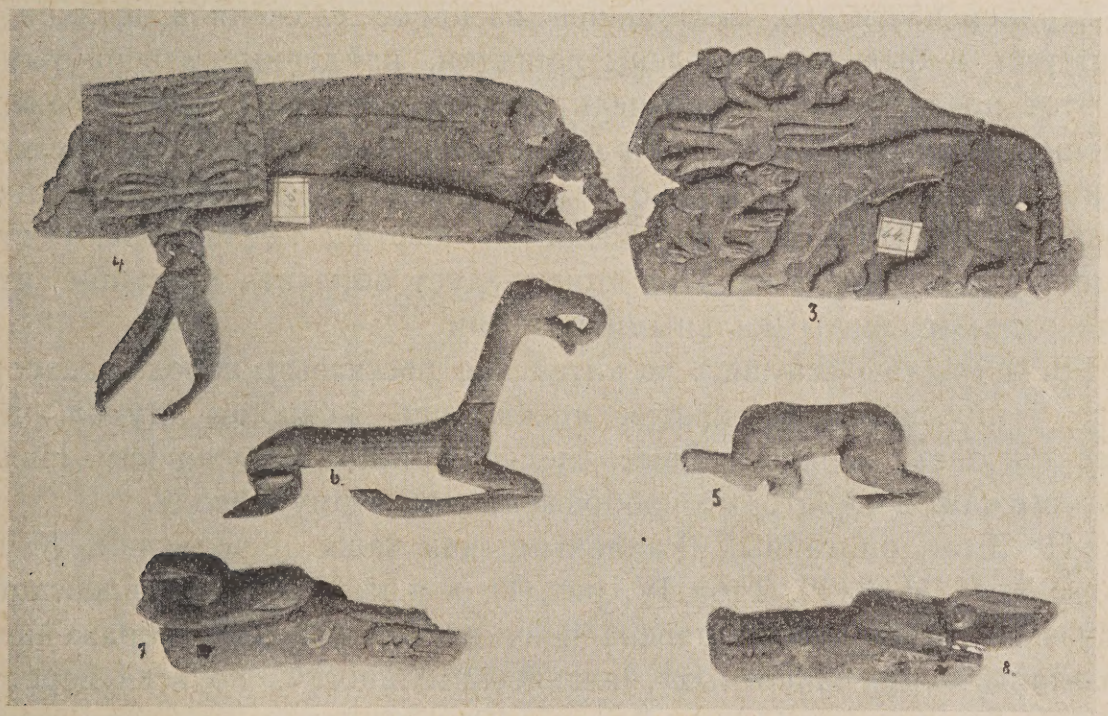
подковообразных зеленых полосах, которые были расположены друг над другом, были нашиты в разных местах до одиннадцати круглых пуговиц, покрытых золотыми листиками. Зубцы, вшитые между подковами, были прикреплены очень узкими кожаными ремешками, на которых на каждом зубце нашиты были 16 маленьких четырехугольных кожаных пластинок, покрытых ранее листиками золота". Вокруг шеи и на передних сторонах плаща нашиты были на протяжении 0.18 (вверху) — 0.115 (внизу) ряды четырехугольных пирамидообразных деревянных пуговиц, плотно прилегающих друг к другу. Число рядов вверху 14, внизу оно уменьшается. Они точно также были покрыты золотыми листиками таким образом, что 4 пуговицы прикрывались одним золотым листом [1]). Шесть (у Радлова „восемь") рядов точно таких же пуговиц окружали нижний край одежды. На плечах находились точно такие же полосы, состоявшие из пяти рядов пуговиц. На концах рукавов были 8 рядов кожаных четырехугольных пластинок, покрытых золотом, а по наружному шву рукава от плеча до низа шли два ряда вышеописанных деревянных четырехугольных пуговиц. Узкие полосы из кожаных четырехугольных пластинок, покрытых золотом, шли в два ряда от подмышек до низа; при чем с левой стороны от подола к верху оба ряда состояли из деревянных четырехугольных пуговиц пирамидообразной формы в количестве 18 пар, также покрытых золотом. Такие же полосы шли от средней части воротника по спине до нижнего широкого рубца. Весь край ворота и подола был обшит витым золотым шнуром. На правом рукаве внешняя полоса из деревянных квадратных пуговиц заканчивается двумя рядами из пяти пар квадратных кожаных пластинок, также покрытых золотом, а с внутренней стороны полоса из кожаных пластинок заканчивается снизу после 3 пар кожаных пластинок семью парами четырехугольных пирамидообразных пуговок, покрытых золотом.

Описание нагрудника (№ Р. 71 = № Р. М. 3438. Табл. III, рис. 5) — если только это нагрудник — таково (Aus Sibirien, II, 137): „Третьей частью одежды был нагрудник, который точно также был подбит соболем и покрыт шелковой материей зеленого цвета; он имел форму трапеции (высота 0.31; ниже основание 0.56, верхнее 0.41) и был обшит полосой меха, борт которой был украшен тонкой золотой полоской [2]). Боковые полоски меха продолжались кверху и концы соединялись ремешком красного цвета (ширина 0.023),

[1]) В настоящее время нет возможности проверить это описание, ибо не сохранилось ни одного такого листка.

[2]) То же; см. пред. примечание.





Деревянные вещи из Большого кургана II Катандинского кладбища.

образуя петлю, вероятно, надевавшуюся на шею, тогда как нижний край трапеции был обшит красным ремешком с золотыми бляшками". Радлов сообщает, что „на нижних углах были прикреплены более длинные ленты, завязывающиеся вокруг талии". Мы не могли найти никаких следов этих завязок и, может быть, В. В. Радлов счел за них обрывки ремешка, которым был обшит нижний край и который был также красного цвета, как и верхний, и на нем есть следы нашитых ранее деревянных пуговиц, которые, вероятно, были, подобно другим пуговицам, обтянуты золотыми листиками. Внимательный осмотр вещи показал, что В. В. Радлов не совсем точно описал ее, как нагрудник; дело в том, что и верхний ремешок не был петлей, надевавшейся на шею. Боковые ремешки „петли" суть продолжение боковых ремешков нижней половины предмета, к которым под прямым углом пришит вышеупомянутый красный ремешок. На ремешках есть следы шелковой материи зеленоватого цвета, которая была пришита вдвое. Вспоминая, что четыре деревянные лошадки были пришиты к „ленте" или бантику, и, обратив внимание, что обрывки материй у ног лошадей и у „нагрудника" одинаковы, невольно возникает предположение, что к верхней части его, состоявшей из вдвое сложенной шелковой материи, и были прикреплены лошадки, найденные завернутыми в этот предмет, но, какую цель мог иметь такой предмет, совершенно не могу сказать. По одинаковому цвету и качеству шелковой ткани его скорее можно было бы считать принадлежностью „фрачного" костюма, чем мехового кафтана, если только это вообще часть костюма. При этом следует обратить внимание, что все одежды сшиты жильными нитками.

В. В. Радлов, ссылаясь на китайские рассказы о народе хакасов, что у них шелковые платья носят лишь женщины, думал, что все эти одежды, как меховые, следует приписать мужчинам. Ниже мы выскажем некоторые соображения по этому поводу.

Предмет, описанный Радловым, как чаша (eine Schale, № Р. 63 = № Р. М. 3429. Табл. IV, рис. 1), а в каталоге Румянцевского Музея, как „резной из дерева полукруглый репей с изображением фантастических животных", в действительности, по всей вероятности, был чем-то в роде фалары. Это деревянная полушаровидная бляха, внутри выдолбленная, но не отделанная. На внешней стороне ее мы имеем изображение двух переплетенных фантастических животных (или стилизованный лев и теленок?) с весьма вытянутыми телами. Тело одного из них обвивается вокруг бляхи, а голова занимает самый ее центр; хвост его оканчивается головой грифона, лапы его с когтями. Тело другого еще более вытя-

нуто, и голова с большим ухом сидит на длинной шее. Точно такое же длинное ухо имеем у одной из деревянных голов, найденных в этом же кургане (см. ниже). Диаметр бляхи 0.12; высота 0.06. По краям проделаны три отверстия, в одном из которых сохранился остаток ремешка, прикреплявшего к чему-то бляху.

Из лошадок, сделанных, вероятно, из дерева лиственницы, пять вырезаны в полный профиль (Табл. V). На них из одного куска дерева вырезаны седла, но уздечек нет и следа. Не были ли уздечки сделаны из какого-нибудь другого материала, например, кожаных ремешков, и не сохранились. На головах у них по 4 отверстия: два могли служить для приставных ушей, но назначение второй пары неясно: в них могли быть вставлены султаны, рога или, наконец, штифтики, закреплявшие надетые уздечки. На задах лошадей мы имеем также отверстия, хвост был приставной; из чего он был сделан сказать нельзя. Размеры их таковы:

		Высота до макушки головы	Высота до поверн. спины	Длина от хвоста до оконечн. морды	Примечания
№ Р. 67	№ Р.М. 3433	0.085	0.06	0.08	
	№ Р.М. 3433	0.075	0.055	0.085	обе задние ноги до колен не сохранились.
	№ Р.М. 3432	0.07	0.05	0.07	левые ноги обломаны до колен, у правых обломаны копыта.
	№ Р.М. 3431	0.08	0.05	0.085	обломана задняя левая нога почти вся; задняя и передняя правые—нижние части.
	№ Р.М. 3431	0.075	0.06	0.06	обломаны голова и обе передние ноги внизу.

В „Списке“ под № 67 записано: „Деревянные пришитые к шелковому бантику четыре лошади и 3 такие же не пришитые“. Точно сказать, какие лошадки были пришиты, мы не можем теперь, но у двух сохранились у ног остатки материи (см. ниже). Шестая и седьмая лошади (те же №№) изображены в профиль, но с головами, повернутыми в фас; одна изображена стоящей направо, другая налево; высота первой до макушки головы 0.08, до поверхности спины 0.055, длина 0.06; высота второй до макушки головы 0.07, до поверхности спины 0.05, длина 0.07.

Одна лошадь (№ Р. 65 = № Р.М. 3431) вырезана лежащей налево; туловище в профиль, голова повернута в фас; седла нет; на голове также четыре отверстия, при первой паре отверстий лоб немного стесан; целиком сохранилась только левая передняя нога, остальные обломаны; длина лошади 0.06; вышина 0.55. У другой лежащей лошади (№ Р. 65 = № Р.М. 3431, табл. IV, рис. 5) отломана голова с шеей и все ноги по коленный сустав; сохранилось одно туловище, имеющее длину 0.07; высоту 0.025.

Одна резная из дерева фигурка (№ Р. 70 = № Р.М. 3437, табл. IV, рис. 6) представляет лежащего фантастического зверя (грифона); тело вроде лошадиного; голова имеет нечто похожее на хобот или птичий клюв; сохранилась целиком только левая передняя нога; остальные обломаны; на голове также четыре отверстия; во рту следы красной краски; длина фигуры 0.105, высота до макушки головы 0.065; до поверхности спины 0.03.

У двух лошадей (№ Р. 67 = № Р.М. 3433) имеются прикрепленные к ногам остатки тонкой шелковой ткани (камки) зеленоватого теперь цвета. Радлов, к сожалению, не говорит, в каком порядке были прикреплены к материи („шелковой ленте“) эти резные фигурки, и мы не можем восстановить теперь порядка, в каком они следовали друг за другом. У ног трех фигурок имеются остатки золотых листков; по словам В. В. Радлова (Aus Sibirien, II, 132), золотыми листиками были покрыты копыта и передняя часть седел. „Это, может быть, указывает на то, что древнейшие народы железного века в действительности украшали таким образом копыта своих лошадей“. Что касается обивки седел золотыми листами, то аналогии этого мы имеем о скифском кургане Козел, (Тавр. губ., Мелитопольского у., IV в. до Р. Х.), где у некоторых погребенных лошадей были найдены по 4 золотых пластины на седле.

Вместе с фигурками лошадок была найдена деревянная резная бляшка (№ Р. 64 = № Р.М. 3430, табл. IV, рис. 3), вероятно, также покрытая золотым листком (дл. 0.12; выс. 0.07). Толстой и Кондаков (Русские древности в памятниках искусства, III, 42) называют ее парной. У Радлова нигде нет указаний на это. Но аналогии с сибирскими бляхами делают весьма правдоподобным мнение названных исследователей: каждая парная сибирская бляха суживалась к одному концу и мы имеем одну, где звери, суживаясь, соединены задами (Толстой—Кондаков, III, 67). Наша пластинка изображает медведя, нападающего на оленя или скорее лося, судя по морде; рога и хвост животного оканчиваются птичьими или грифоновыми головами, как на известной золотой сибирской бляхе из Верхне-

удинска (Толстой—Кондаков III, 59). Бросается в глаза неслаженность переда и зада зверя: перед лосиный, но зад с длинным хвостом решительно напоминает льва; художник как будто бы имел целью сделать совершенно фантастическое чудовище.

Из двух резных голов животных (№ Р. 68 = № Р. М. 3435) особенно интересна одна (табл. IV, рис. 7), имеющая тот же тип, как голова одного из зверей на круглой бляхе, с характерным длинным ухом с завитком внутрь (длина головы 0.095). Другая голова сохранилась хуже, части ее не хватает (дл. 0.09, табл. IV, рис. 8).

Среди предметов мы имеем еще две резные из дерева подвески в виде колокольчиков (№ Р. 69 = № Р.М. 3436; высота 0.035; табл. IV, рис. 2) и четырехугольную пластинку из дерева с изображением морды фантастического животного (стилизованного быка?), прикрепленную к куску кожи (№ Р. 66=№ Р.М. 3434, дл. 0.0475, шир. 0.04, табл. IV, рис. 4).

Вынув весь слой бересты, исследователь дошел до дна могильной ямы на глубине более 3 сажен. Нижняя часть ямы была наполнена водою, которая не замерзла. На дне по направлению с В. на З. стояли две доски (Tafeln) на четырех ножках; на каждой из досок головой на восток лежал скелет без всяких украшений. Доски были чисто выделаны с помощью топора, но не струганы и окаймлены бортом в 1 дм. „Доска, борт и ножки в виде усеченных конусов сделаны были из одного куска дерева; вокруг ножек северного стола были прикреплены медные обручи шириною ок. $2^1/_2$ верш. (№ Р. 71, в каталоге в наличности нет). Так как со всех сторон в могильную яму протекала грязь и вода, то лишь с трудом удалось собрать золотые пластинки с изображением зверей (в списке не значатся) и отдельные куски истлевшей одежды (№ Р. 71 е = № Р. М. 3440). Скелеты оказались совершенно истлевшими и от прикосновения распались в прах. Длина скелетов была приблизительно от 2 арш. 5 вершк. до 2 арш. 7 верш.“

В могильной яме были найдены следующие обрывки тканей [1]).

1. Кусочки очень тонкой шелковой ткани с гроденаплевым переплетением нитей. Шелк хорошо проварен. Нити в утке несколько толще основных. На сохранившихся частях тканей имеются следы их первоначальной окраски — темно-красной и темно-зеленой, в настоящее время сильно поблекшей и загрязненной. Промыть кусочки ткани невозможно в виду их плохой сохран-

[1]) Описание тканей сделано заведующим отделом тканей Гос. Ист. Музея В. К. Клейном.

ности. Материя, повидимому, восточной работы, тождественная с китайской тафтой (№ Р. 71е = № Р. М. 3440). В. В. Радлов в надписи, приложенной к ткани, называет эти фрагменты: „Verschiedene Seidenzeuge".

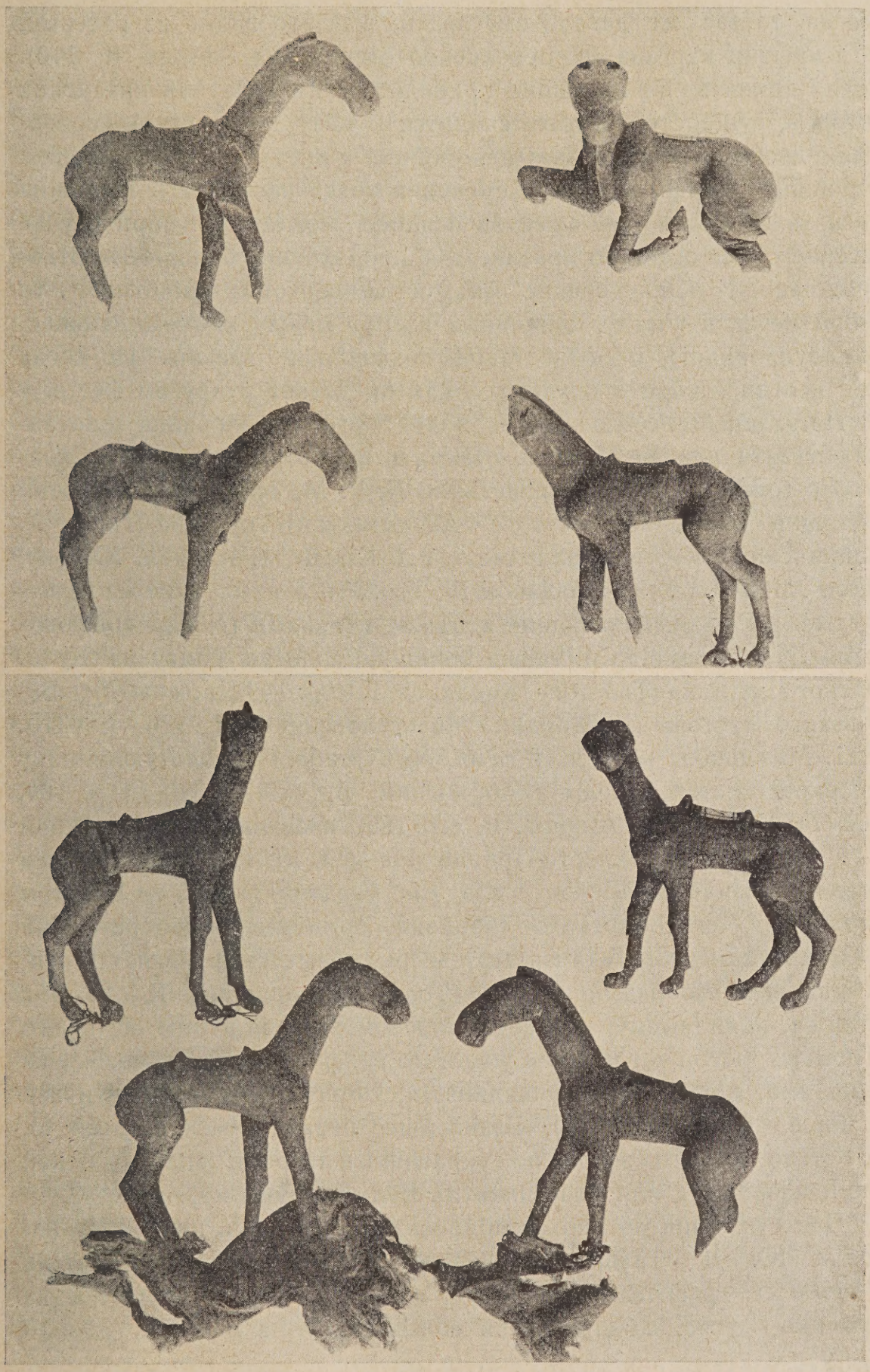
2. Кусочки такой же шелковой ткани несколько лучшей сохранности коричневато-серого цвета (№ Р. 71е = № Р. М. 3440). По надписи В. В. Радлова „Seidenzeuge fein gespinnst gewisz aus China".

3. Кусочек шерстяной ткани из довольно тонких, хорошо ссученных нитей серого цвета. Материалом для ткани служила, вероятно, верблюжья шерсть. В строении ткани никаких особенностей не замечается; она без начеса и обычна для шерстяных тканей, сработанных на примитивных ручных станках (№ Р. 71е = = № Р. М. 3440). В. В. Радлов в надписи на билетике называет эту ткань: „Wollenzeug (Kamelwolle?) eigenen Fabrikation".

4. Обрывки подобной же ткани, но малой плотности из слабо ссученных нитей коричневого цвета (№ Р. 71е = № Р. М. 3440). По терминологии В. В. Радлова: „Wollenzeug eigenen Fabrikation handgespinnst".

Время выделки тканей определить весьма затруднительно, так как в их технике нет никаких характерных особенностей.

По мнению В. В. Радлова, уже отмеченному выше, „могила была раньше вскрыта до поперечной балки и разграблена; вероятно, все принадлежавшие покойному предметы и лошади находились над поперечной балкой. Это доказывается тем, что в верхней части могильной ямы и могильного холма найдены разбросанными лошадиные кости и железные предметы, которые при разграблении оставлены в могиле, как не нужные". Выше мы уже отметили, что это едва ли так. По не совсем ясному описанию можно было бы скорее думать, что мы имеем в данном случае следующее: внизу в яме было погребение в срубе какого-то знатного человека. Выше между камнями насыпи не были ли зарыты принесенные в жертву рабы и кони и, наконец, наверху не имеем ли мы позднейшего впускного погребения, ибо предметы, найденные в насыпи, за исключением бронзового ножа, который мог попасть случайно вместе с землей (известно, что в Минусинском округе такие ножи выпахиваются очень часто на пашнях), принадлежат к поздней эпохе. Особенно это следует сказать о голубых стеклянных бусах, образцы которых мы имеем вплоть до X в. до Р. Х. Категорическое решение этого вопроса едва ли возможно: у нас нет уверенности, что В. В. Радлов сам присутствовал при находках вещей; рабочие, повидимому, не



Деревянные изображения лошадей из Большого кургана II Катандинского кладбища.

всегда тотчас же давали ему знать, как это видно из рассказа о вскрытии кургана в Берельской степи (Aus Sibirien, II, 110). Если принять во внимание приводимые им указания китайских авторов, сущность которых сводится к тому, что уйгуры совершали двойную похоронную церемонию, а именно, что „покойника хоронили тотчас же после смерти и тогда насыпалась половина могилы, несколько же месяцев позднее, может быть, при случае весеннего или осеннего празднества, происходило большое жертвоприношение и погребение множества верховых животных", то в предметах и костях, найденных вверху между камнями, можно, пожалуй, видеть остатки такой позднейшей тризны. Но тогда уже нельзя говорить о хакасах, как он делает в другом месте.

Не задаваясь сейчас целью подробного исследования описанных памятников, не могу не отметить некоторых пунктов. Сходство с головой оленя на пластинке № Р. М. 3430 имеет золотой лежащий олень на бляхе из Аксютинского кургана (гр. А. А. Бобринский. Курганы близ местечка Смелы, т. II, табл. XXI, ср. табл. XIII и Толстой—Кондаков, III, стр. 35). У него такие же развесистые рога, оканчивающиеся также птичьими (?) или грифоновыми (?) головами. Ср. также большую золотую бляху из Куль-Обского кургана (Толстой—Кондаков, II, стр. 149); ножны Мельгуновского кургана (Е. Придик. Мельгуновский клад. 1763 г. СПБ. 1911. Материалы по Арх. России, № 31, табл. IV), золотую бляшку из окрестностей Смелы (Бобринский, op. cit., т. III, стр. 139, рис. 71; Толстой—Кондаков, II, стр. 125), пластинку из коллекции Б. И. Ханенко (Древности Приднепровья, в. III, стр. LIX). Отчасти нашего оленя напоминает, как уже указано, зверь на золотом украшении из сибирского собрания Эрмитажа, приобретенный в Верхнеудинске в 1844 г.; этот зверь, может быть, является стилизованным изображением лося (Толстой—Кондаков, III, стр. 53): „Морда, повидимому, кончается клювом хищной птицы, ветви его огромных рогов — головами ушастого грифона, ноги его снабжены копытами, может быть, лошадиными, хвост оканчивается птичьей головой" (ibid., стр. 54). Главнейшее различие между ними то, что тело нашего зверя не украшено фигурами животных, как сибирская бляха или пластинка их Куль-Обского кургана.

Для суждения об эпохе сибирских блях весьма интересна находка Ю. Д. Талько-Гринцевича. Названный исследователь в 1900 г. раскопал кладбище на р. Джиде в окрестностях Троицко-Савска, Забайкальской области [1]). В 3-х могилах, 7, 9 и 10

[1]) См. Талько-Гринцевич. Материалы к палэоэтнологии Забайкалья. V. Труды Троицко-Савского кяхтинского отделения Приамурского отдела И. Р. Г. О.

оказались бронзовые бляхи; могилы № 7 и 10 были изданы также А. А. Спицыным в статье „К вопросу о хронологии золотых сибирских блях с изображением животных“ (Зап. И. Р. А. О., т. XII. 1901, стр. 277 — 282). Могилы находятся при пересечении р. Джиды коммерческим трактом на песчаном выдуве. Могила № 7 (яма 3× 2×1/2 метра) обставлена была по бокам каменными плитами. В этом каменном ящике был поставлен гроб из досок лиственницы, расширяющийся в головах, дл. 1.90, шир. в ногах 0.45, в головах 0.59. На внутренней поверхности длинных досок гроба, по середине, оказались прибитыми по две медные литые ажурные бляшки; дл. 0.108; шир. 0.66, расстояние их от дна гроба нельзя было определить, так как нижние доски сгнили и сели“. Погребение принадлежало женщине; были найдены бусы, бронзовые подвески в виде раковин и колокольчиков и две китайских монеты династии Хань, называвшиеся ву-чу; они были выпущены в 118 г. до Р. Х. и обращались до 581 г. по Р. Х. (при династии Син). „Изображение на бляхах представляет так называемую сцену борьбы из-за добычи. Терзаемое животное — длинноногий козел. Голова опущена к земле, передние ноги согнуты в коленях, задние еще упираются в землю. Животные нападающие — тигр и орел. Тигр впился зубами в шею козла, грива и загнутый его хвост оканчиваются птичьими головками, лапы широкие. Орел ногами вцепился в спину козла или держится на ней, а клювом ухватил шею тигра. Крылья его полураспущены, голова снабжена придатком или ухом в виде птичьей головки. Ближайшая аналогия этой сцены на бляхе Эрмитажа, представляющей сцену терзания добычи тремя животными“ (Толстой — Кондаков, III, 57). Такие же пластины в погребении № 9 (Труды, стр. 26). В погребении № 10 могильная яма имела в длину и ширину по 3.5 метра, в глубину 2 м и была установлена каменными плитами и глыбами. Деревянный гроб (2.12 м дл., шир. в головах 0.91 м) примыкал изголовьем к северной стенке и был покрыт деревянною крышкою, поверх которой на глубине 1.5 м лежали перемешанные с землей угли. „Внутри гроба, как и в предыдущем погребении, по средине прибиты две медные ажурные пластины с изображением животных“. Могила, повидимому, женская, найдены бусы, ажурные бронзовые привески. „По сторонам сруба (т.-е. в гробу?) оказалось по медной китайской монете совершенно того же рисунка“. На бляхе представлена сцена борьбы между двумя хищниками по теме, аналогичной другой сибирской

т. III, в. 2—3. 1900; Иркутск. 1902, стр. 21—31. Ср. его же. Древние памятники западного Забайкалья. Труды XII Арх. Съезда, т. I, стр. 492—505.

бляхе (Толстой — Кондаков, III, 54). Тигр представлен здесь кусающим за ноги собак, другое животное, стоящим также, повидимому, с рогами (раскинутыми вправо и влево). Изображения очень схематизированы и плохо выработаны. Ноги обоих животных оканчиваются копытами; голова тигра сформована на подобие кабаньей. В других могилах найдены пряжки с изображением головы быка, колокольчика и медный трехлопастный наконечник стрелы.

А. А. Спицын приходит к заключению, что „несомненная близость описанных блях к бляхам сибирской коллекции показывает, что последние не могут быть относимы к очень отдаленному времени". По его мнению, описанные могилы удобнее всего отнести к первым векам по Р. Х.

Таким образом, по отношению к части сибирских блях мы имеем некоторую дату: эпоха династии Хань (II в. до Р. Х. — II в. по Р. Х.). Но следует обратить внимание, что кяхтинские бляхи весьма грубой работы и являются, по нашему мнению, уже продуктом упадка; движения слишком схематичны; нет той силы, какую мы видим в других образцах, принадлежащих цветущей поре этих изделий. Такой переход от реализма к схематизации ясно виден на бляхах, например, в изображении рогов; в древнейших экземплярах рога оленя, несмотря на стилизацию, мыслятся, как таковые; в позднейших они вырождаются в ветви дерева, к которому прислонено животное.

Следует также обратить внимание на бронзовые бляшки, хранящиеся в Томском Музее. Одна из них (№ 4171) найдена в осыпи под крутым берегом р. Яи, в Ишимской волости, Томского округа, вместе с бронзовыми стрелками (№ 4166), маленьким бронзовым кинжалом (№ 4167) и бронзовой чашкой (№ 4168), а также бронзовой пластинкой 5 см дл. и 3 см ширины, изображающей коня с поджатыми ногами (№ 4169). Наверху спины и головы находились, повидимому, какие-то придаточные части, которые отрублены. Кроме того, одновременно найдены: литая бронзовая фигурка горного барана (в. 0.03; дл. 0.02. № 4170) и обломок бронзовой фигурки, изображавшей, повидимому, горного козла (рога и голова; дл. и выш. 0.025 № 4172). Интересующая нас фигурка (№ 4171) дл. 0.035; выш. 0.03 изображает, кажется, прыгающего оленя с ветвистыми рогами; сделана она рельефом и по технике совершенно подобна найденным вместе с ней трем другим бляшкам, передавая довольно ясно выпуклости и впадины тела животного. Рога переданы несколько условно. Подобная бляшка, но более плохой отливки и сохранности, предетавляет лежащего

оленя, местонахождение ее не указано [1]), морда у оленя обломана. Лежащего оленя несколько более тонкой работы дает бляшка Томского Музея № 2. Он найден на Чувашском мысу близ Тобольска (выс. 0.08, дл. 0.06) (Флоринский, II, стр. 549, 552. Табл. XXIII, № 2). Ноги его сложены несколько иначе, чем у предыдущей фигуры: ветвистые его рога, закинутые на спину, имеют вид ажурного сплетения. Возможно, что фигура должна изображать лося, если обратим внимание на характерно вытянутую морду животного. Несомненно, лося дает фигурка № 3359 (в. 0.08; дл. 0.09), найденная в Енисейской губ. Животное изображено стоящим; переданы вытянутая морда, длинное ухо, отвислая грудь, приподнятая спина. Неточно воспроизведен, пожалуй, один хвост, который в действительности короток и опущен книзу тогда как здесь он поднят кверху по спине. Указанные фигурки принадлежат, судя по найденным бронзовым стрелам и кинжалу, к эпохе бронзы и, может быть, отсюда шло одно из художественных течений, давших в результате сибирские бляхи Эрмитажа.

Сибирские бляхи с изображением животных М. И. Ростовцев считает идущими прямо или через посредство южной России из иранского мира [2]). Они, по его мнению, являются варварскими подражаниями более изящно сделанным предметам; например, он сравнивает с этой точки зрения золотую бляху из Майкопского кургана, изображающую нападение грифона на лошадь с бляхой из Западной Сибири в Эрмитаже и видит в первой несомненно более живое изображение. Датируется последняя бляха найденными Витсеном римскими монетами Гальбы и Нерона, т.-е. I в. по Р. Х. [3]). Отметим, что изображенная на ней лошадь, повидимому, той же породы, что и на наших фигурках, с тою же короткой прямо стоящей гривой. Некоторое сходство по формам имеет, мне кажется, также лошадь на золотом гребне из кургана Солохи [4]). Я колеблюсь сказать о сходстве с изображениями на Чертомлыцкой вазе [5]).

Влияние Передней Азии на народы Сибири вообще сказалось в самых разнообразных областях, между прочим в алфавите.

---

[1]) Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. II, табл. XXI, 5; стр. 541 и 552.

[2]) M. Rostovtzeff. Iranians and Grecks in South Russia. Oxford., 1922, стр. 140.

[3]) Id. ibid. стр. 141, Plate XXV, ср. Толстой—Кондаков, III, 55 и М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство, табл. XIII.

[4]) Id. ibid. 98, Plate XIX, ср. Эллинство и иранство, табл. VIII.

[5]) Id. ibid. стр. 104, Plate XXI, ср. Эллинство и иранство, табл. IX.

Древнейшие образцы тюрко-уйгурского языка, нагробные надписи долины р. Енисея относятся к VII в. по Р. Х. По мнению О. Доннера [1]), они древнее орхонских надписей и указывают, что усвоенный турками-уйгурами алфавит арамейского или протопехлевийского происхождения принадлежит к типу, употреблявшемуся в Парфии при Арсакидах (III в. до Р. Х. — III в. по Р. Х.). В противоположность ему F. W. K. Müller [2]) думает, что уйгурский алфавит в его древнейшем виде скорее всего заимствован из Согдианы и его прототипом является или индо-бактрийский алфавит или алфавит Кхароштхи. С ним согласен R. Gauthiot [3]), который утверждает, что своеобразный характер уйгурских надписей обязан усвоению древним турецким языком фонетической системы совершенно отличного языка, именно северо-иранского и согдианского. M. A. Czaplicka [4]) думает, однако, видеть в прототипе енисейских надписей скорее семитический алфавит более примитивный, чем сирийский V в. по Р. Х. или даже конца эпохи арсакидов, т.-е. III в. по Р. Х. [5]). Эти предположения, повидимому, правильнее мнения некоторых этнографов [6]) о том, что древняя турецкая азбука имеет свое начало в родовых знаках — тамгах, ибо тамги для этого должны были бы подвергнуться сложному превращению в психологическом процессе мышления. В лучшем случае они могли дать материал для нескольких отдельных значков. Не могу входить в обсуждение лингвистического материала, но, вероятно, иранцы оставили свои следы и в языке сибирских туземцев, как оставили в их физическом типе [7]). М. И. Ростовцев думает возможным проследить иранское влияние через посредство сарматских племен вплоть до Китая [8]) и на этом пути предметы из

---

[1]) O. Donner. Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie в Journal de la Soc. Fin. Ourg. 1896, XIX; стр. 1 — 7, 21 — 27.

[2]) F. W. K. Müller. Uigurica в Abh. Akad. Berl. 1908 — 1910.

[3]) R. Gauthiot. De l'alphabet Sogdien в Journal Asiatique. 1911, Janv. Fev. стр. 90.

[4]) M. A. Czaplicka. Central Asia in History and at the present Day. Oxford. 1918, стр. 25.

[5]) O. Donner. Op. cit., стр. 67.

[6]) Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава Киргиз-Кайсаков Большой Орды и Каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и антропологических исследований. Живая старина, 1894, I, стр. 391—486, особенно стр. 410 сл. — Н. Малицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1897 — 98, стр. 43 — 47.

[7]) Туркмены Туркестана и Персии показывают почти чистый иранский тип, равно как сарты (смесь иранцев таджиков с туранскими завоевателями узбеками), см. Czaplicka, op. cit., стр. 34.

[8]) Это влияние особенно было сильно в эпоху династии Хань (206 г. до Р. Х. — 220 г. по Р. Х.). В могиле этой эпохи найдена была между прочим зо-

рассматриваемых нами раскопок могут дать еще один лишний опорный пункт. Алтай и Минусинский край несомненно являются местом встречи двух культурных течений [1]), следы которых ярко проявляются в одном из малых курганов II Катандинского кладбища, к описанию которого мы сейчас и перейдем, остановившись ранее на вопросе об одежде, найденной в большом кургане.

В. И. Вербицкий, много лет проведший среди алтайцев, так описывает их костюм: „женщины (в южном Алтае) одеваются так же, как и мужчины: в штанах, сапогах и шапке, но есть и различие. Вместо рубахи летом надевают они чэгэдэк из дабы, китайки или нанки, преимущественно синего цвета. Покрой чэгэдэка походит на фрак с длинной талией; кроме рукавов, у него есть и другие отверстия для рук, а рукава болтаются только зауряд. Чэгэдэк кругом обложен лентой яркого цвета, застегивается под шеей двумя красными стеклянными пуговицами, величиной с большую горошину. Зимой чэгэдэк надевается сверх шубы... Женщины северного Алтая чэгэдэков и шапок не носят“ [2]).

Этот костюм, помимо отверстий возле рукавов, совершенно соответствует одному из вырытых платьев, с тою лишь разницей, что наше платье сшито из меха. Что касается „нагрудника“, то тот же автор при описании камлания говорит: „потом кам (шаман), одевшись в свою форму—халат—с нагрудником из звериной кожи и красную шапку с белыми перьями из хвоста тетери [3])...“ В нашем кургане мы имеем нагрудник и халат, как видели, богато украшенный мехом и золотом. Можно предположить, что это был костюм кама того времени, и что деревянные фигурки были также частью шаманского наряда, но, я подчеркиваю, это—лишь предположение, для подтверждения которого необходим более обильный сравнительный материал. Так как из двух костюмов, по этому предположению, один был мужской, а другой женский и так как внизу могильной ямы было найдено два скелета,

---

лотая бляха, аналогичная бляхе Майкопского кургана. M. Rostowtzeff, op. cit., стр. 204 — 205, pl. XXXI, ср. 3 pl. XXV. Подробнее в статье М. И. Ростовцева, South Russia and China в журнале L'Art Russe, Vol. I. Paris. 1922. Мне недоступно.

[1]) Н. Н. Козьмин. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Изв. Восточно-Сиб. отд. И.Р.Г.О. XLV, Иркутск. 1906.

[2]) В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. Москва. 1893. Изд. Этногр. Отдела И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., стр. 10—11.

[3]) Там же, стр. 46.

то можно думать, что один из погребенных был мужчина, а другой женщина, его жена или наложница [1]).

Малые курганы. С 23 по 25 июня В. В. Радлов производил раскопки малых курганов на II Катандинском кладбище, которые лежали вокруг большого. Вскрыто им было девять могил.

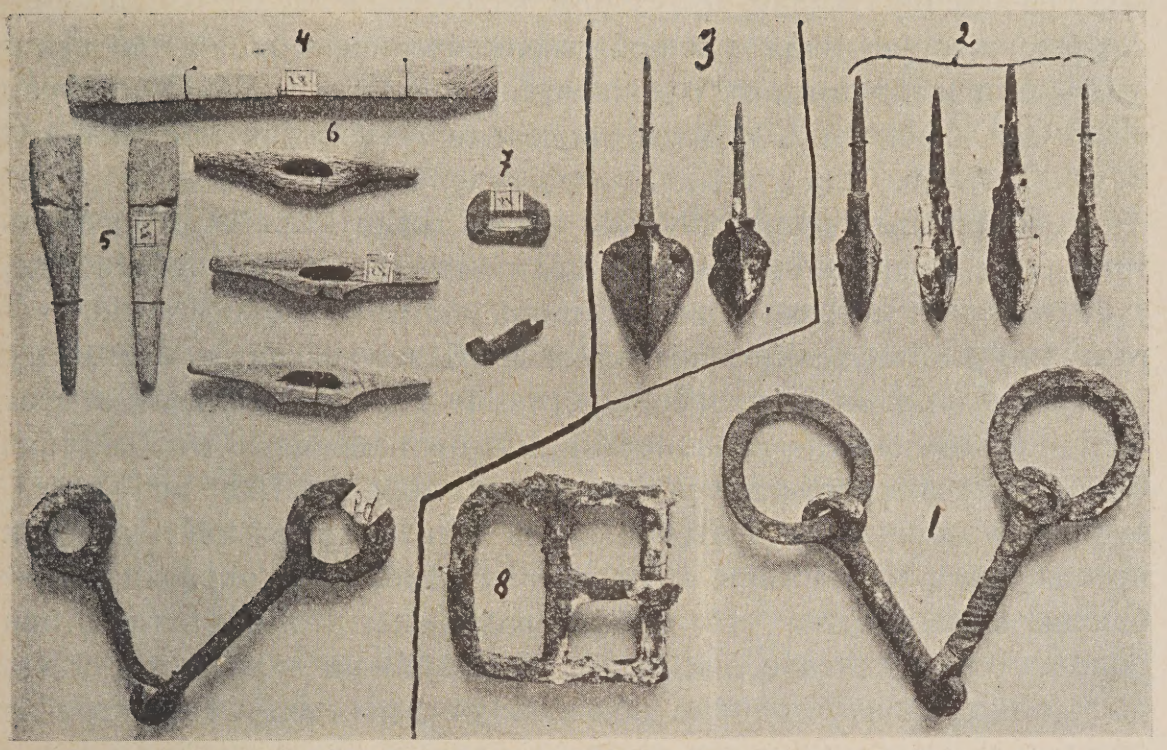
В одном маленьком кургане, вышиною в 1/2 арш. и диаметром 2 арш., на глубине 1/2 арш. ниже уровня почвы, был погребен целый баран.

Четыре кургана оказались совершенно нетронутыми, того же типа, что и курганы 1-го кладбища. Все погребения были мужские.

Первая могила находилась к востоку от большого кургана. На глубине двух аршин встретились кости лошади головою на восток. Возле лежали витые железные удила с кольцами (№ Р. 49 = = № Р. М. 3419; длина удил 0,17, диаметр колец 0,055. Табл. VI, рис. 1), два железных стремени и железная пряжка от подпруги (№ Р. 54 = № Р. М. 3421. Табл. VI, рис. 8). Углубясь еще на 1/2 арш., нашли человеческий скелет (длина 2 арш. 7 1/2 верш.): с левого его бока лежал прямой железный меч (№ Р. 50, в музее не имеется), 17 трехгранных железных наконечников стрел (№ Р. 55 = = № Р. М. 3423; налицо четыре наконечника, трехлопастные и со стержнем; лопасти не велики; дл. 0,085; 0,09; 0,075; 0,075 табл. VI, рис. 2) и несколько костяных стрел (в списке и в наличности не имеются); на груди несколько бараньих позвонков и куски одежды (№ Р. = 71е, 6 и 7 = № Р. М. 3440. Табл. VI). Они представляли

---

[1]) Когда я делал доклад о вещах из раскопок ак. Радлова в Научно-Исследовательском Институте Археологии и Искусствознания и в Ассоциации Востоковедения, проф. Б. А. Куфтин сделал мне следующие указания, за которые я приношу ему глубокую благодарность. Большую аналогию с „фраком" имеет не алтайский чэгэдэк, а костюм тунгузов-ламутов; полы его не сходятся, сзади имеется удлинение, и они носят нагрудник. Шаманский нагрудник генетически связан с обычным нагрудником тунгусов. Фигурки лошадок могли быть привешены и к обыкновенному нагруднику в виде амулетов, подобно тому, как сайоты—уренхайцы и теперь вырезывают фигурки зверей и носят их, как амулеты. Характерно полное отсутствие в кургане головных уборов; такое же отсутствие их мы наблюдаем у енисейских остяков, являющихся остатками древнейшего слоя населения народов Кето, родственных, по исследованиям О. Доннера, современным тибетцам; второй слой населения в этих местах самоедский, исследованный Кастреном, выдвинувшим теорию урало-алтайских языков, которую в его формулировке ныне уже никто не поддерживает, а третий слой—тюркский. Владельцами курганов в этих местах могут быть народы, описанные китайскими авторами: То-Хо-Ло (тохары), Юэ-Чжи-Кушаны-Эфталиты и др. Пустые курганы могли быть не местами культа, а кенотафами, сооруженными на местах омовения покойников, как мы видим это у некоторых современных племен. В разрез со всеми данными предметов большого кургана, указывающими на арктическую культуру, идет лишь кусок верблюжьей ткани, по поводу которого я могу прибавить, однако, что нельзя утверждать, что он происходит именно из этого кургана.


4
6
7
5
3
2
1
8

лоскут размером: длина 0,41, ширина 0,20; размер рапоарт 0,37; под шелковой тканью с узором находилась шелковая же подкладка, которую Радлов в приложенной записке ошибочно называет „хлопчатобумажной“: „Seidenzeug mit Baumwollen Futter von einer Oberkleide“. Следующее ниже описание ткани принадлежит В. К. Клейну.

„Найденный при раскопках кусок ткани выработан из очень тонкого, хорошо проваренного шелка как в основе, так и в утке, с правильным саржевым переплетением нитей, дающим ткани диагонально-разграфленную поверхность. Цвет ткани в настоящее время представляется однотонным, темно-коричневым; однако этот цвет, несомненно, не первоначальный; он изменился от действия солей, кислот и прочих условий нахождения в земле при погребении. Саржевое переплетение нитей допускает расцветку ткани не более как в два тона, имея в виду отдельные окраски нитей основы и нитей утка. Но вполне возможно, что при отсутствии дополнительных утков, вводимых подкладными челноками, ткань была одноцветная, подобно обычным видам камки. Несмотря на отсутствие цельного куска ткани, с полным рапортом узора, последний удалось восстановить почти полностью. Вытканы четыре больших круга, положенные попарно один над другим. Каждый из кругов окаймлен двумя рядами мелких, часто положенных кружечков, из которых одни имеют форму горошины, а другие состоят из тройных концентрических колец. Внутри кругов помещено по большому штамбу, расчлененному по средине восьмилепестковой розеткой и украшенному вертикальным рядом мелких горошин и овалов. По обеим сторонам штамба симметрично отгибаются, как бы вырастают из него, по две ветки стилизованных листьев (аканта или пальмет), имеющих форму одинаковую с той, какая часто встречается в античной вазовой живописи. Остальное пространство каждого круга заполнено двумя фигурами летящих драконов с разинутой пастью, длинным изогнутым туловищем (сохранилось не полностью), когтистыми лапами и вьющимся хвостом. Фигуры драконов в рисунке трактованы по-китайски.

Ромбовидная площадь между четырьмя большими кругами занята маленьким кругом, с розеткой и горошинами, обрамленным как бы венком из развернутых пальмет аканта, стебли которых взаимно соединены [1]).

---

[1]) Подобную же розетку мы имеем на одной еще неизданной ткани из раскопок сэра Aurel Stein'a возле Турфана, относимой исследователем к VII—VIII вв.

Таким образом, в рассматриваемом узоре ясно замечаются элементы, свойственные орнаментике различных эпох и народностей. Круги с горошинами и штамб присущи персидскому орнаменту сасанидской эпохи. По отношению круга с горошинами можно указать аналогию в двух персидских тканях Кенсингтонского Музея и Ватикана, изданных Otto von Falke (Kunstgeschichte des Seidenweberei. Berlin. 1913. Bd I. Taf 20. Abb. 96 и 99), датируемых — первая около 600 г. по Р. Х., а вторая — VII—VIII вв. Сердцевидные фигуры (листа?) греческого орнамента встречаются на поздне-греческих тканях IV—VI вв. после Р. Х. (образцы их имеются в Королевском Берлинском Музее, изданы у Otto von Falke, op. cit. Bd I. Taf. I c., Abb. 32 и 33).

Еще ближе к нашей ткани ткань, изданная у Dräger'a, Kunstlerische Entwicklung der Weberei und Stickerei. Tafelband I. Wien. 1904. Tafel 42. Chinesische Seidenstoff (wahrscheinlich vom Anfange des VII Jahrhundert nach Chr.) aus dem Horiaschi Tempel zu Nara (Japon). Nach dem Jahrbuche der königlich-preussischen Kunstsamumlungen 1903. Здесь мы имеем такой же круг из горошин со штамбом, хотя иной формы, особенно же схожи розетки, находящиеся между большими кругами[1]).

Уже наличность тождественных греческих и персидских элементов орнамента дает некоторую возможность отнести нашу ткань ко времени ок. VII—VIII вв., полагая вместе с тем, что местом изготовления ее был скорее Китай, чем Персия. За китайское происхождение ткани говорит прежде всего ее техника, именно саржевое переплетение нитей, особенно присущее всем шелковым гладким тканям Китая, и сохранившееся там более полутора тысяч лет[2]). По типу рассматриваемая ткань должна быть отнесена к числу тех, которые впоследствии широко вывозились в до-петровскую Русь и носили название „камки-китайки". Несмотря на наличие значительных элементов персидского орнамента сассанидской эпохи, едва ли наша ткань может быть отнесена к сассанидским, так как все персидские ткани имеют неизменную

по Р. Х. За сообщение рисунка этой ткани я приношу глубокую благодарность как sir Aurel Stein'y, так и проф. Ellis H. Minus'y.

[1]) Рисунок (табл. VI) дает реставрацию ткани, сделанную из отдельных кусков ткани, но части животов грифонов не сохранилось, почему они и не восстановлены. Рисунок выполнен Л. А. Евтюховой. Сделать фотографический снимок прямо с тканями не удалось вследствие ее однообразного цвета.

[2]) К описанию этой ткани в моей статье Antiquities of Katanda (Altai) в Journal of K. Anthrop. Institute, Vol. LV. 1925, стр. 53, Dr. Wace, хранитель отдела тканей Южн. Кенсингтонского музея, указывает, что такая ткань, близкая к византийским, была ввезена в Китай при династии Т'анг, 618—914 гг. по Р. Х.

геометричность фигур, обусловливаемую некоторой грубостью техники ткани и получаемую от непоследовательного разделения нитей основы в станке при раскрытии зева. Эта особенность узора персидских тканей устойчиво сохраняется в них даже в конце XVII в. Между тем в рассматриваемой ткани замечается высокая техника и округлость в линиях узора при полном отсутствии угловатостей, делающих фигуры геометрическими. Наконец, в персидских тканях узор всегда проще и ритмичнее, в то время как ткани китайского происхождения с более сложной композицией узора.

Изложенные наблюдения побуждают нас относить куски рассматриваемой ткани к VII — VIII вв. и полагать, что она изготовлена, если не в самом Китае, то в областях, несомненно к нему близких.

Китайские материи вообще могут быть легко находимы вне пределов Китая, потому что они в большом количестве посылались в виде подарков или подати северным народам[1]).

В головах скелета стоял маленький серебряный кубок с кольцеобразной серебряной ручкой, припаянной с помощью четвероугольной с вырезанной серединой пластины № Р. 48=№ Р. М. 3418; высота 0.075; диаметр горла 0.06; окружность середины 0.27. На дне его находится надпись орхонскими письменами, изданная П. И. Мелиоранским, который читает два слова „Логучен“ и „idi“ = „хозяин, владелец“. При другой вокализации надпись, по его мнению, можно прочитать älir чän = „пятьдесят ченгов“. „Ченг“ есть китайская мера для чая (около полутора фунтов). Не обозначает ли здесь „пятьдесят ченгов“, т.-е. семьдесят пять с половиной фунтов чая, цены нашей серебряной крынки“ [2]). По характеру письма надпись относится к древнейшим образцам орхонской письменности, т.-е. к VII в.

Все кости скелета лежали в порядке, только голова находилась отдельно по правую руку почти по середине туловища.

Во втором кургане, к северу от большого кургана, лошадиные кости лежали головой к западу без всяких вещей, а под ними на глубине $^1/_2$ арш. лежал скелет головой так же на запад.

---

[1]) См. Васильев. История и древности восточной части Центральной Азии с 10 по 13 век (Труды Восточного Отделения Р. А. О., 1857, т. IV, стр. 22).

[2]) П. Мелиоранский. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского Музея (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XV, в. I, СПБ. 1903, стр. 034—036; табл. II). Изображение см. Восточное серебро Я. И. Смирнова. СПБ. 1909, табл. XCII, рис. 169.

По правую его руку лежало огниво с красным камнем (нет ни в Списке, ни в Каталоге) и совершенно заржавевшие железные стрелы (также нет).

В третьем кургане скелет совершенно истлел; головой он лежал на запад и при нем найдены: обломки какого-то костяного инструмента, именно, костяная пластина со скошенными углами (№ Р. 56 = № Р. М. 3425, табл. VI, рис. 4, дл. 0.15; шир. 0.01; толщ. 0.007), может быть, обломок лука (?); три костяные „кончика от треножника“ (так в Списке; в Каталоге „три костяные бляхи с вырезкой (подставки?)“ № Р. 57 = № Р. М. 3426, табл. VI, рис. 6, дл. 0.075; 0.08; 0.085; шир. 0.015; вырезка дл. ок. 0.02; шир. 0.005). Хранитель Иркутского Музея П. П. Хороших думает видеть в них застежку от лошадиных пут; по сообщению же хранителя Русского Музея С. И. Руденко, им были при раскопках в Алтае летом 1924 г. подобные костяные вещи найдены возле головы лошадиного скелета, так что он считает их застежкой от уздечек. Две костяные с зарубкой дощечки (№ Р. 58 = № Р. М. 3427, табл. VI, рис. 5, дл. 0.09 и 0.085., шир. на одном конце 0.017, на другом 0.005). Все ли эти предметы были найдены вместе—из Рапорта и Списка не ясно. Далее в этом же кургане было найдено 7 железных трехгранных наконечников стрел (№ Р. 59; в Каталоге и в наличности нет); железный заступ (№ Р. 60, в Каталоге и в наличности нет) и костяная пряжка от пояса (№ Р. 61 = = № Р. М. 3428, табл. VI, рис. 7, дл. 0.03; шир. 0.175).

У скелета в четвертом кургане нашли только пять железных трехлопастных наконечников стрел с широкими лопастями и стержнем (№ Р. 62 = № Р. М. 3424; сохранились только две, дл. 0.11; 0.08, табл. VI рис. 3).

„Другие могилы были частью прежде ограблены, а частью оказались, как и на прежних кладбищах, местами какого-то религиозного обряда без могильных ям“ (Рапорт).

Кроме перечисленных предметов, в Списке значатся не упоминаемые в Рапорте: железное стремя (№ Р. 53)—не ясно, из какой могилы; повидимому, из одного малого кургана II Катандинского кладбища (в Музее не имеется) и железная лопата или, может быть, сошник (№ Р. 51 = № Р. М. 3442, табл. I, рис. 2, дл. со втулкой 0.225, без втулки 0.16, шир. ок. 0,145, один бок обломан) „из маленького кургана II Катандинского кладбища к востоку от большого кургана“, между тем в Рапорте в числе вещей из этого кургана такой предмет не указан.

Насколько мы можем сделать какой-либо вывод из обзора вещей, найденных ак. В. В. Радловым в Катанде, он будет таков:

большой курган II Катандинского кладбища—древнейший из всех; возможно, что его следует датировать около II в. по Р. Х., а первый малый курган II Катандинского кладбища отнести к VII—VIII вв. по Р. Х. Остальные следует поместить между этими датами или еще позднее [1]).

---

[1]) Обзор раскопок В. В. Радлова в 1865 г. в Берельской степи печатается в Известиях Российской Академии Истории Материальной Культуры, т. IV. Из предметов, изображенных на таблице 7 второго тома Aus Sibirien, к Катанде относятся лишь №№ 2, 3, 6 и 7, остальные в действительноста принадлежат к вещам, собранным на Алтае Фроловым в начале XIX в. и хранящимся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.—Среди вещей, из раскопок П. К. Козлова в Монголии, имеется деревянная фигурка оленя, по работе близкая к работе деревянных лошадок.

Болотное огубское городище.

(Предварительное сообщение).

Проф. *В. А. Городцов.*

В 1921 году мне было указано К. Я. Виноградовым урочище, называемое „городищем", расположенное среди поемных болотистых лугов, принадлежащих нескольким деревням Угодско-Заводской волости, Малоярославецкого уезда, Калужской губ., где К. Я. Виноградов, убирая луг, заметил золистую почву, содержащую кости животных и обломки древней посуды. При осмотре, произведенном мною в том же году, было выяснено, что в данном случае имеется дело с интереснейшим типом так называемых „болотных городищ". Произведенные тогда же небольшие пробные раскопки выяснили в достаточной мере, что городище относится к первым векам н. эры, и что культура его характеризуется керамикой с сетчатым узором, костями домашних животных, железными и костяными орудиями.

В 1923 году Огубское городище было подвергнуто мною большим раскопкам, в которых приняли участие представители г.г. Калуги и Малоярославца, студенты Археологического отделения 1-го Московского Государственного Университета, слушатели Рабфака того же Университета, слушатели Педагогического Техникума, преподаватели соседних сельских школ, воспитанники колонии 1-й Опытной Станции по народному образованию Наркомпроса, ученики школы 2-й ступени с. Угодского Завода, члены Драматического кружка того же села, члены Клуба крестьян-подростков и др. Главным сотрудником моим являлся К. Я. Виноградов. Наши работы вызвали глубокий интерес в местном населении, и когда выяснилось, что в нашем распоряжении имелось мало средств, то Сельскохозяйственное Товарищество, по инициативе его председателя И. А. Молоканова, ассигновало 10.000 р., составлявших по тому времени не менее 100 рублей золотом. Это явление само по себе заслуживает особенного внимания, так как

показывает, с каким исключительным интересом отнеслось сельское население к серьезным научным работам.

Исследование Огубского городища начато с изучения и съемки точного плана. Последняя работа была выполнена агрономом и его учениками 1-й Опытной Станции по Народному Образованию (рис. 1).

Городище расположено на берегу старицы р. Протвы, притока Оки, получившей название р. Огуби и Огубянки. Река Огубь в настоящее время совершенно изолировалась от р. Протвы, с которою она соединяется только во время весенних разливов, когда вся долина между Протвой и Огубью заливается водою, оставляя незалитою только островную площадь. В это время городище представляет остров, окруженный со всех сторон широкою водою. Островом, окруженным более узкою водою, оно остается и в течение всего теплого времени года, что объясняется, с одной стороны, чисто природными, а с другой, искусственными, созданными человеком условиями. Река Огубь имеет чрезвычайно прихотливое извилистое течение, образуя настолько крутые повороты и сжатые петли, что концы их иногда сходятся на расстоянии аршин 20—30 друг от друга. В такой узкой петле или дуге и нашло себе место Огубское городище. Древний человек облюбовал это место сначала для своих стоянок, а потом перенес на него и свои постоянные жилища, придав им вид городища, т.-е. укрепления, защищенного со всех сторон водяным кольцом, для чего ему пришлось соединить концы дугообразного изгиба реки искусственным рвом, наполненным водою. В результате получился остров, имевший в длину около 180 и в ширину 60 арш. Его форма напоминает вытянутый, с западной стороны несколько сжатый эллипсис с длинною осью, направленной с севера на юг. Охватывающие городище воды бывшей реки имели в ширину более 50 арш., а воды канала около 15 арш. Длина канала точно не определяется, но, повидимому, она была не менее 45 арш. Канал идет не по прямой, а по выгнутой, охватывающей остров линии (см. план).

В настоящее время русла окружающих городище реки и канала почти на всем протяжении содержат воду. В 1921 году, в очень жаркое и сухое лето, воды было меньше, чем в 1923 дождливом году. Во время современных весенних разливов реки Протвы островок городища водою не заливается. Между тем уровень весенних разливов в наше время оказывается значительно выше, чем он был во время сооружения и обитания городища; разница достигает приблизительно аршин двух.

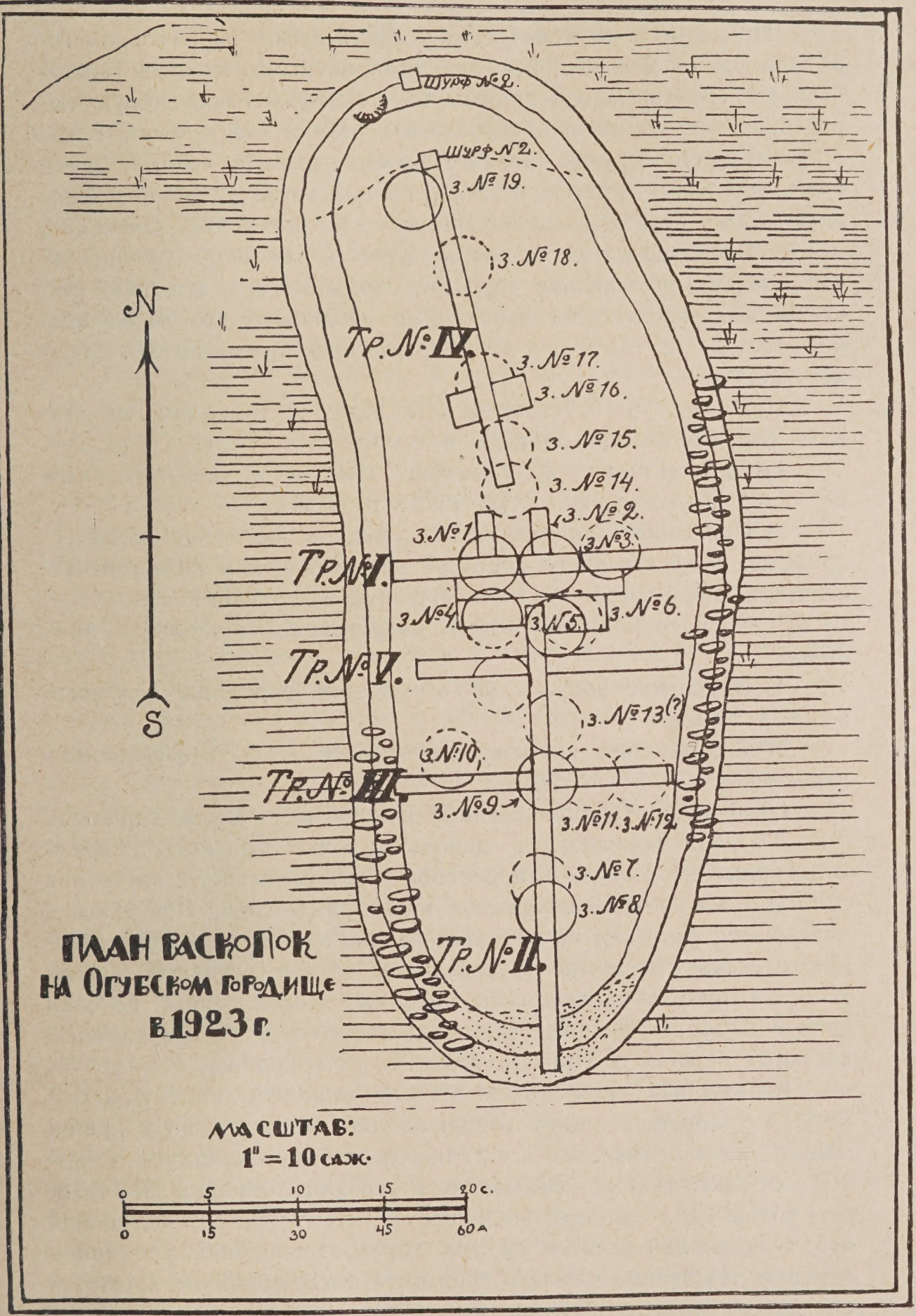

Шурф №2.
Шурф №2.
З. №19.
З. №18.
N
Тр. №IV.
З. №17.
З. №16.
З. №15.
З. №14.
З. №2.
З. №1
З. №3.
Тр. №I.
З. №4.
З. №5
З. №6.
Тр. №V.
З. №13 (?)
З. №10.
Тр. №III.
З. №9.
З. №11. З. №12.
З. №7.
З. №8
Тр. №II.
S
ПЛАН РАСКОПОК
НА ОГУБСКОМ ГОРОДИЩЕ
В 1923 г.
МАСШТАБ:
1" = 10 САЖ.
0 5 10 15 20 с.
0 15 30 45 60 а

Рис. 1.

Что касается гигиенических условий жизни на Огубском городище, то их нельзя признать благоприятными: избыток влаги, близость грунтовых вод должны были вызывать постоянную сырость внутри жилищ и обусловливать разные заболевания. В настоящее время трудно понять, почему древний человек занял столь неудобное место для своих жилищ, когда рядом возвышались сухие берега, весьма удобные для поселений. Очевидно, очень высоко ценилось то неприступное ограждение жилищ, какое давали окружающие городище воды; а если это было так, что весьма вероятно, то необходимо заключить, что жизнь времени основания городища была тревожною, требующею особенной защиты.

Приступая в 1923 году к исследованию городища, мы ставили себе следующие вопросы и задачи:

1) Действительно ли городище замыкается искусственным водным рвом, связавшим дугу русла р. Огуби?

2) Посещалась ли человеком площадь городища ранее сооружения искусственного водяного рва, и в каком виде запечатлелись в почве следы этих более ранних посещений?

3) Определение вида жилых сооружений на площади городища.

4) Выяснение вопроса об ограждении городища земляным валом и тыном.

5) Определение времени, народности и быта насельников городища.

Пять траншей, проведенных вдоль и поперек городища (рис. 1), дали возможность довольно точно выяснить профиль культурных наслоений и поверхности аллювиального наслоения р. Огуби, на которой отложился культурный слой. Поверхность аллювия состоит или из иловатой глины, или из грубого желтоватого песка с тонкими прослоечками черной глинистой почвы. В песке иногда наблюдались обломки створок речных раковин Unio и Anadonta, которые часто наблюдаются и на современных песчаных берегах р. Протвы, недалеко от городища.

Культурный слой имеет темный золистый или углистый цвет. По средней линии городища он достигает двух аршин мощности. Максимальная его толща равна двум аршинам с четвертью. Такая толщина наблюдается в средине городища. К окраинам толща слоя заметно уменьшается. По характеру наслоений культурный слой делится на три горизонта: нижний, средний и верхний. Наслоение нижнего горизонта имеет покойный характер, иногда оно приобретает как бы листоватую структуру. Однако,

нельзя было заметить, чтобы на образование такой структуры влияли весенние разливы воды, хотя уровень изучаемого наслоения лежит аршина на два ниже уровня современных весенних разливов р. Протвы. Листоватая структура культурного наслоения мною наблюдалась в зольниках Бельского городища, Полтавской губернии, лежавших вне влияния каких-либо речных вод; очевидно, такое явление обусловливается другими причинами, например, покойным ритмическим отложением культурных отбросов только в теплое время года, тогда как в зимнее время такие отбросы не накапливались, а под давлением снега уплотнялись и превращались в тонкие прослоечки.

Что касается бо́льшего повышения уровня вод современных весенних разливов, то оно вызывается общими причинами для всей окской системы рек. Мною это явление впервые было замечено в с. Дубровичах, Рязанской губ. и уезда, во время исследования плотинных жилищ—Черепки, а также в селе Панфилове, Муромского у., Владимирской губернии, при обследовании дюнной стоянки III тысячелетия до н. эры. Первоначально мне казалось возможным объяснить эти явления уничтожением лесов, благодаря чему в настоящее время совершается более дружное таяние снегов и в связи с этим более сильный подъем уровня разливов, но теперь я склоняюсь к мысли, что подъем уровня вод весенних разливов бассейна р. Оки зависит, как в реке Ниле, от выполнения долины аллювиальными осадками. Если же это так, то археология может обогатиться в средней России натуральным масштабом времени, каким владеет современный Египет.

Нижний горизонт культурного наслоения имеет около 6 вершков толщины, он покрывает всю поверхность городища и залегает под земляным валом в северном его конце. В нем наблюдаются остатки костров, кухонные отбросы в виде отбросов домашних и диких животных, обломков глиняной посуды и, очевидно, случайно затерянных предметов домашнего быта в виде костяных и металлических изделий.

Средний горизонт наслоения достигает наибольшей мощности и состоит из чрезвычайно перепутанных и перерытых отложений. В нем оказались вырытыми более или менее глубокие землянки, из которых поздние перерезали более древние; иногда же более поздние землянки как бы вкладывались в более древние, как вкладываются одно блюдо в другое. Все количество бывших в городище землянок едва ли может быть определено, так как для этого требуются особенно благоприятные условия. Руково-

дящими признаками для определения местонахождения землянок в наших работах служили светло-желтые прослои песка, отложившиеся по краям ям землянок, но, когда песчаные прослои отсутствуют, определение мест землянок становится невозможным.

Средний горизонт культурного наслоения особенно богат разного рода предметами домашнего быта, промыслов и кухонными отбросами, при чем нельзя не отметить тот факт, что, чем выше наслоение, тем оно богаче культурными отбросами, а это ясно свидетельствует о возрастающем благосостоянии населения, которое покинуло городище, достигнув наибольшего процветания и, повидимому, совершенно покойно, так как не видно ни следов пожара, ни каких-либо признаков катастрофы.

Верхний горизонт наслоения имеет в толщину около 4 вершков, характер его сравнительно покойный. Его образование совершилось уже после того, как человек оставил городище, при чем корни растений переработали и придали своеобразный, однородный характер слою. Он так же, как и средний горизонт, содержит разные бытовые остатки.

Содержимое всех трех горизонтов относится, несомненно, к одной и той же культуре, но отложение нижнего горизонта совершилось в то время, когда еще не было городища и когда место, повидимому, служило стойбищем для летних загонов домашнего скота. В это время человек и облюбовал это место и перенес на него свои постоянные жилища, оградив их кругом водою, для чего ему пришлось вырыть канал, соединивший концы изгиба реки. Земля, вынутая из канала, была положена на северном конце городища, образовав нечто в роде земляного короткого вала, который, однако, для защиты острова не имел какого-либо особенного значения: он явился не для защиты, а в силу необходимости уборки вынутой из рва земли, почему ему и не придали какой-нибудь определенной формы. Укрепления городища тыном или деревянным забором нами не выяснились, но они кажутся необходимыми, потому что в зимнее время окружающие городище воды замерзали и поэтому не могли служить защитой против врагов и диких зверей. Отсюда необходимо сделать вывод, что ограждение городища существовало. Возможно даже, что вдоль ограждения существовали навесы и хлева, построенные для скота, от которых, однако, не сохранилось никаких остатков.

На всей площади городища нами найдены остатки жилищ; но остается совсем неизвестным, существовали ли жилища во время образования наслоения нижнего горизонта. Возможно, что их в то время совсем не было: люди, проводя здесь только

летнее время, могли ютиться около костров, остатки которых много раз наблюдались в наших траншеях, но возможно также, что жилища существовали и имели вид легких шалашей, под крышей которых можно было укрыться от непогоды.

Жилища времени отложения среднего горизонта, в течение которого существовало городище с постоянным пребыванием человека, имели вид то круглых, то четырехугольных землянок, при чем круглые землянки являлись обычными, тогда как четырехугольные землянки составляли редкое исключение. На двадцать открытых нами землянок только одна оказалась четырехугольною. Круглые землянки имели вид чаш, углубленных в почву на $1^1/_2$, на 2, а иногда и более аршин. Диаметр их по верху варьирует около 9 арш. В средине каждой землянки находился очаг, об-

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

ставленный камнями. Иногда дно очага немного углублялось. Других деталей внутренней обстановки не сохранилось. Судя же по профилям ям землянок, имевших крутые бока, можно полагать, что в каждой землянке существовали нары для спанья и склада вещей (рис. 2 и 4).

Крыши круглых землянок могли иметь только конические формы и сооружаться из жердей, соломы или камыша (рис. 3), остатки которых были находимы внутри землянок. Для выхода дыма, вероятнее всего, оставлялись отверстия вверху, как это делается и теперь еще в чумах и юртах сибирских инородцев. Вход мог иметь форму обычной двери. Остатки строительного материала нами были найдены в нескольких землянках; они имели вид остатков досок, кусков дерева и тлена соломы или камыша. В землянках вместе с людьми находились собаки, экскременты которых были найдены при раскопках несколько раз.

Круглые землянки в средней России имеют длинную историю; древнейшие из них найдены в неолитических стоянках и плотин-

ных жилищах—Черепки. В Волосовской неолитической стоянке исследованная нами в 1910 г. землянка имела по своим размерам и профили большое сходство с огубскими. Землянки плотинного жилища Черепки, благодаря рыхлости почвы, состоящей из песка, имели пол и боковые стенки, обложенные небольшими кусками известняка. Более грандиозные землянки нами открыты в 1924 году в Панфиловской стоянке, недалеко от г. Мурома, где вход был сделан в виде длинного крытого коридора. Время их можно относить ко второй половине III тысячелетия. Наконец, в том же 1924 году нами же обследованы землянки в Галичской стоянке, близ села Туровского, относящиеся к I тысячелетию до нашей эры. Эти землянки отличались наименьшими размерами. В Волосовской и Панфиловской стоянках очаги помещались в средине пола без специальной их отделки: это были простые костры, разводимые среди пола. В землянках плотинного сооружения Черепки очаг углублялся и снабжался камнями. Тоже и в Галичской стоянке, где очаги складывались из многих камней, образуя некоторое возвышение над уровнем пола.

Любопытно заметить, что в землянках Волосовской и Панфиловской стоянок так же, как в землянках Огубского городища найдены следы пребывания в них собак: в одной Волосовской землянке найдены челюсти и отдельные кости, а в Панфиловских землянках—экскременты собак.

Вскрытая в Огубском городище четырехугольная землянка оказалась небольших размеров ($9 \times 4 \times 1^1/_2$ аршина). Эта землянка, судя по найденным в ней вещам, была жилою, при чем и в ней вместе с человеком ютилась собака, экскременты которой оказались найденными. Крышу этой землянки можно проектировать односкатною, состоящею из бревен, засыпанных сверху землею, как это наблюдалось при исследовании четырехугольных землянок Городецкого городища Спасского уезда, Рязанской губернии, где одна обгоревшая и упавшая внутрь землянки крыша найдена хорошо сохранившеюся и состоящею из колотых бревен, сверху засыпанных слоем земли.

Планировка жилищ на площади городища не выяснена, так как трудно допустить, чтобы все вскрытые нами землянки существовали одновременно, напротив: нами найдены положительные признаки, указывающие на засыпки и спланирование старых ям землянок более поздними обитателями городища. Представляется наиболее вероятным, что землянки не планировались в каком либо определенном порядке, а возникали более или менее в случайном порядке. О количестве их в каждый отдельный момент

жизни городища также трудно составить правильное представление. Если допустить, что городище занималось сплошь землянками, то число последних могло достигнуть 50, но такой допуск невозможен, так как при этом условии негде было бы помещать скот; поэтому число 50 следует уменьшить по крайней мере в два раза, что дает наиболее вероятное число в 25. Полагая на каждую землянку человек по 6-ти обитателей, получаем число населения городища для отдельного момента в 150 человек.

Возникает вопрос о народности обитателей городища. Этот вопрос в наших работах решения не получил, так как не встретилось не только ни одного человеческого костяка, но и отдельной человеческой кости. С наибольшею вероятностью обитателей городища можно было бы относить к финнам, так как в пользу этого говорят некоторые маталлические вещицы, по форме вполне схожие с типичными финскими. Однако, в изучаемой культуре встречаются и такие вещи, каких в хорошо выясненной финской культуре пока совсем неизвестно. Несомненно, обитатели Огубского городища принадлежали к народности, имевшей весьма широкое распространение в Средней России, при чем эта народность делилась на две ветви: северную, создавшую характерную культуру Дьякова типа, и южную — создавшую культуру Городецкого типа. Обе культуры очень близки друг к другу, почему следует заключить, что и носители их принадлежали к одной народности, но к двум разным ее племенам. Население Огубского городища принадлежало к северной ветви.

Население Огубского городища занималось добывающею и обрабатывающею промышленностями. Добывающая промышленность состояла из земледелия, скотоводства, охоты и рыболовства. Земледелие, повидимому, играло значительную роль. Памятниками его служат: 1) железные серпы и 2) каменные жернова. Серпов найдено три; они относятся к двум типам: 1) тип серпа в виде сильно изогнутого большого ножа и 2) тип серпа, похожий на современный, но меньше размерами и без зазубренного лезвия. Оба типа сравнительно небольшого размера и весьма архаичной формы, но первый тип представляется более архаичным, чем второй. Этот тип известен в Минусинской области, где он имеет такой же небольшой и узкий клинок, но для скрепления его с ручкой служит то, как в огубском серпе, простой черенок, то особая трубка. Ближе к огубскому ножевидному типу серпа стоят литовские серпы, известные там в III веке, но бытовавшие и позже. Второй тип огубского серпа имеет также ближайшее сходство с литовскими. похожими на современные. Такие серпы в Литве

известны в III веке. Возникновение их относится ко времени еще более отдаленному: они известны в латенской культуре V и IV веков до нашей эры. Возникнув так рано, тип, видоизменяясь, дожил до нашего времени.

Каменных жерновов найдено три, из них целым оказался только один верхний жерновок. Он имеет характерную форму французской булки: рабочая плоскость его сильно сглажена, верхняя и боковые стороны искусственно необработаны, размеры довольно крупные. Два других жернова представляют обломки нижних жерновов, о форме и размерах их трудно составить сколько-нибудь точное понятие. В общем следует полагать, что огубские мельницы были весьма примитивными. Такие мельницы появились за много веков до нашей эры и существуют теперь у инородцев Приалтайского края Сибири, а также и у негров внутренней Африки. Работа производится на них ручным способом. Зерно, слегка смоченное, насыпается на поверхность нижнего жернова, обычно имеющего вид плиты и растирается движением верхнего жернова. Размол зерна обычно падал и падает на долю женщин. Это засвидетельствовано древними египетскими изображениями и столь же древними изображениями, найденными в Трипольской культуре Южной России. Совершенно также обстоит дело и у современных черневых татар северного Алтая, у которых размол на первобытных жерновах, близких по типу к огубским, ведут одни женщины, которые каждое утро расстилают чистое полотно, кладут на него нижний жернов, насыпают смоченное зерно и растирают его в муку, спадающую вниз на полотно. С большою вероятностью можно полагать, что то же самое проделывалось в свое время и огубскими женщинами.

Скотоводство также играло большую роль в хозяйстве огубского населения. В составе домашних животных были лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки. Судя по количеству найденных и определенных костей, более всего разводилось крупного скота, именно коров и лошадей. В очень незначительном количестве водились овцы. Кости свиней встречались гораздо чаще, но в числе их, вероятнее всего, фигурируют и кости диких свиней (кабанов). Собак имелось много: их экскременты найдены в нескольких землянках, но из костей найдены только две половинки одной нижней челюсти. Последнее явление может указать, что собаки не убивались для пищи, а служили сторожами и помощниками на охотах.

Охота играла весьма большую роль. Она производилась по мясному и пушному зверям. Из мясных диких животных

особенно много избивалось лосей, но мало оленей и косуль. Лоси давали населению мяса не менее, чем коровы. Из пушных зверей являлись объектами охоты медведи и реже волки. Гораздо усерднее избивались мелкие пушные зверьки в роде бобров, лисиц, куниц, белок, реже—зайцев и барсуков. Больше всего избивалось бобров, но нередко попадали и белки; для убоя последних имелись специальные стрелы с тупыми наконечниками, оглушавшие маленьких животных, но не ранившие их и не портившие шкурок. Незначительное количество найденных костей этого зверка, может быть, обусловливается тем, что мелкие кости сгнили бесследно или были съедены собаками.

Меньшую роль играла охота на птиц, кости которых попадались не часто. Из костей определены кости гуся и утки, но, кроме них, найдены кости мелких птиц, в роде куликов.

Рыболовство также не играло главной роли. Остатки рыб найдены не во всех землянках. В состав остатков входили чешуйки, ребра, позвонки мелких рыб, но изредка попадались позвонки очень крупных речных рыб и шипы осетров, очевидно, водившихся в то время в р. Протве. Для ловли рыб служили невода или сети, от которых сохранились и найдены грузила, сделанные из глины и камня. Существовали также костяные гарпуны, но, повидимому, редко.

В сферу обрабатывающей промышленности входили: керамический и металлургический промыслы, древо- и костеобделочное мастерство, ткацкое и швейное дело.

Керамический промысел Огубского городища представляется довольно развитым и в лучших образцах достигавшим значительного совершенства. В состав керамики входили: кухонная посуда, разного рода предметы технического назначения, детские игрушки и предметы культа. Кухонная посуда особенно обильна. Имеются крупные и мелкие сосуды; в состав их входят горшки, тарелки, банки, вазы, крышки и воронки. Большинство сосудов имеет поверхности гладкими, без узоров, но на стенках некоторых сосудов наблюдаются отпечатки грубых тканей, указывающих на формование сосудов при помощи груботканных мешков. Орнамент допускается не часто и отличается примитивностью. Обычно орнамент встречается на обрезах горла сосудов, где он имеет вид простых рубчиков или насечек. Реже орнаментуются шейки и плечи сосудов; боковые же стенки и днища никогда не орнаментуются.

Орнамент состоит из геометрических фигур, наносимых зубчатыми, круглыми и др. чеканами, посредством которых нано-

сились прямые линии, треугольники и зигзаги. В общем орнамент характерен для Дьяковской культуры.

Из предметов технического назначения особенно многочисленны и интересны предметы литейного мастерства. Найдено много льячек, литейных форм и тигль. Льячки имели вид глиняных ложек и ковшей. Многие из них оказываются сильно шлакированными, а иногда проникнутыми медью. Маленькие льячки надевались, повидимому, на деревянные рукоятки, большие же льячки вырабатывались с глиняными рукоятками. Форм найдено много, но все они, за исключением одной, оказались сломанными. Целая формочка предназначалась для отливки небольшой привески с ушком. Сломанные формы предназначались для каких-то крупных предметов, которые нами, однако, не найдены. Глиняный тигль в виде обломков найден только один, он имел вид глиняного горшка, на дне которого оказались остатки расплавленной и застывшей в нем меди или бронзы, вздувшиеся пузырями. Очевидно, руда или медный лом сначала плавились в больших горшках, а затем ложковидными тиглями разливались по формам.

К предметам технического назначения следует отнести грузики Дьякова типа. Эти грузики имеют вид крупных пряслиц с насечками на краях нижнего, широкого основания. Назначение их загадочно. Высказано мнение, что они служили грузиками ткацких станков фарерского типа; однако, многие из грузиков так легки, что кажется маловероятным, чтобы они служили ткацкими грузиками, поэтому нами выдвигается новое мнение о назначении описываемых предметов служить пуговицами для застегивания плащей или вообще верхних одежд.

Очень загадочными представляются часто встречаемые глиняные кольца. Их тщательная отделка указывает на серьезное назначение, которое остается неопределенным.

Много найдено глиняных шариков. Одни из них более или менее округлой, другие двухскатной формы, в виде двух сложенных широкими основаниями конусов. Назначение шариков неизвестно, они похожи на пращевые камни. Подобные глиняные шарики в изобилии найдены в развалинах Херсонеса, где их определяют, именно, как пращевые шарики. Необходимо, однако, заметить, что на ряду с более или менее крупными найдены и очень мелкие шарики, которые, очевидно, не могли служить пращевыми. Их следует считать или детскими игрушками, или шариками для глиняных детских же погремушек, обломки которых в Огубском городище найдены. Возможно допустить, что и все вообще шарики служили детскими игрушками, так как, по зая-

явлению К. Я. Виноградова, в Угодскозаводской волости, в черте владений которой находится городище, до сих пор существует игра в глиняные шарики, которые покупаются у гончаров, продающих по селам глиняную посуду. Эти глиняные шарики дети ради забавы бросают. Подобные же шарики, как мне лично известно, продаются гончарами и в селах Ярославской губернии.

К культовым глиняным изделиям относятся два обломка глиняных идольчиков и шесть целых обломков таблеток, украшенных точками. Подобные предметы найдены в Дьяковом холмище и некоторых городищах Дьяковой культуры и всюду рассматривались как религиозные культовые предметы.

Что касается технических приемов выработки керамических изделий, то следует заметить, что глиняные более крупные сосуды вырабатывались из глины, смешанной с дресвой. В двух пунктах нами найдены большие запасы подготовленной дресвы, выжженной из гранитовидных валунов. Эти запасы указывали на существование в городище промысловых керамических мастерских. Лепка больших сосудов велась, как выше замечено, при помощи ткани, отпечатки которой иногда оставлялись не сглаженными в виде тканного или, так называемого, сетчатого узора. Этим приемом вырабатывались грубые сосуды, но на-ряду с грубыми существовали сосуды более тщательно отделанные и слепленные из более чистой глины без примеси грубой дресвы. Очевидно, огубские гончары имели на-ряду с примитивными и более совершенные технические приемы, которые для нас пока остаются неизвестными.

Металлургический промысел также представляется значительно развитым. Повидимому, вся масса железных и медных бытовых вещей, обслуживавших обитателей Огубского городища, вырабатывалась в местных мастерских. Нами найдено 16 малых и больших льячек, несколько обломков тиглей, обломки 6-и больших литейных форм и 1 половинка формочки для отливки привески. Железные шлаки в землянках встречались очень часто. Следует заметить, что ближайшие окрестности настолько богаты железною рудою, что здесь, при Петре I, был основан большой железоплавильный завод. В Огубском городище вырабатывались из железа: иглы, шила, ножи разных типов, серпы, струги, метчики, стрелы, копья, стилетовидные кинжалы, удила, пряжки, молотки и др. Не удалось найти топоров, долот, ножниц, пил и клещей, которые, по всей вероятности, были в употреблении. Из меди и бронзы также вырабатывалось много предметов. В число их входили: привески в виде простых, прорезных и пирамидальных ко-

локольчиков, пряжки, спиральки, бусы, цепочки, булавки, браслеты, кольца и др.

О ткацком деле свидетельствуют найденные пряслица и отпечатки на глиняных сосудах самих тканей. Любопытны памятники швейного мастерства, среди которых оказались налицо железные иглы и каменные гладилки, заменявшие утюги. Последние заслуживают особенного внимания, так как тип этих орудий устанавливается здесь впервые, хотя эти предметы не раз бывали находимы и в других местах, например, в Дьяковом холмище, в Москве (у Нескучного сада) и в Сетунском городище (под Москвою), но назначение их не было определено. Эти предметы имеют вид плиток, иногда правильной полукруглой формы, одна грань которых срезана в прямой плоскости и тщательно сглажена. До сих пор их считали обыкновенными точильными камнями, что оказалось неверным.

Костяное мастерство было весьма развито. Из кости вырабатывались разные типы шил, игл, булавок, стрел, кинжалов, рукояток и др. В обработку пускались рога лося и обыкновенная кость.

О столярном мастерстве лучше всего свидетельствует найденный железный струг, употреблявшийся, вероятнее всего, для выработки деревянных ложек, чашек и др.

Каменное дело находилось в упадочном состоянии и выражалось в выработке точильных брусков, гладилов (утюжков), мельничных жерновов и рыболовных грузил. Найдена одна кремневая ножевидная пластинка, но она, повидимому, попала случайно, будучи принесенною из другой местности.

Население Огубского городища находилось в торговых сношениях с населением отдаленнейших областей. Об этом красноречиво свидетельствуют предметы роскоши неместного производства. К таким предметам относятся стеклянные и пастовые бусы, бронзовые вещи, украшенные эмалями и др. Существуют признаки, что жители Огубского городища принимали участие в торговле сами лично, без посредников. К таким признакам относятся сходства огубских глиняных вазочек рюмочной формы и глиняных шариков с такими же вазочками и шариками греко-римских колоний побережья Черного моря. Очевидно, предметы эти были непосредственно заимствованы огубскими мастерами у более цивилизованных народов.

Возникает вопрос, что могли давать в уплату за привозные товары обитатели Огубского городища? Ответ может быть один: пушнину в виде шкурок бобров, лисиц, куниц, белок и др.

Изучение некоторых видов бус, в особенности круглых стеклянных золоченых, красных из эмали (пасты) и белых цилиндрических, приводит к заключению, что все они привозились из черноморских греческих городов, вероятнее всего, из Ольвии и Танаиса, где совершенно такие же бусы являлись довольно обычными и относились ко времени около I — III века нашей эры. С юга России могли привозиться и эмалевые бронзовые вещицы, на которых мы позволим несколько более остановиться. Нами найден один обломок бронзовой треугольной, прорезной фибулы, совершенно схожий с фибулами Мощинского городища Калужской губернии и Пастерского городища Киевской губернии. Относительно мощинских вещей высказано мнение нескольких авторитетных археологов. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков относят их к варварской эпохе I — V века; Барон де-Бай отметил близость их к шведским, которые, однако, украшаются только красною, тогда как мощинские, равно как огубские и пастерские вещи, украшаются красною и голубою эмалями; Аспелин отнес вещи к готским V века.

Пастерские вещи остались менее освещенными, но они всеми исследователями относятся к готским; а так как готы выбыли с берегов Днепра Киевского района в конце IV века, то эти предметы относить к более позднему времени невозможно. Барон де-Бай в одной из последних своих работ заметил, что треугольные прорезные фибулы с эмалями не были принесены готами ни в среднюю, ни в западную Европу, а поэтому он склонен даже совсем не признавать их за готские. Нам представляется это иначе: прорезные подтреугольные эмалевые фибулы вероятнее всего готские, но существовали ранее IV века и поэтому не могли быть занесены на запад во время „великого переселения народов".

Одинаковыми с мощинскими в Огубском городище оказались: бронзовые браслеты и фибулы с круглой кнопкой внизу. Это связывает находки обоих городищ в одно целое и заставляет относить их к одному времени. Совершенно оригинальной представляется прорезная с красною эмалью четыреугольная пластинка, служившая, может быть, украшением пояса. Аналогий ей нам совсем неизвестно.

Покончив на этом с обзором объектов промышленной деятельности, переходим к оценке социальных явлений в жизни Огубских обитателей. Прежде всего выступают черты хорошей семейной жизни: об этом свидетельствуют заграничные наряды женщин и обилие детских игрушек. Очевидно, женщины и дети

пользаловись расположением и любовью со стороны мужчин. Большие размеры землянок, служивших жилищами, говорят за жизнь большими семьями, а такие солидные сооружения, как водяной ров, придавший Огубскому городищу форму острова, указывают на развитую общественность, связывающую всех жителей городища в одну дружную семью или общину. В основе связи могли лежать: 1) единство происхождения и 2) единство религиозных воззрений. В пользу единства происхождения говорит малочисленность общины и обычность родовой группировки в древней жизни вообще. В пользу же единства религиозных воззрений говорят одинаковые типы глиняных идольчиков и магических таблеток, наблюдающихся во всех исследованных коллективных памятниках Дьяковой культуры, несомненно указывающих на религиозное и родовое единство и всех носителей этой культуры. В Огубском городище найдена одна весьма замечательная в культовом отношении вещь: это — бронзовая, сломавшаяся на две части бляха, на которой изображены три человеческих фигуры. В средней фигуре можно узнать женщину, разрешающуюся от бремени, а в крайних — мужчин. Все фигуры имеют головы в виде концентрических кругов, обычно символизирующих небесные светила: солнце и луну. Также представлена и голова рождающегося плода. Руки женщины и мужчин подняты ладонями кверху. В культовой иконографии это — жесты молитвы или благоволения. Смысл изображений может быть расшифрован так: женщина представляет богиню — мать всего сущего; мужчины — богов, сопутствующих ей. Интересно, что глиняные идольчики, найденные в Дьяковом Холмище, также представляют стеатопигийных женщин, обычно на всей территории Европы изображающих великую мать богов и всего сущего. Изображенные на огубской бронзовой бляхе божества относятся к солнечному или вообще астральному циклу.

Политическая жизнь огубского населения не отличалась спокойствием: иначе не было бы нужды селиться в болотистой, вредной для здоровья местности и ограждать селение водяным рвом. Очевидно, враг был силен и недалек. Чтобы лучше осветить политическую жизнь, требуется более точное определение времени, племенного состава населения городища и отношения его населения к соседним племенам.

Для определения времени имеется целый ряд датирующих вещей, указывающих, что городище было обитаемо весьма продолжительно, что оно существовало в I — IV веках нашей эры и, может быть, несколько ранее и позднее. О существовании

городища около начала нашей эры свидетельствуют плоские железные жаловидные наконечники стрел, которые были очень распространенными в Дьяковой и Городецкой культурах и существовали на Кавказе. В Кавказском Мцхетском могильнике они датированы серебряными монетами, из которых две монеты императора Августа биты во втором году до нашей эры, и три парфянских монеты, приблизительно того же времени. Таким образом, огубские стрелы указывают на существование городища в I веке нашей эры. Это подтверждается и некоторыми типами бус, например, круглые стеклянные с позолотой бусы, часто находимые нами в Огубском городище, пользовались широким распространением в античных городах северного побережья Черного моря как раз около начала нашей эры. К I—II векам можно относить бусы синего и желтого цвета с крестообразными и волнистыми полосами другого цвета, так как совершенно схожие бусы найдены в развалинах г. Танаиса (у Недвиговки), где город существовал только в указанное время. К I—III векам относятся мелкие цилиндрические бусы из так называемой египетской голубоватой или беловатой смальты. Наконец, к III и IV векам можно относить круглые и четыреугольные плоские бусы из красной смальты или эмали; эти бусы вырабатывались в черноморских античных городах и в большом количестве проникали в среднюю Россию. Мы их видим в большом числе в кладе Мощинского городища, вероятно, III или начала IV века, и в древнейших финских могильниках, приблизительно того же времени. К III или началу IV века следует относить и бронзовые эмалированные вещи готского стиля.

Народность Огубского городища, как уже было сказано, не поддается точному определению, однако, с наибольшею вероятностью она может относиться к финнам, занимавшим в I—IV веках обширные области в средней России, и с гораздо меньшею вероятностью — к литовцам. Огубская культура, представляя частицу Дьяковой культуры, имеет более финских черт, чем литовских. К типичным финским вещам относятся: 1) бронзовые привески в виде гусиных или утиных лапок, найденных в Огубском городище в двух экземплярах, 2) глиняные маленькие сосудики, служившие, повидимому, детскими игрушками, найденные в 1923 г. в типичных финских погребениях [1]), 3) вся костяная индустрия, выказывающая большое сходство с такой же индустрией костеносных городищ северо-восточной России, приписы-

[1]) Сообщение Ф. Я. Селезнева из г. Мурома.

ваемых финскому населению и 4) полное сходство некоторых специальных форм костяных орудий с существующими до сих пор финскими орудиями, например, сходство в тупых наконечниках костяных стрел, употреблявшихся древними восточно-русскими финнами и употребляющихся для стрельбы по белкам в наше время сибирскими инородцами финского корня.

Сходства с литовскою культурою выражаются: 1) в одинаковых типах железных серпов, происходящих от латенских прототипов, и 2) в технике орнаментальной обработки некоторых металлических предметов, например, обработка бронзовой пластинки с изображением трех человеческих фигур (божеств) циркульными концентрическими кружками имеет полную аналогию только в литовской технике обработки подобных бронзовых пластинок. Этим пока исчерпываются черты сходства огубских памятников с литовскими. Их немного и поэтому относить народность к литовскому корню пока невозможно.

О финнах I—IV века нашей эры, обитавших в пределах Вост. Европы, имеются исторические сведения. Тацит упоминает о прибалтийских финнах, замечая, что они живут в убогих шалашах. Готский писатель Иордан, перечисляя народы готской империи Германриха, упоминает в числе их мордву и весь, обитавших в Средней и отчасти Северной России. Действительно, присутствие значительного количества в Дьяковой культуре вообще и в Огубском городище в частности готских вещей указывает на оживленные сношения с готами.

Что касается политической опасности, заставившей обитателей Огубского городища искать защиты за водяными рвами в нездоровой болотистой местности, то в чрезвычайно беспокойное время первых веков нашей эры смертельную опасность могли создать и сарматы, и германцы, двинувшиеся на Южную Россию против сарматов, и наконец, русские славяне, потерпевшие в начале II века сильное поражение от римлян в Дакии и двинувшиеся, повидимому, очень большой массой в направлении верховьев Днепра и озера Ильменя.

На этом мы закончим краткое описание богатого материала, добытого раскопками Огубского городища, который было бы очень полезно издать с более полными иллюстрациями, чтобы выразить наглядно тип культуры, получившей в наших раскопках самое многостороннее освещение. К сожалению, недостаток денежных средств не позволяет выполнить работу, имеющую очень важное значение в деле познания жизни очень древних обитателей Средней России, о быте которых не имеется никаких письменных известий.

Древнее стремя Государственного Исторического Музея.

Проф. *В. А. Городцов.*

Российский Исторический Музей в 1898 году приобрел покупкою чрезвычайно интересное стремя, записанное в „Инвентаре“ Музея под № 35270. К сожалению, происхождение стремени осталось совершенно невыясненным и оно хранилось среди сокровищ Музея никем не описанным и как бы забытым. Между тем этот предмет заслуживает особенного внимания.

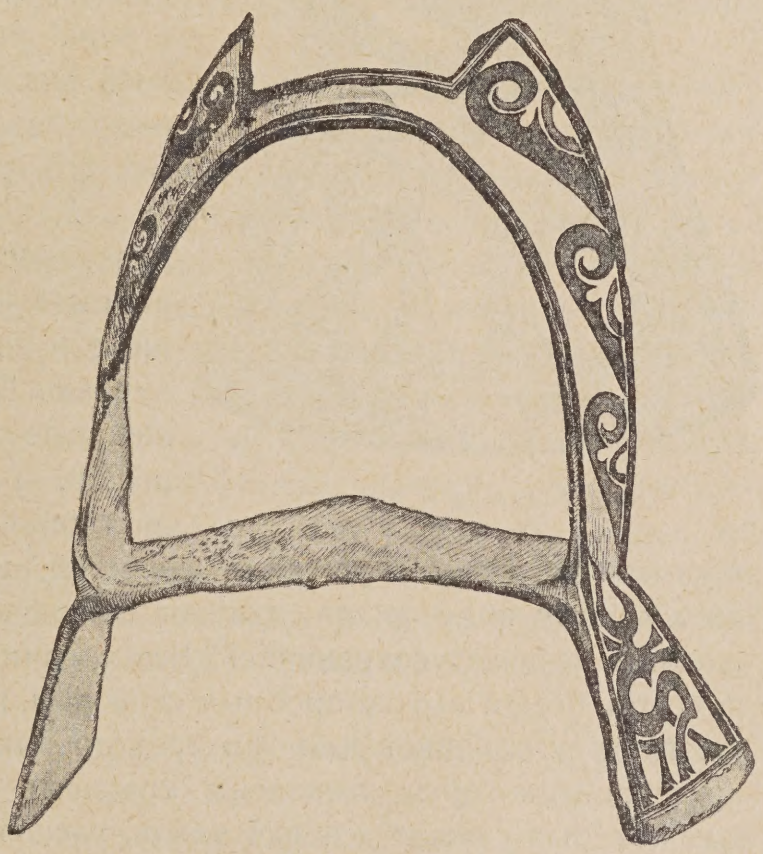


Рис. 1.

По своей форме описываемое стремя похоже на современное (рис. 1 и 2): оно состоит из двух железных широких, но не толстых пластин, согнутых в дугу и соединенных в одно целое наварным способом. Верхняя дуга стремени служит коромыслом, поддерживающим нижнюю дугу, составлявшую ступеньку для опоры ноги всадника. Верхняя дуга вырезана из пластины железа, слегка расширяющейся к вершине. Пластине дан скат к передней стороне, рассчитанный на то, чтобы лучше выявить красивую орнаментацию, покрывающую стремя снаружи. В вершине дуги имеется четыреугольная прорезь для пропускания через нее широкого ремня-путлища, но верхняя часть прорези выломана еще в древ-

ности и утеряна. Пластина достигает в длину 31 и в ширину 3—4 см. Прорезь путлища имеет в длину 5, а в ширину — около 1 см. Высота дуги равняется 10,5, ширина — 11 см. Пластина нижней дуги измеряется в длину 22 и в ширину 3 и 5,5 см. Вершина нижней дуги плосковатая, приспособленная к удобнейшей постановке на ней ноги. Средина ромбовидно расширена. Нисходящие ветви дуги также слегка расширены книзу, что придает им форму лопастей, длиною в 5,8, шириною вверху — в 3, а внизу — в 5,5 см. (рис. 2).

Рис. 2 (деталь к 1 рис).

Стремя ассиметрично: левая сторона его более прямая, чем правая; это указывает на то, что стремя специально предназначалось для правой ноги. В общем вид стремени довольно изящный. Вес его—легкий.

Для большей красоты вся поверхность стремени сплошь покрыта серебряною инкрустациею и зеленою перегородчатою эмалью. Вдоль краев проведены изящные, тонкие, серебряные дорожки, разделенные более широкими полями зеленой эмали; в самых же низах спущенных лопастей, между дорожек каймы, по зеленому полю эмали, пущены вьюнком мелкие травки, но они плохо и не везде сохранились. Вся средина поверхности стремени покрыта белым высокопробным серебром, расположенным в форме шести треугольников (по три треугольника с каждой стороны), из вершин которых выведены красивые ветки растения, фоном для которых служит зеленая эмаль, расположенная соответствующим числом треугольных полей. На обеих лопастях помещены крайне стилизованные изображения большерогих быков. Быки изображены силуэтно зеленою эмалью, а фоном им служит белое серебро. Переднее ребро стремени, насколько можно судить по сохранившимся участкам, было украшено чередующимися дорожками серебра и эмали.

Сочетание темно-зеленой эмали с белым серебром довольно красиво и отчетливо выражает фигуры растений, животных и геометрических плоскостей.

Изучая технику орнаментации, можно заметить, что поверхность стремени сначала была покрыта фигурно вырезанными полосами и линиями серебра, потом пустые места расчерчены острым резцом в мелкую косую клетку и заполнены эмалью. По окончании орнаментации, украшенная поверхность подвергнута тщательной полировке, выровнявшей поверхности серебра и эмали, придавшей им блеск и отчетливость очертаний фигур.

Орнаментация вещи выполнена трафаретно, по строго установленному шаблону, указывающему, что это дело было прекрасно налажено и поставлено широко. Судя по сочетанию красок (белого серебра и зеленой эмали), оно не было ни русским, ни византийским, но, повидимому, испытывало византийское или римское (итальянское) влияние, что особенно хорошо выразилось в мелком вьюнковом, растительном узоре, пущенном по нижним каймам лопастей.

В определении места производства стремени, повидимому, должны иметь решающее значение изображения на лопастях быков. Быки изображены по одному шаблону: их головы с разинутыми ртами повернуты совершенно неестественно назад; большие рога направлены вверх; уши поданы назад и трактованы в виде треугольников; туловища длинны; ноги неестественно выворочены; хвостов нет, что, очевидно, вызвано недостатком для изображения их места. Фигура животного и детали его так вычурно и сухо стилизованы, что невольно возбуждают мысль о широком распространении и особенном значении таких изображений в стране их производства, при чем возникает вопрос, не имеют ли эти изображения геральдического значения. Положительный ответ представляется весьма правдоподобным и доказывается присутствием изображений быков в старинных и современных гербах.

Быки, в особенности туры, у древних европейцев пользовались большим почетом. Арийцы, составлявшие с глубокой древности главный контигент населения Европы, возводили уважение к быку до обоготворения. Великие боги античных греков — Зевс и Посейдон — нередко представлялись ими в образе быков. Скандинавский бог Один считался сыном коровы Авдумблы. У славян и германцев изобилуют мифы о быках и коровах, образами которых олицетворяются тучи, грозы, ночи и зори.

Среди легенд, связанных с особенным уважением к быку, интересна молдавская легенда, занесенная на страницы русской летописи.

„И в нихъ бѣ человѣкъ, гласит летопись, разуменъ и мужественъ, именемъ Драгожь, и поиде себѣ со дружиною на

ловъ звѣринъ, и найдоша подъ горами высокими слѣдъ туровъ, и поидоша слѣдомъ за туромъ чрезъ горы высокіе, и преидоша высокіа планины, сіи рече горы, и пріидоша за туромъ на мѣста долніе и краснѣйшіе, и наѣхаша тура у рѣкы на брегу подъ вербою, и его убиша, и насытишася отъ лова своего. И пріиде имъ отъ Бога во сердце мысль, да быхъ разсмотрили себѣ на жительство мѣсто, и вселися ту, и съвокупишася единомышлено, и восхотѣша всѣ пребыти ту, и возвратишася воспять, и повѣдаша своимъ всѣмъ о красотѣ земли, и о рѣкахъ и о криницахъ, дабы вселилися ту; и ихъ дружина мысли ихъ похвалиша, и восхотѣша поити тамо, гдѣ они быша; и мѣсто заглядаша, занеже бѣ мѣсто пусто и вокрай Татарьскихъ кочевищь, и биша челомъ Владиславу королю Угорьскому, дабы ихъ отпустилъ поити: Владиславъ же король отпусти ихъ съ великою милостью. И поидоша они отъ Марамуриша со всею дружиною, и съ женами и съ дѣтьми, черезъ горы высокіе, ово лѣсъ просѣкаа, ово каменіе пробирая, и преидоша горы Божіею помощью, и пріидоша на мѣсто, гдѣ Драгошь тура уби, и возлюбиша и вселишася ту, и выбра изъ своей дружины себѣ мужа разумна, именемъ Драгоша, и назваша его себѣ государемъ и воеводою. И оттолѣ начашася Божіимъ произволеніемъ Молдавская земля“ [1]).

Результатом изложенной легенды в Молдавии явился государственный герб в форме головы коронованного быка, сопровождаемого солнцем, луной и звездою. Последние ясно указывают на астральную природу самого быка, а вместе разъясняют и то, что записанная летописная традиция далеко отошла от первоначальной формы легенды, где бык, напитавший представителей племени, должен быть небесным существом.

Гербы, украшенные рогатыми головами быков и целыми быками, встречаются и в Зап. Европе, и в России, при чем связь их с древним почитанием быков, как питателей населения, едва ли может подлежать сомнению. В России гербы возникли поздно и носят часто подражательный характер, например, герб Бессарабской области, в виде головы быка на голубом фоне и среди светил небесных, был целиком заимствован от Молдавского герба. Оригинальные гербы, несущие весьма древние традиции, встречаются в Средней Европе. К числу таких гербов следует отнести государственный герб Саксонии, саксонских курфюрстов, Лаузица (Lausitz) и, вероятно, некоторых других. Саксонские гербы укра-

---

[1]) Полн. собрание рус. лет., т. VII, 1857 г., стр. 257 и 258. Летопись по Воскресенскому списку.

шены многими фигурами, среди которых, в левом углу, вверху помещается коронованная голова быка, а ниже, в одном из средних полей — изображение целого быка. В Лаузицком гербе представлен также целый бык, идущий вправо; бык ступает по зеленому полю, рисуясь на серебристом фоне щита. По цветовым признакам, Лаузицкий герб ближе всего подходит к изображению на стремени; по крайней мере, зеленый и серебристо-белый цвета у них одинаковы. Лаузиц находится в Саксонии, недалеко от Лейпцига. Таким образом, области преимущественного геральдического значения изображения быка определяются: они совпадают с Средней Европой, издревле населяемой славянами и германцами. Интересно отметить, что и в Молдавии герб тура связывается с именем вождя Драгоша, очевидно, славянина. Археологические находки предметов, украшенных совершенно схожими изображениями быков, какие мы видим на описываемом стремени, также совпадают с областями Средней Европы. Первая такая находка сделана в 1876 году в городище Шауэнбург (Schauenburg), в Верхней Австрии, при корчевании пней; а вторая находка — около Губена, провинции Бранденбург (рис. 3 и 4). В обоих случаях были найдены прекрасные декоративные топорики, украшенные совершенно одинаковыми геральдическими изображениями большерогих быков, помещенных на светлом фоне серебряной инкрустации (рис. 2, 3 и 4). Сходство изображений поразительное, точно все три предмета (стремя и оба топорика) вышли из одной мастерской.

К крайнему сожалению, описания шауэнбургского топорика я не мог найти: оно помещено в довольно редком в России венском издании [1]); но с изображением его можно познакомиться в статье А. А. Спицына — „Декоративные топорики“, откуда мы и заимствуем его (рис. 3). Судя по рисунку, это — небольшой железный топорик, имеющий в длину не более 9, а в ширину по лезвию — не более 8 см. Обух и обе щеки клинка украшены серебром так, как украшено им стремя. Большерогий бык изображен совершенно так, как он изображен и на стремени; несущественные отличия замечаются только в мелких деталях, а именно: у шауэнбургского быка имеется пышный хвост и нет ушей (рис. 3), а у быка стремени нет хвоста, но есть уши (рис. 2). Однако это — такие детали, которые в рисунках не сразу замечаются; между тем как общее сходство рисунков бросается с первого взгляда.

[1]) Abgebildet und besprochen durch von Sacken, Mitthelungen der K. K. Central-Commission etc., Heft I, Band V. Wien, 1879.

Губенский топор описан Л. Линденшмитом[1]) (рис. 4). „Это орудие, говорит он, отличающееся своим орнаментом, найдено на горе Остерберг, около Губена, в Бранденбургской провинции. Длина его от вершины крышки обуха до лезвия равна 14, длина (ширина) лезвия, без отломавшегося острого угла, равна 9, и ширина втулки (обуха) равна 2,3 см.“

„Топор железный, инкрустирован бронзою, серебром и медью. Обе боковые стороны (щеки) украшены на серебряном фоне изображением животного с неестественно большими, направленными вверх рогами, с разинутою пастью обращенной назад головы. Животное неестественно длинно; его изображение таково, что определить по нем вид животного нельзя (?). Рисунок напоминает нам подобное стилизованное пунктирное изображение кабана, выполненное на щите, изданном Кемблэ (Horae ferrales, plate XIV). Ухо животного, изображенного на одной стороне топора, представлено в виде треугольника, поставленного отдельно от головы, а у животного другой стороны прикреплено над серебряным глазом. Задние ноги одного изображения ясно различимы, а у другого не видны, потому что разрушен их серебряный фон. Рамка изображений, насколько можно судить по сохранившимся остаткам, была составлена из коротких линий, расположенных в елку (в виде рыбьих позвонков с отходящими от них ребрами) и заполненных медною инкрустациею. На обухе топора заметны следы черни. Условия, при которых найдено это замечательное орудие, не дают возможности определить возраст. Вещь лежала в почве одиночно, на глубине 2 метров. Форма и техника черни указывают на VII и VIII века по Р. Хр.“.

В заключение Л. Линденшмит отмечает сходство губенского топора с шауэнбургским и то, что губенский топор хранится в Римско-германском Музее при гимназии гор. Губена.

Замечание Л. Линденшмита, что по изображению представленного на топоре животного нельзя определить его вид, является не совсем понятным: по форме рогов легко и с первого взгляда узнается в животном бык; но, конечно, в таком изображении трудно узнать зоологический вид, т.-е. трудно узнать, изображен ли домашний бык (Bos domesticus), или бык дикий, и какой, именно: зубр (Bos priscus), или тур (Bos primigenius); но это и не столь важно.

Сравнивая изображения быков всех трех предметов, легко заметить, что все они отвечают одному прочно установленному

[1]) Dr. L. Lindenschmit. Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1881. Band IV, Tafel 41.

Рис. 3.

Рис. 4 (две стороны одного топора).

шаблону, допускавшему отклонения только в таких деталях, которые не бросаются резко в глаза и не ослабляют ясности выражения основной идеи, заключающейся в том, чтобы представить большерогого ревущего быка, повернувшего голову назад, как бы для призыва следовать за ним. Животные на всех сравниваемых предметах изображены более темным на белом фоне серебра, с очевидным намерением дать наибольшую ясность изображениям. Рога их одинаково преувеличенные, одинаково лировидны и одинаково подняты вверх. Шеи одинаково тонки, длинны и дугообразно повернуты назад. Пасти животных одинаково широко раскрыты. Глаза представлены серебряными кружками, иногда концентрическими. Подбородки у всех представлены в виде характерно опущенного вниз угла ромба. Уши трактуются разнообразно: у быков стремени они представлены оба, у быков губенского топора имеется по одному уху, трактованному различно, а у быка шауэнбургского топора уши совсем отсутствуют. Туловища у всех тонки и длинны; у шауэнбургского быка выражены серебряными полосками ребра. Ноги выполнены в одинаковой очень вычурной схеме. Хвосты у быков обоих топоров выражены в схожей схеме, а у быков стремени их совсем нет, потому что для изображения их, как выше замечено, не хватало места. Стиль орнаментации всех вещей совершенно одинаков. Следует полагать, что и обрядовое назначение всех вещей было схоже. Топорики, вероятнее всего, служили знаками власти и носились или самими властителями, или их ближайшими спутниками, в виде рындов. Стремя также могло предназначаться для парадных выездов высокой особы.

В древней Руси великие князья имели золотые и золоченые стремена: о них упоминается в „Слове о полку Игоревом“; но для других лиц такая роскошь, повидимому, не допускалась. Возможно, что и оправленное в серебро и финифть (эмаль) стремя Государств. Исторического Музея принадлежало какому-нибудь князю или герцогу.

Судя по тождеству геральдических изображений и общих приемов орнаментации, следует заключить, что все три предмета явились в одной стране и относятся к одному времени. Страною производства их служила Средняя Европа и, может быть, область современной Саксонии. Затруднительно сказать о народности, давшей эти предметы, но, вероятнее всего, она была или немецкою, или славянскою. Что же касается времени, то, как мы видели, Л. Линденшмит относит время к VII — VIII в. К сожалению, он, как нам кажется, недостаточно глубоко выяснил основание своего

определения, ограничившись только общим замечанием, что „форма и техника черни“ описанного им топорика соответствует формам и технике указанных им веков. Но что это за формы и техника, где существовали, где были найдены и где хранятся образцы такой черни, об этом нет упоминания, что не дает возможности проверить его заключение.

Среди русских древностей нет предметов, с которыми можно было бы сравнивать описанные вещи как в отношении формы, так и в отношении техники орнаментации. Наиболее подходящим по последнему признаку является декоративный топорик Государств. Исторического Музея, приписываемый некоторыми исследователями Андрею Боголюбскому, но этот топорик относится к XII и даже XIII векам [1]). Сходство усматривается в украшении железного предмета наварным серебром, наложенным широкими пластинами, образующими фон разного рода орнаментальных изображений. Однако, все другие признаки оказываются совершенно несхожими и указывающими на более позднее время топорика Андрея Боголюбского. В виду последнего приходится пока примкнуть к дате Л. Линденшмита, тем более, что она не противоречит имеющимся историческим справкам о появлении и развитии стремени в Европе.

Первое историческое упоминание о стременах имеется у византийского императора Маврикия в его сочинении о „Военном искусстве“, относящемся к концу VI века по Р. Хр. (Маврикий царствовал между 582 и 602 годами). В Копенгагенском Музее хранится железное стремя с серебряною инкрустациею, найденное в Дании и относимое к VIII веку [2]). По форме оно несколько похоже на наше стремя и до некоторой степени подтверждает дату Линденшмита. В IX веке стремена Средней Европы получают (может быть, не все) другую форму, совершенно непохожую на форму нашего стремени; таковы, например, стремена, найденные в кладе у Иммерштедта и хранящиеся в Дитмаршенском Музее Мельдорфа. Эти стремена сделаны из тонких железных колец, сжатых в форме равнобедренных треугольников, нижняя сторона которых служит упором для ноги, а противоположный ей острый угол скручен и обработан в петлю для продевания через нее ремня-путлища [3]).

---

[1]) В. И. Сизов. Древний железный топорик из коллекций Исторического Музея. Арх. Изв. Зам. 1897 г., № 5 и 6.

[2]) Dr. R. Forrer. Reallexikon, стр. 775, рис. 586.

[3]) Dr. L. Lindenschmit, B. IV, Tafel 23.

В более позднее время появляются другие типы стремян, на которых мы не будем останавливаться. Приведенные справки для нас важны в том отношении, что ими может оправдываться дата нашего стремени, извлеченная Л. Линденшмитом из техники украшения железных вещей серебром.

И так, подводя итог всему сказанному, можно притти к следующему выводу: инкрустированное серебром и покрытое зеленою эмалью стремя Государств. Исторического Музея происходит из Средней Европы; время его можно относить к VII — VIII векам по Р. Хр.; по своему назначению оно принадлежало к клейнодам какого-либо владетельного лица или рода, имевшего в гербе изображение повернувшего голову назад ревущего быка.

Симбирский древний топорик.

Проф. *В. А. Городцов.*

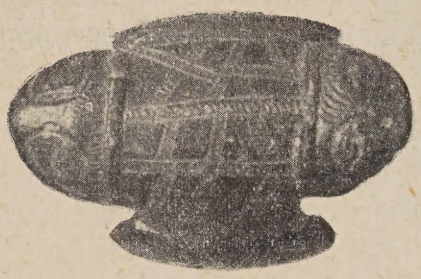
В 1921 году в Государственный Исторический Музей поступил из Симбирского Губернского Музея небольшой бронзовый с наварным железным лезвием топорик (рис. 1 — 3), найденный при неизвестных условиях в 1913 году в Симбирской губернии. Впервые топорик описан А. А. Спицыным [1]). „Топорик, замечает он в своем описании, обычной формы с язычками и плоским вытянутым обухом. В общем форма эта очень изящна как сбоку, так и сверху и с тылья, благодаря узкой талии, язычкам и вырезкам. В нынешнем виде, с изоржавевшим лезвием, он имеет всего 9 сант. длины, но и в первоначальном был едва ли много более. Ширина проуха не превосходит толщины пальца. Лезвие железное, вся же остальная часть вылита из золотистой меди и покрыта темно-зеленой патиной. Орнамент крупен и прост. На щеках кресты с процветшими кринами, в рамке, на боках проуха петли с подобными же кринами, на обухе две рельефные головки зверя (льва) и переплет из прямых ленточек в виде неправильной сетки. У крестов очень короткие перекрестья; у кринов один усик выпущен высоко, с легким изгибом, второй круто завернут; в углах почки, заполненные пунктиром. Усики кринов на проухе загнуты в красивую спираль; здесь вся площадка сплошь покрыта тщательно нанесенным пунктиром, так что получается впечатление отличного шагреня. Крест, все крины и рамки покрыты чернью, положенною в желобки и потому весьма прочною. Черневая рамка еще обведена пунктиром изнутри и лентой из поперечной насечки снаружи. Все контурные линии имеют по краям зубчики и нанесены особым инструментом, как бы зубчатым роликом; следов передвижки инструмента незаметно. По сторонам креста инициалы: ИС ХС NA, и крестики. Буквы насечены в обратном направлении, параллельно лезвию. Техника их

---

[1]) А. А. Спицын. Декоративные топорики.

совершенно та же, что у всех остальных линий. Верх топорика украшен изображением креста с кринами и отдельными буквами из обычной надписи на крестах".

Описание А. А. Спицына следует признать в общем удовлетворительным, но в мелких деталях не совсем полным и верным. Прежде всего уважаемый автор почти не коснулся технических приемов обработки топорика. По нашему наблюдению, топорик сфабрикован таким образом: сначала было изготовлено железное лезвие, которое затем введено в литейную форму, в которой отлиты обух и клинок из золотистой бронзы. Благодаря такому техническому приему, лезвие и клинок топора соединились так плотно, что представили как бы единое целое. Далее весь топорик подвергнут шлифовке и орнаментации. Шлифовкою окончательно выравнены грани и плоскости так, что предмет был готов для восприятия дополнительной орнаментации и надписей. Орнаментация выполнена тремя способами: 1) литьем, 2) инкрустацией и 3) чеканкой. Литьем выражены две головки львов, украшающие концы крышки обуха (рис. 1 и 2). Инкрустацией выполнены на щеках топорика два процветших креста и охватывающие их две трапецевидные рамки, а на щековицах — очкообразно завитые крины. Для инкрустации служила серебряная проволока, разрезаемая на части требуемой длины и потом расплющиваемая в вырезах, изготовленных на медных плоскостях щек и щековиц топорика. Скрепление серебра с бронзой произведено при помощи горячей ковки, а может быть, и при помощи припоя. После укрепления инкрустации топорик вторично подвергнут шлифованию с целью приведения инкрустации под лицо с плоскостями. Когда же инкрустация была готова, топорик стали чеканить. Чеканение производилось при помощи трех различных инструментов (чеканов): 1) с долотовидным лезвием, шириною в $1^1/_2$ мм, 2) с таким же лезвием, но покрытым мелкими зубчиками, в виде гребенки и, наконец, 3) с коническим, слегка притупленным, шилообразным концом. Первым инструментом нанесены поперечные прямые и несколько скошенные линии, напоминающие лесенки и веревочки, которые видны по краям всех боковых плоскостей клинка и обуха, а также в клетчатом узоре, покрывшем крышку обуха сверху (рис. 1). Вторым зубчатым чеканом выполнены изящные, глубокие линии, сопровождающие все инкрустированные узоры и узоры, выполненные первым чеканом, например, в том же клетчатом узоре, который украшает крышку обуха. Этим же или подобным чеканом выбиты все буквы надписей топорика. Третьим чеканом нанесены пунктирные линии



1

2

3

Рис. 1—3. Симбирский топорик 1/1 натур. велич. Рисунки А. А. Спицына.

внутри трапецевидных инкрустированных рамок и сделана камфарка на щековицах; им же поставлены точки в четырех маленьких крестиках, сопровождающих надписи на щеках топора, а также и в конце прямых штамбов букв подписей.

Из внешних признаков топорика следует более резко оттенить явление несогласованности надписей с крестами на щеках топорика. Научное значение этого явления может заключаться во-первых — в выяснении обрядового употребления топорика, и во-вторых — в выяснении неодновременности появления на нем крестов и надписей.

Кресты на щеках топорика выполнены серебряною инкрустациею совершенно одинокового с инкрустацией орнамента, поэтому они должны быть одновременными и явившимися при выпуске топорика из первой мастерской.

Надписи на широких плоскостях топорика выполнены резьбою несогласованно с общей гармонией орнаментации, поэтому они не могли явиться одновременно, а только позже, когда топорик был уже выпущен в свет.

Возникает вопрос, почему мастер, резавший на топорике надписи, не согласовал их с крестами, хотя, несомненно, понимал их идейную связь, так как изречение „ИС ХС NA“ обычно сопровождает кресты. Очевидно, этот мастер вводил поправку, находя, что кресты изображены неправильно.

Изучая отношение крестов к общей фигуре топорика, легко видеть, что они странным образом не согласованы друг с другом, и что кресты, вопреки обычному пониманию, верха и низа фигуры топора вообще, поставлены кверху ногами. Что это за явление? Чем оно вызвано? Ошибкой мастера это невозможно объяснить, так как он повторил крест в одинаковом отношении к форме топорика три раза. Кроме того, ошибку, еслибы она, действительно, имела здесь место, мог бы заметить заказчик или первый покупатель топорика и не взять его от мастера. В самом деле, мы видим, что то лицо, по указанию которого позже резались на щеках топорика надписи, заметило несогласованность крестов с фигурой предмета и поспешило свою надпись согласовать не с крестами, по его мнению, поставленными кверху ногами, а с фигурой предмета, и это — несмотря на то, что виновник надписей был христианин, в глазах которого крест должен бы служить главным орнаментирующим признаком.

Является вопрос, не понимался ли верх топора в разное время и в разных странах различно. Однако, изучение этого вопроса приводит к положительному заключению, что, насколько

доступно нашему знанию, всегда и повсюду за верх топора считался обух, а за низ — лезвие. В великолепном декоративном топорике Государств. Исторического Музея, относимого к владимиро - суздальскому мастерству XII — XIII века, дважды повторенная литера А, изображение птицы и дерева, определенно указывают на то, что в данной стране считали обух верхом топора, (рис. 4). Точно такой же взгляд мы видим проведенным в Самарском декоративном топорике, принадлежащем волжским болгарам [1]), на котором изображены баран и сокол согласованно с обухом. То же наблюдается на билярском топорике с конем и то же, наконец, наблюдается на австрийском и немецком топориках с изображением быка [2]) и многих других, иногда восходящих к глубочайшей древности. Очевидно, и мастер, сооружавший Симбирский топорик, знал, что верхом топора считается не лезвие, а обух, но в его декоративном топорике, вопреки общему правилу, следует считать верхом не обух, а лезвие, и что наносимые им кресты на щеки топора он должен согласовать, именно с таким пониманием. Что же за секрет кроется в таком странном, можно сказать, извращенном понимании?

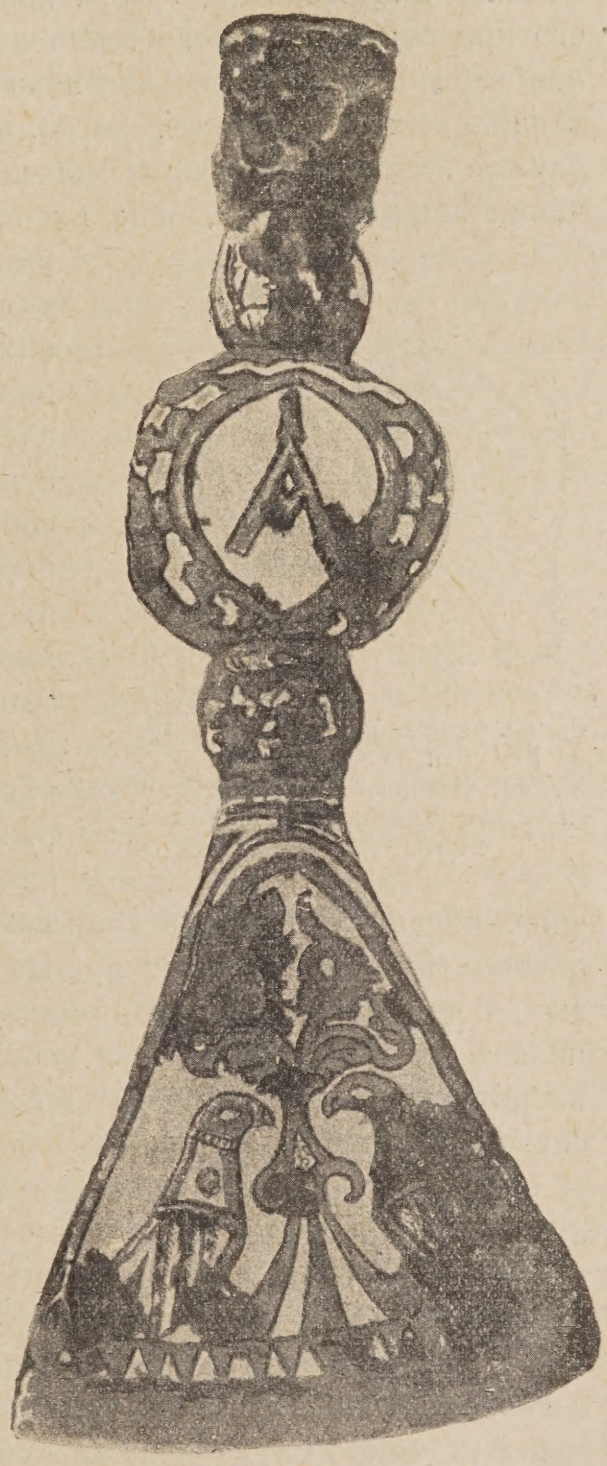


Рис. 4.

Мне думается, что этот секрет связывается с обрядовою чертою какого-нибудь придворного быта. Судя по малым разме-

[1]) А. А. Спицын. Декоративные топорики, рис. 6 — 8.

[2]) Ibid., рис. 11.

рам, Симбирский топорик можно было бы считать детским игрушечным топориком, но это неверно: топорик не предназначался служить для забавы, об этом красноречиво говорят украшающие его кресты; он служил, несомненно, для серьезных целей, при чем наиболее близкою к истине является мысль об употреблении его в парадных церемониях, когда подобный изящный предмет мог служить символом власти, могущества, права и т. п. В таком значении парадные или, как их назвали, декоративные топорики употреблялись в России в XVII веке; употреблялись они в таком значении и в другие времена, и у разных народов. В древней Руси прослеживается в отношении топоров, существование трех различных способов церемоний: 1) держание топора на плече лезвием вверх (рис. 6), 2) держание топора у плеча лезвием вперед (рис. 5) и 3) держание топора на плече лезвием вниз. Первый способ, повидимому, был очень распространенным: им пользуются рынды при московском царском дворе в XVII веке, что прекрасно зафиксировали Олеарий и Пальмквист [1]). Можно с большою вероятностью полагать, что при московском дворе этот способ держания церемониального топорика восходит к глубокой (великоняжеской) поре и является не оригинальным, а заимствованным из ритуала какого-нибудь более древнего двора, например, киевского, византийского или какого-либо другого.

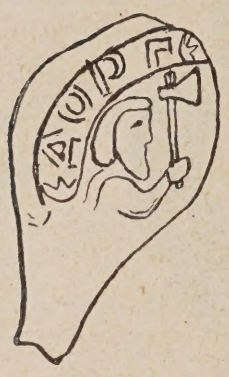


Рис. 5. Монета конца XIV или начала XV вв. Федора Васильевича Ярославского.

Рис. 6. A. Olearius „Les voyages".

Второй способ держания церемониального топора существовал в Ярославском великом княжестве: он зафиксирован на монетном изображении Ярославского великого князя Федора Васильевича, конца XIV и начала XV века [2]) (рис. 5).

О существовании третьего способа держания топорика свидетельствует уже упомянутый церемониальный топорик, приписываемый Владимиро-Суздальскому великому княжеству XII — XIII века, где инкрустированные, богато декорированные буквы А, в которых узнают инициалы Владимиро-Суздальского князя Андрея Бо-

[1]) Adam Olearius, „Les voyages". — Erich Palmquist Nagre widh Sidste Kongl и т. д. 1674 г.

[2]) В. И. Сизов. Древний железный топорик из коллекций Исторического Музея. М. 1897 г., стр. 7, рис. 8.

голюбского, ясно указывают, именно на третий способ держания топорика лезвием вниз (рис. 4).

При первом и втором способе держания церемониального топорика, весь декор и все изображения, естественно, должны быть рассчитанными так, чтобы верх их согласовался с лезвием, а низ — с обухом; при чем изображение креста, при первом способе держания топорика, явилось бы направленным кверху, т.-е. получило бы торжествующее положение креста; при втором способе держания крест направился бы вперед, т.-е. получил бы положение угрожающее, разящее. В третьем способе держания топорика декор и все изображения также вполне естественно должны быть рассчитаны так, чтобы их верх совпадал с направлением обуха, и если бы при этом потребовалось поместить на топорике крест, как символ христианства, то его поместили бы или на щеках обуха, как это, действительно, и сделано на владимиро-суздальском топорике [1]), или на щеках клинка верхом к обуху, т.-е. противоположно изображению крестов на Симбирском топорике.

Итак, теперь для нас становится более ясным смысл расположения крестов на Симбирском топорике, который, очевидно, применялся к делу в такой стране, где он, обслуживая придворные церемониалы, должен был носиться или на плече лезвием вверх, при чем крест получал торжествующее, победоносное положение, или перед плечом лезвием вперед, при чем крест получал разящее положение. Само собою разумеется, что при таких условиях и надписи, если бы они возникли при сооружении топорика, были бы обязательно согласованы с крестами; и если в Симбирском топорике такие надписи оказались по отношению крестов расположенными несогласованно (кверху ногами), то это прежде всего указывает на то, что они произошли не одновременно с сооружением топорика и украшающих его крестов, а позже. Эти надписи могли быть изготовлены и в той мастерской, где был сделан топорик по специальному заказу покупателя, и в другой мастерской, находящейся не в стране, где придворный ритуал требовал держания церемониального топорика лезвием вверх или вперед, а в стране, где ритуал требовал держания церемониального топорика лезвием вниз. Одна из последних стран нам известна: это— Владимиро-Суздальская область, в черте которой или поблизости к черте которой и был найден Симбирский топорик.

Где находилась мастерская изготовления топорика, остается пока неизвестным, но с некоторою вероятностью можно допустить,

[1]) В. И. Сизов. Древний железный топорик из коллекций Исторического Музея. М. 1897 г., стр. 9 и 10, рис. 16.

что она находилась в Киеве, где с принятием христианства, под влиянием Византии, быстро развилось и достигло цветущего состояния ювелирное дело.

Время выхода, изготовления топорика и время появления на нем надписей могут стоять друг к другу очень близко, что, судя по совпадению археологических и палеографических дат, как мы увидим ниже, и наблюдается в Симбирском топорике.

Надписи Симбирского топорика, несмотря на их краткость, имеют значительную научную ценность в палеографическом отношении. Надписей на топорике сделано три. Все они выполнены резьбою вглубь. Две из них, не согласованные с крестами, несомненно одновременны между собою и сделаны рукою одного мастера; что касается третьей надписи на лобной грани топорика, то о времени появления ее сказать затруднительно: она могла появиться и одновременно с украшающими топорик крестами и позже, одновременно с несогласованными надписями.

Надписи топорика не одинаковы; на правой щеке топорика вырезано ЮС ХС NA, т.-е. обычное изречение, сопровождающее христианские кресты и гласящее: Іисус Христос Ника (побеждает); на левой щеке написано ЮС ХС, т.-е. Іисус Христос; в первой надписи сверху, а во второй снизу прочерчены по два небольших равноконечных крестика; на передней лобной грани изображены трудно читаемые, как бы несогласованные между собою литеры Ю ƆZ.

Считая себя некомпентентным в решении вопросов палеографии, я обратился за помощью к сильнейшим русским палеографам: А. И. Соболевскому, М. Н. Сперанскому и Н. П. Попову. Все они с полною готовностью отозвались на просьбу и дали свои научные заключения, которые я привожу здесь с их благосклонного позволения текстуально и в том порядке, в каком они хронологически следовали друг за другом. Я особенно подчеркиваю последнее, потому что считал долгом каждого последующего специалиста знакомить с заключением предшествующих, делая это с тою целью, чтобы каждый последующий специалист мог, не останавливаясь на выясненном, сосредоточить большее внимание на другом не выясненном, если таковое окажется, и таким образом по возможности расширить и углубить наше знание.

Первым высказался А. И. Соболевский. В своем письме, адресованном на мое имя, он пишет: „Показанный мне Вами так наз. Симбирский топорик имеет выгравированные надписи Ю (вязь: Н и С) и ХС, помещенные на обеих широких сторонах топорика, и сверх того буквы N и А, помещенные на лицевой узкой

стороне. Буква Н=и, входящая в состав вязи, имеет форму XI—XII века; то же можно сказать о букве Х и о вязи Ю, как целом. Остальные буквы, не отличающиеся особенной характерностью, не препятствуют к отнесению топорика к XI—XII в.".

Вторым дал отзыв М. Н. Сперанский. „Надписи на топорике, замечает он, сделаны вглубь на свободных местах между орнаментом и на верхнем ребре клина топорика, дают начертания: 1) Ю̇С̇ Х̇С̇ NA; 2) Ю̇С̇ Х̇С̇; 3) ZСЭ (на ребре). Первая надпись читается: ИС (т.-е. Исус)—ХС (т.-е. Христос) N (Н)—НИ, [К] А (т.-е. НИКА).

Помещенные в первой надписи на ней крестики считаться титлом не могут, что доказывается помещением таких же крестиков под буквами на второй надписи.

Вторая читается: ИС и ХС.

Третья N (лежа), — перевернутое С и Ю, как в первой, и второй. Что заставило резчика перевернуть С в обратную сторону, сказать трудно: может быть, потребность придать надписи орнаментальный характер путем придания симметрии (ЮСЭ); лежачее положение N объясняется сужением в этом месте поля. Счесть ЮСЭ за одно начертание невозможно. Читать, вероятно, можно так: „Ю—НС (Исус), Э—(х) С (Христос) N [А]—(НИКА). Недостаток отдельных букв в надписи следует объяснять теснотой места для надписи: ср. Г=глава, А=Адама на „Голгофе" резной или литой. Отступления в надписи от графических навыков книжного письма (отсутствие титл, необычное сокращение слова, лигатура) вытекают: а) из условий воспроизведения надписи резцом (угловатость, напр., А С), б) из ограниченности места для надписи, в) из общего соотношения между рукописью и надписью на бытовом предмете: на последнем раньше появляется позднее начертание, нежели в рукописи, что необходимо принимать во внимание при датировке надписи на бытовом предмете.

Для датировки надписи топорика основание дают начертания: Ю (т.-е. НС) и 2) N и отчасти 3) А. Первые два начертания сохранили тип, обычный для XI—XII в.: Н с перекладиной между штамбами, расположенной на средине высоты буквы; более поздний тип обнаруживает стремление поднимать эту перекладину. Тоже следует сказать и об N, по типу не противоречащем XI—XII в., хотя, может быть, более близкое к типу XII в., нежели в старейших рукописных типах; для резного ремесленного предмета и такое N может быть отнесено и к XI—XII в.

А с наклонным влево штамбом и с угловатой висящей петлей — вполне подходит к рукописным начертаниям XI — XII в..

Что касается лигатуры (связного начертания) ЮС, то она также возможна в XI — XII в., особенно на предмете при ограниченности места (как в данном случае); возможна она и в рукописи — в конце строки, в миниатюре (в клейме), в заглавии — заставке, т.-е. не нарушает показания самых начертаний, входящих в состав начертания.

В результате скудный палеографический материал надписей на топорике все же дает возможность отнести начертание их к XI — XII в., может быть, даже к концу XI в., принимая во внимание то, что на предмете раньше могут встретиться такие начертания, которые только несколько позднее входят в обиход книжного письма".

Третьим высказал свое мнение Н. П. Попов. „Представленный мне для отзыва В. А. Городцовым топорик, говорит Н. П., имеет вырезанные (на правой и левой сторонах) буквы; на первой Ѭ ХС NA, что читается: Іисус Христос НИКА (побеждает); на второй — только первые два слова. На передней стороне (задняя гладка) я устанавливаю большое Ѡ, перед ним N и сбоку (в форме лигатуры при Ѡ) Н, и думаю, что это греческое слово νωη, значущее: внимай, разумей, сложи в сердце и т. п. Факт развития Ѡ до размеров большой буквы при малых N и Н не должен нас смущать, так как в греческой письменности XI—XII в. (особенно XII в.) следует считать обычным явлением расширение и увеличение той или иной буквы по произволу писца: в резьбе произвол писца заменяется стремлением импонировать рисунком; вероятно, по соображениям симметрии или просто прихоти резчика; N не поставлено прямо перед Ѡ, а как бы положено.

Что касается времени, на какое указывают начертания букв, то о нем трудно судить, раз дело идет о письменах на вещественном памятнике. Характер букв указывает на период младшего униального письма, которое в заголовках и надписанниях разных гомилий и слов по рукописям, попадается и в XI и в XII в. Мы знаем греческую (и славянскую) палеографию по памятникам письменностей, где писец более или менее свободно, в стиле своего времени и своих учителей, изображал буквы. Резчик же или иконописец, работая над памятниками вещественными, или копируют надписи своего оригинала, или видят в них рисунки, которые можно изменять сколько угодно, подставляя вместо новых старые очертания и формы. Писец, часто писавший под диктовку, разумеется, не мог задаваться такими целями. Поэтому

палеография рукописей и надписей в памятниках вещественных могут расходиться между собою на целый ряд веков: ничто не мешает нынешнему мастеру Мстеры или Холуя точно воспроизвести памятники иконописи XIV или XV вв. и, если кто распознает подражание, во всяком случае не по ІС ХС или МР ΘС и подобным фрагментарным данным.

Для датировки топорика, как кажется, лучше всего использовать три изображения, так называемого Иерусалимского креста, дающих два варианта, более старый на передней стороне и поновее на боках топорика. Но в большой работе Seymour'a — „The cross in tradition history and art", 1898 г., я не нашел материала для суждения о развитии форм на Иерусалимских крестах".

Из приведенных суждений авторитетных специалистов можно видеть, что надписи Симбирского топорика могли явиться в XI — XII веке, при чем на этой дате более настаивают первые из них, тогда как третий, не отрицая возможности появления надписей в указанное время, предостерегает, что в датировке, основанной на очень шаблонном и фрагментарном материале, может быть и крупная ошибка, так как такого рода шаблоны подражательно воспроизводятся писцами, резчиками и иконописцами многие сотни лет. Однако против такого предостережения говорит то, что две надписи на боковых плоскостях Симбирского топорика явились, как выше было указано, не шаблонным путем при создании самого предмета, когда лежащий перед глазами оригинал мог оказывать влияние на характер письма: надписи явились позже и вырезаны мастером оригинально в соображении с условиями уже заполненных орнаментом и изображениями плоскостей. При этих условиях пользоваться рабски шаблонами нельзя, а требуется твердое знание употребления письменных знаков, что и хорошо выявлено в расположении букв, их лигатур и сокращений слов на Симбирском топорике. Все эти явления заставляют полагать, что надписи изучаемого топорика относятся, именно к тому времени, когда выраженный в них характер являлся живым и обычным во всей письменности, когда писец, подражая или ведя дело оригинально, иначе и написать не мог; а это время, согласно мнению всех трех специалистов, могло совпадать с XI — XII веками. К этой дате, хотя не очень решительно, подходит и А. А. Спицын на основании археологических данных.

„Трудно решиться, говорит он, определить время топорика. Крин и техника поделки напоминают бармы, найденные в Суздале и Болгарах; в Болгарах же найдена серьга с черневым орнаментом, близким к орнаменту проуха топора (Толстой и Кондаков,

Русск. древности, вып. V, стр. 99). На этих основаниях можно бы отнести топорик, например, к XIII в., но эта хронология не может считаться устойчивою; если ей суждено измениться, то скорее в направлении более раннего времени. По нашим наблюдениям, техника черни по меди более всего развита в XII веке [1])".

Несколько развивая и углубляя определение А. А. Спицына, можно заметить, что приведенная им для сравнения болгарская серьга, изданная Толстым и Кондаковым [2]), может относиться к XIII веку, но она несомненно моложе Симбирского топорика. Схожим на обоих предметах представляется изображение ветки растения, изогнутой в очковидную фигуру. Мотив так изогнутой ветки пользовался уже в XII веке широким распространением. Русские ювелиры справлялись с ним легко, проводя его в сканных и черневых работах и нанося прямо от руки. Так он выполнен и на щековицах обуха Симбирского топорика. Болгарский ювелир выполнил мотив при помощи циркуля, что засушило рисунок почти до неузнаваемости в нем растительной природы, а такое явление совершенно определенно указывает на более позднее время развития мотива, когда натура подвергается самой строгой стилизации и вызывается скорее не ради красоты, которую она утрачивает, а ради привычки или подражания испорченным затасканным образцам; такое состояние орнамента, обыкновенно, сопровождает его вымирание.

Болгарские бармы (цетавы), изданные Толстым и Кондаковым [3]), составлены из медальонов двух разных времен: часть медальонов (четыре среди изданных Толстым и Кондаковым) можно относить к XIII веку, т.-е. ко времени болгарской серьги, которая подражает их технике, часть же, украшенная пышно расцветшими крестами, должна относиться к более раннему времени, вероятно, ко 2-й половине XII века, и происходит скорее всего из владимиро-суздальских ювелирных мастерских. Процветшие кресты всех этих медальонов носят характер более поздний, чем характер таких же крестов на Симбирском топорике. Тоже самое следует сказать и о владимирских бармах, хранящихся в Государств. Историческом Музее, время которых также приурочивают ко второй половине XII века. По сравнению со всеми этими вещами, Симбирский топорик следует относить по меньшей мере к первой половине XII века.

---

[1]) А. Спицын. Декоративные топорики, стр. 2.

[2]) И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, в. V, стр. 99, рис. 132.

[3]) Ibid., стр. 129, рис. 195.

Значительный интерес представляет сравнение некоторых деталей Симбирского топорика с деталями вещей киевского клада, найденного в Михайловском монастыре и теперь хранящегося в Государств. Историческом Музее. В этом кладе имеется серебряный браслет, украшенный чернью по растительному орнаменту. Концы браслета представлены в виде плоских львиных головок, своими общими очертаниями живо напоминающих львиные головки на концах крышки обуха Симбирского топорика. Михайловский клад имеется основание относить к XII веку, вероятнее всего, ко второй его половине. Однако Симбирский топорик выявляет черты более древние, чем михайловский браслет и другие, сопровождающие его вещи.

К сожалению, для более точного датирования Симбирского топорика не достает сравнительного материала, при чем особенно остро чувствуется недостаток вещей, относящихся к XI веку, так как возможно, что топорик относится, как указывают палеографические данные, именно к этому веку.

В заключение остается еще обратить внимание на кресты Симбирского топорика. Им, очевидно, придавалось особенное значение, и они повторены на топорике три раза. Все три креста выполнены в одном типе, так называемых процветших или иерусалимских крестов; два из них, помещенные на щеках топора, почти точно повторяют друг друга; фигуры их весьма тщательно инкрустированы серебром и оттенены зубчатыми тонкими линиями, резанными вглубь. Третий крест, помещенный на узкой лобной грани топорика, не инкрустирован серебром, имеет меньшие размеры и выполнен резцом вглубь.

Процветшие кресты имеют длинную историю. По сообщению покойного Н. В. Покровского, „крест с разветвляющимися концами появляется в памятниках христианского искусства довольно рано. В стихотворениях Павлина Ноланского († 431 г.) упоминается об украшении крестов венками и цветами; наглядный пример этого представляется в изображении креста в крещальне катакомб Понтиана в Риме (VII в.). В том же веке, если не ранее, явились и кресты с разветвленным нижним концом и украшениями в виде завитков на остальных трех концах (Garrucci, Storia dell' arte christ., tav. 428, 3 и 4). Много подобных крестов находится и в фресках Киево-Софийского собора XI века (Древности Росс. Госуд., Киево-Софийский собор, изд. Археологического Общества в СПБ.). Мне кажется, продолжает Н. В. Покровский, что дальнейшее развитие этой формы представляет собою позднейшие афонские и грузинские кресты. Как объяснить разветвление креста

в смысле ли символическом (процветшее крестное древо), или орнаментальном? Думаю, что одного общего ответа на этот вопрос дать нельзя. В церковной литературе подобная символика — явление довольно обычное; полагаю, что и изображения такого креста: в руках ангелов в Киеве, в Софийских фресках, имеют символическую основу, как „печать Бога живого“ (Апок., VII, 2); но в тех же фресках встречаются подобные кресты и без всякой символической тенденции“ [1]).

Любопытно отметить, что на одной мраморной церковной колонне, найденной в древних развалинах Херсонеса в 1878 г., оказалось изображение процветшего креста, а внутри очертаний — греческая надпись, гласящая в переводе на русский язык: „этот (крест) вырастет в отводок смоковницы божьей и жнецы не искоренят его корней“ [2]). Следовательно, у древних греческих, а после и у русских христиан процветшие кресты связывались с представлением о смоковнице, доставляющей верующим христианам духовную пищу. Для нас интересно то, что в разветвлениях нижнего конца процветшего креста следует видеть не ветви и листву, а корни, как это поясняет приведенная греческая надпись, и понимает В. Н. Юргевич, издавший первым замечательную надпись в процветшем кресте [3]).

Процветшие кресты пользовались в древней Руси особенно широким распространением в XI и XII веках. В это время их можно было встретить повсюду: в живописи, ваянии, архитектуре, в ювелирных и др. производствах. Этим, вероятнее всего, объясняется присутствие их изображений и на парадном Симбирском топорике.

Резюмируя все вышесказанное, приходим к следующим выводам:

1) древний Симбирский топорик является церемониальным предметом придворных парадов (приемов, выходов и т. п.).

2) время топорика можно относить к XI — XII векам; при чем время надписи на щеках топорика несколько позже времени изготовления самого топорика и его украшений.

3) место сооружения топорика может не совпадать с местом надписей на его щеках. Топорик мог быть сделан в Киеве, как лучшем центре древне-русского ювелирного ускусства, а надписи на щеках могли быть сделаны и в Киеве, и во Владимире, и Суздале или в другом месте, обозначить которое точно прочных оснований пока не имеется.

---

[1]) В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из Ю. России. СПБ. 1896 г., стр. 22 и 23.

[2]) Ibid., стр. 22.

[3]) Ibid., стр. 21 и 22 (Зап. Отд. Общ., т. XI, стр. 9, № V).

Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов.

Проф. *В. А. Городцов.*

Среди археологических памятников есть много таких, назначение которых остается неразгаданным или разгаданным только отчасти. Полное раскрытие смысла и назначения таких памятников особенно затруднительно в тех случаях, когда ими пользовались не только в прямом их назначении, но и для других бытовых надобностей, не имевших к прямому назначению памятников никакого отношения. К такого рода памятникам принадлежат глиняные небольшие сосуды сфероконической формы, выяснению смысла и назначения которых посвящена, правда, небольшая, но все же специальная литература. Наиболее типичною формою сосудов служит сфероидальная с конически вытянутым днищем (рис. 1 — 4). Однако, от этой основной формы имеются и отклонения; так, в виде исключения, наблюдаются формы цилиндрические и шестигранные с коническим дном, но, что особенно интересно и для выяснения назначения сосудов важно, так — это плоская кольцевидная форма, похожая на русские плоские формы кувшинов-квасников (рис. 5). Общим объединяющим все эти сосуды признаком является особая форма горлышка: оно очень узко и лишь немного возвышается над корпусом сосуда.

По замечанию А. Ф. Лихачева, в отверстиях одних горлышек „может проходить только средней толщины проволока, в другие, самые широкие, едва проходит обыковенный карандаш“ [1]).

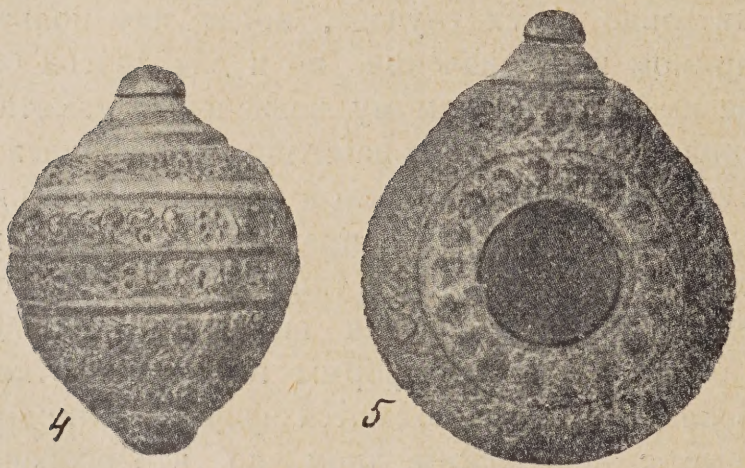
Такая необычайность устройства горлышка и ставила в затруднение многих исследователей, стремившихся разъяснить смысл и назначение оригинальных сосудов.

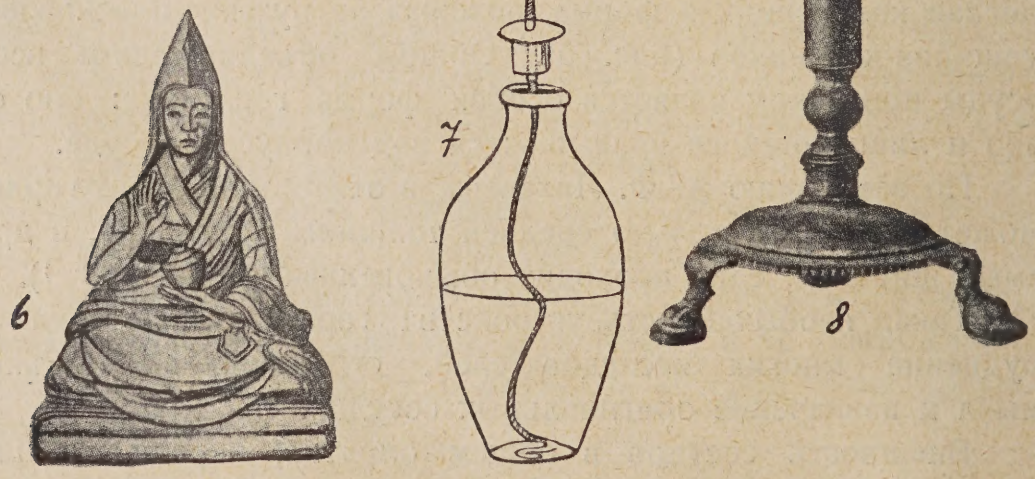
Внешность сосудов в общем опрятна, нередко изящна и даже роскошна. Невысокая шейка отделяется от корпуса большею

---

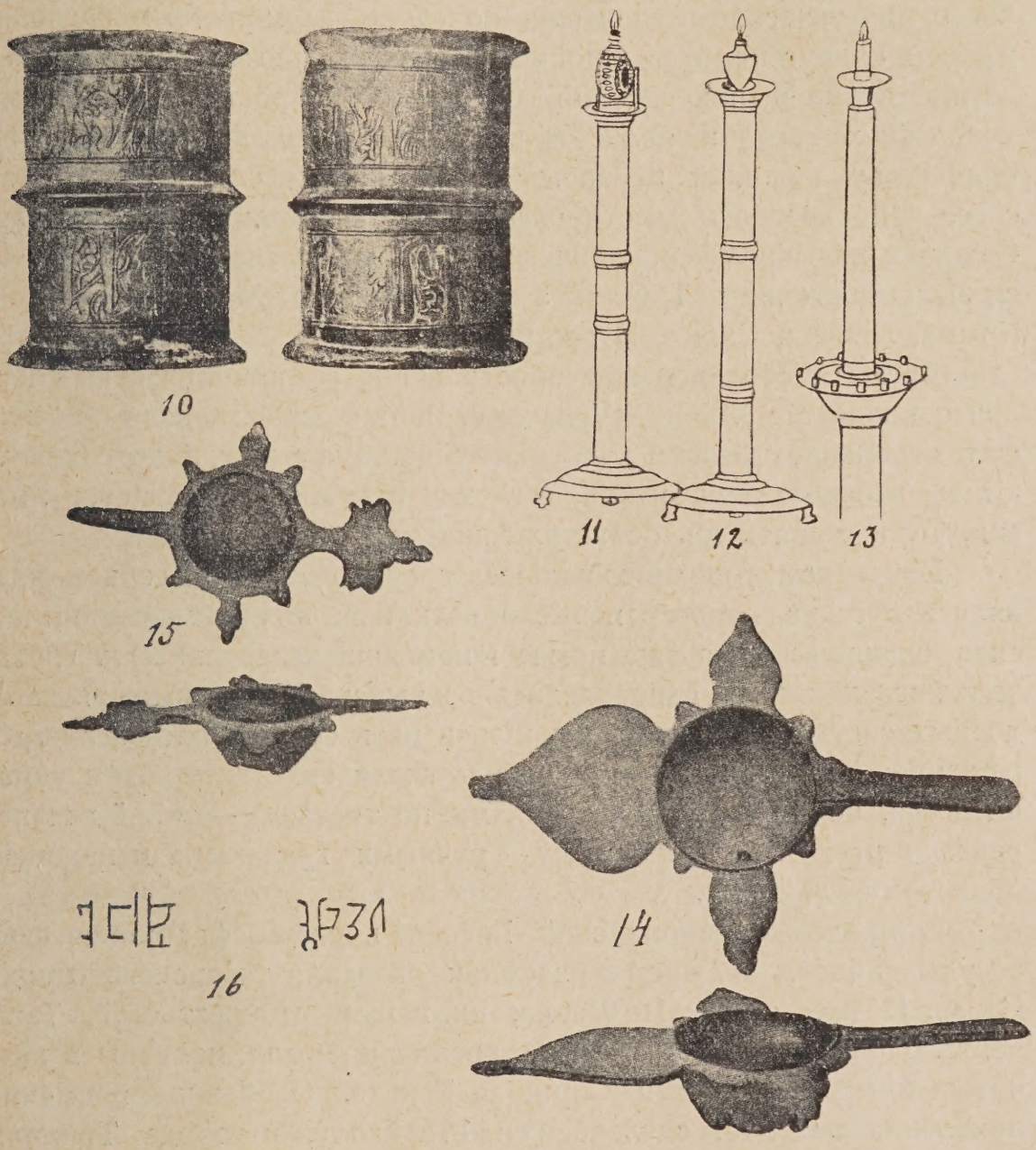
[1]) А. Ф. Лихачев. „О загадочных сосудах сфероконической формы и Волжской Булгарии“. Труды IV Археологического Съезда, т. I, стр. 37.

1
3
2


4
5


6
7
8

частью красивыми перегибами и уступами. Плечи в большинстве случаев округлы и плавно сливаются с боковыми стенками, хотя нередко наблюдаются и остроребериые. Боковые стенки слегка



вздуты, сужены книзу, переходя обыкновенно в удлиненное коническое дно.

Материалом для выработки сосудов служила глина, обработанная весьма разнообразными техническими приемами. Более простые сосуды сделаны из обычной гончарной глины, более же изысканные и дорогие — из глины тонко отмученной и, повидимому, подкрашенной. Большинство сосудов хорошо обожжено, имеет толстые стенки и отличается прочностью. Поверхность сосудов

остается или гладкою, или испещренною узорами, или, наконец, покрытою цветною глазурью. На боковых стенках нередко наблюдаются выступы, идущие валиками от плеч вниз, но не до самого дна (рис. 2). Эти выступы, хотя имеют, как будет показано ниже, чисто практическое назначение, но своим гармоничным расположением вокруг корпуса и покрывающею их орнаментациею также служат к украшению сосудов. Областью распространения сфероконических сосудов является Мусульманский Восток. Судя по количеству находок, центром выработки их служит Туркестан с его наиболее богатыми городами Самаркандом, Ташкентом и др. Отюда к востоку сфероконические сосуды распространялись до г. Лассы, столицы Тибета, а к западу—до Москвы, Кавказа, Крыма, Персии, Сирии, Палестины и Египта.

Время наибольшого распространения сфероконических сосудов совпадает с XIII и XIV веками, но они существовали и позже; есть основание полагать, что они существуют еще и до сих пор, ютясь, в форме пережитков, в глухих местностях Восточной России, Туркестана и др. областях Азиатского Востока.

Изучением этих оригинальных сосудов первыми серьезно занялись русские, немного позже обратили на них внимание английские, французские, а еще позже и немецкие исследователи. Труды всех исследователей направлялись на выяснение назначения загадочных сосудов, при чем получилось пять совершенно различных решений: по одному из них, сосуды были архитектурными украшениями, по другому — голосниками, по третьему — тарой для перевозки ртути, по четвертому — ручными гранатами, и наконец, по пятому — лампами.

В пределах Европейской России первые сфероконические сосуды найдены во время раскопок развалин татарского города Сарая. Позже, около 1870 года, их нашли в окрестностях Ташкента. Приблизительно в то же время они были найдены в значительном количестве в Сирии и Египте. Особенное внимание привлекла находка, сделанная в 1872 году, в городе Триполи (в Сирии), где при разборке одного очень древнего здания, пришедшего в ветхость, было открыто под фундаментом сразу до 60-и сфероконических сосудов, размещенных по окружности круга, в центре которого стоял сосуд той же формы, но самых крупных размеров.

Позже находки участились, и к настоящему времени в одних русских музеях число сфероконических сосудов достигает многих десятков и даже сотен. Особенно богаты ими Приволжские музеи (Казани, Саратова и др.).

Первые из описываемых сосудов, найденные в развалинах Сарая, были определены, как архитектурные украшения: однако, такое определение не казалось достаточно обоснованным, и поэтому начали выдвигать новое мнение, по которому сосуды следовало относить к разряду голосников, имевших применение также в архитектурных сооружениях. Но и такое определение не удовлетворяло лучших русских исследователей, и в 1872 году А. Ф. Лихачев высказывает третье мнение, по которому сосуды определялись как лампы, наполнявшиеся салом, а быть может, даже нефтью. При этом исследователя несколько смущало острое дно сосудов, требовавшее особых подставок, которые тогда еще не были найдены: разве, быть может, замечает исследователь, они делались из дерева и от того не сохранились [1]).

Почти в то же время (в 1871 г.) появилась статья англичанина M. Grévill I. Chester'a с описанием одного целого и шести разбитых сфероконических сосудов, из которых в целом сосуде оказались следы ртути и воска, что дало исследователю повод к определению сосудов, как тары для перевозки ртути, при чем воск, по его мнению, мог служить для закупоривания сосудов [2]).

Двумя годами позже, именно в 1873 году, M. F. de-Saulcy делает в Обществе французских антикваріев сообщение об упомянутых сфероконических сосудах, найденных под фундаментом дома в г. Триполи [3]), где он проводит мысль, что сосуды служили ручными гранатами, специально предназначавшимися для обороны укрепленных городов, и были изобретены арабами (сарацинами).

Таким образом, уже в самом начале изучения сфероконических сосудов явились все пять разноречивых определений их назначения.

В 1877 году А. Ф. Лихачев посвящает исследованию загадочных сосудов специальную статью, изготовленную для IV Археологического Съезда в Казани, в которой он подвергает уничтожающей критике мнения русских и западно-европейских исследователей и выдвигает целый ряд убедительных доводов в пользу высказанного им ранее мнения, что сфероконические

---

[1]) А. Ф. Лихачев. „Бытовые памятники Великой Булгарии". Труды II-го Археологического Съезда, вып. I, стр. 31.

[2]) Э. Ленц. „О глиняных сосудах с коническим дном", стр. 0102, со ссылкой на „The Recovery of Ierusalem p., 479.

[3]) M. F. de-Saulsy „Note sur des projectiles" a main creux et en terre cuite de fabrication arabe. Mémoires de la société nationale des Antiquaires de France, 1874, m. XXXV, p. 18 — 34.

сосуды представляют из себя не что иное как лампы. После такой критики казалось следовало бы отбросить совсем все прочие мнения. Однако, спор этим не закончился. Мнение об архитектурном назначении сосудов поддержал В. А. Казаринов, который, описывая памятники Билярского и Баранского городищ, обратил внимание на сфероконические сосуды, найденные в целом (1 экз.) и обломанном виде, и объяснил их как архитектурные украшения, которые могли надеваться на железные шпили у ворот, на башнях и др., в пользу чего, по мнению В. А. Казаринова, говорят находки их в развалинах, сопровождаемых кирпичами и известью, составляющими остатки богатых жилищ [1]).

Мнение де-Сольси, что сосуды служили ручными гранатами, поддерживают, правда, очень осторожно, Perrot et Chipiez [2]), Ф. И. Успенский [3]) и некоторые другие; решительным защитником мнения Честера, что сосуды служили тарой для перевозки и хранения ртути, выступил Э. Ленц, опубликовавший в 1904 году специальную работу о сосудах с коническим дном, находимых в пределах Мусульманского Востока [4]) и, наконец, ламповую теорию А. Ф. Лихачева поддержал проф Н. Ф. Высоцкий [5]).

Э. Ленц свое мнение о назначении сфероконических сосудов служить для перевозки, именно ртути, основывает на следующих положительных фактах: 1) в трех сфероконических сосудах, найденных в Палестине, в Москве [6]) и Казани [7]), оказалась ртуть, и 2) на предании некоторых туземцев Туркестана, что сфероконические сосуды служили для перевозки ртути, почему и называются „симопказача", т.-е. кувшинчик для ртути, однако, по преданию других туземцев, сосуды эти служили для хранения пороха, что как будто уже подтверждает догадку де-Сольси о назначении сосудов служить ручными гранатами.

---

[1]) „Известия Общества Арх., Ист. и Этн. при Казанск. Университ. т. III, стр. 113.

[2]) G. Perrot et Ch. Chipiez „Histoire de l'art", т. IV, p. 805.

[3]) „Известия Руск. Археологическ. Института в Константинополе, 1902, в. 3, стр. 102.

[4]) „Записки Вост. Отдела Русс. Археолог. Общ.", т. XV.

[5]) Н. Ф. Высоцкий. „Несколько слов о древностях Волжской Булгарии", 1908 г.

[6]) Сфероконический сосуд с ртутью „был найден при постройке Кремлевского дворца, рядом с сосудом, повидимому, восточной формы, в котором находились грамоты времени Дмитрия Донского". Э. Ленц, стр. 0106, прим. 1.

[7]) В Казанском Музее, в одном сфероконическом сосуде, найденном в Спасском уезде Казанской губернии, остатки ртути были усмотрены проф. А. А. Штукенбергом. Э. Ленц, стр. 0106.

С своей стороны мы укажем, что типичный сфероконический сосуд изображен в руках бронзовой портретной фигуры великого ламы, умершего в 1779 г., хранящейся в Берлинском Музее [1]) (рис. 6). Судя по благословляющему жесту правой руки ламы, вознесенной над сосудом, следует полагать, что содержимое сосуда представляло священную жидкость, и сосуды служили в роли тех ампул, в каких христиане сберегали и разносили по отдаленным странам священные реликвии, получаемые в святых местах Палестины.

Однако, все эти факты далеко еще не разъясняют смысла и назначения сфероконических сосудов. Употребление их в Тибете в роли ампул не разъясняет самого широкого распространения их в области мусульман; нахождение в некоторых сосудах ртути совершенно не уничтожает тех возражений, которые так умело и верно выдвинуты А. Ф. Лихачевым. Приводим их дословно. „Допустив значительное употребление ртути при металлических операциях и в технических производствах различных предметов из металлов у древних народов Востока, мы, говорит А. Ф. Лихачев, должны будем предположить, что существовали и центры, где добывалась ртуть в больших массах, и откуда она развозилась в другие местности. Такое предположение необходимо вызывает представление о некоторого рода фабричной или заводской деятельности, основанной на известной правильности и однобразии, принятых при развешивании ртути, ее укупорке и продаже. Отчего же устройство и выделка сосудов, предназначенных для вмещения и перевозки одного и того же материала, т.-е. так называемые тары, не обнаруживают идеи однообразия, соответственно своему назначению, а, напротив, оказываются до такой степени разнообразными, что между множеством сосудов трудно приискать два совершенно одинаковых? В данном случае никак нельзя себе объяснить, почему такие простые сосуды, как тары, при опорожнении от ртути теряющие всякое значение, так разнообразно и тщательно украшались снаружи, не говоря уже о том, что и самая коническая форма их донца для означенной цели была весьма неудачно выбрана, так как сосуд не представлял твердой устойчивости и ежеминутно мог опрокидываться, а ртуть— разливаться и теряться. Правда, что толстота стенок и узкое отверстие горла делают такой сосуд способным для укупорки и перевозки ртути, но чрезвычайное разнообразие в материале,

---

[1]) К. Верман „История искусства", т. I, стр. 709.

формах, размерах и технической отделке свидетельствуют против подобного употребления".

В заключение А. Ф. Лихачев указывает на тот факт, отмеченный де-Сольси, „что ртуть в древние века привозилась во Францию в значительных размерах, будучи употребляема при алхимических работах, а однако же там не встречается этих предполагаемых ртутных тар ни в целом виде, ни в обломках. Чем же объяснить, — спрашивает он, — что эти сосуды нигде не встречаются, кроме стран, некогда занятых арабами [1])?

Общее несовпадение мест производства сфероконических сосудов с местами добывания ртути для защитников ртутной теории, действительно, является смертным приговором.

Ртуть (Hydrargyrum), называемая иногда живым серебром (vif-argent) и меркурием (mercure), представляет металл, получивший известность в раннюю пору неометаллической (железной) эпохи, если еще не ранее. Ртуть имеет широкое применение в технике, растворяя золото и поддерживая целый промысел золочения металлических предметов. В природе ртуть встречается в древних горных породах и реже в более поздних отложениях; обыкновенно она является в виде амальгамы золота, серебра, в соединении с серой и другими веществами. Богатейшие прииски ртути известны в Испании (в Альмадени), Австрии (в Идрии и Крайне), России (в Екатеринославской губ.) и на Урале, в Сибири (в Нерчинском округе), в Калифорнии и Австралии. Бедные прииски находятся на Кавказе (в Дагестане).

Известны также и места наибольшего производства сфероконических сосудов, а именно, в Египте, Сирии (в городе Гаме [2]), в Туркестане и в России (в Нижнем Поволжье); ни одно из этих мест не совпадает с местами добывания ртути. Между тем, на указанной площади сфероконические сосуды имели широкое распространение, передаваясь из одной области в другую, напр., из Туркестана в Поволжье и на Кавказ.

Не менее убедительно против ртутной теории говорит и плоский кольцевидный сосуд (рис. 5), найденный вместе с типичным сфероконическим сосудом (рис. 4) в Туркестане [3]).

Эта вычурная, богато орнаментированная, декоративная

---

[1]) К. Верман. История искусства. Т. I. Стр. 709.

[2]) Найден сфероконический сосуд с клеймом, гласящим: bi Hama, т.-е. в Гаме сделан.

[3]) Исторический Музей в Москве, Зал 5: Древности Средней Азии, коллекция П. И. Щукина.

плоская форма сосуда убедительно говорит, что она никогда не назначалась служить в черных ролях, подобных тарам.

Таким образом, мнение, по которому сфероконические сосуды служили тарами для перевозки и хранения ртути, отвергается более вескими фактами, чем факты нахождения в некоторых из них ртути, утверждающие ртутное назначение сосудов.

Критические анализы других мнений, сделанные А. Ф. Лихачевым, с полною очевидностью доказывают, что сфероконические сосуды никогда не предназначались также служить в роли архитектурных украшений, голосников и ручных гранат. Оставалось более стойким одно мнение, по которому сосуды служили лампами, и, хотя это мнение в 1904 году было подвергнуто критике со стороны Э. Ленца [1]), тем не менее в 1908 году, оно вновь было подкреплено профессором Казанского Университета Н. Ф. Высоцким [2]).

В таком положении находился вопрос о назначении сфероконических сосудов, когда в 1914 году мне, при выполнении научной командировки от Российского Исторического Музея, пришлось посетить целый ряд музеев в поволжских городах, где сосредоточено наибольшее количество сфероконических глиняных сосудов, находимых случайно и добываемых научными раскопками в развалинах древних булгарских и татарских городов и селений. Осматривая и внимательно изучая эти памятники, я старался выслушивать мнения владельцев и хранителей этих предметов, касающиеся смысла и назначения столь необычных по своей форме керамических произведений.

В г. Казани, где сфероконические сосуды мною были встречены в городском Научно-Промышленном музее, Географическом музее при университете и частном музее проф. Н. Ф. Высоцкого, я выслушал два интересных объяснения назначения сфероконических сосудов: 1) от проф. Н. Ф Высоцкого и 2) от служителя Географического музея, почтенного старца — татарина Галея. Оба они одинаково утверждали, что сфероконические сосуды служили лампами (светцами), при чем Н. Ф. Высоцкий свое мнение обосновывал на чисто научных доводах, а почтенный Галей—на личном знакомстве с подобными предметами, существующими в домашнем быту его родины, в Тетюшском уезде Казанской губ.. Галей уверял, что во время его детства, когда он

---

[1]) Э. Ленц. „О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах Мусульманского Востока", стр. 0108 и дал.

[2]) Проф. Н. Ф. Высоцкий. „Несколько слов о древностях Волжской Булгарии". Казань. 1908 г.

жил в татарской деревне, жители ее, равно как и других соседних татарских деревень, пользовались сфероконическими сосудами, как лампами или светцами. Круглодонная лампа ставилась в ящик с песком и, таким образом, являлась вполне устойчивою; а когда требовалось, лампу вынимали из ящика и носили перед собой в руках.

Показание Галея я впервые сообщил во время той же командировки на заседании членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии, где мое внимание было привлечено большим числом сфероконических сосудов, найденных преимущественно в развалинах татарского города Увека, при чем моими оппонентами высказывалось мнение, что едва ли возможно горение фитиля, вложенного внутрь сосуда, не пропускавшего в себя воздуха. Это-то мнение и дало мне мысль произвести с сфероконическими сосудами некоторые опыты.

Прибыв в Москву, я приспособил одну небольшую толстостенную бутылку из-под фруктовой воды для служения ее в роли лампы, (рис. 7). Для этой цели мною была сооружена особая пробка, через центр которой пропускалась железная трубочка с надетым на нее железным кружком, через трубочку пропускался фитиль. Бутылка наливалась керосином, плотно закрывалась сооруженной пробкой, и фитиль ее зажигался спичкой. Огонь горел прекрасно, хотя сильно коптил.

Поощренный полною удачею, я решил перенести опыты на сфероконические сосуды. Выбрав для этой цели один из наиболее простых сосудов Государств. Исторического Музея, я так же, как и бутылку, легко приспособил его к роли лампы, наполнив, вместо керосина, деревянным маслом. Горение происходило прекрасно и даже почти без копоти [1]).

Таким образом, вопрос о возможности употребления сфероконических сосудов в роли ламп был вырешен опытным путем окончательно. К сожалению, возможное не составляет должное. В роли лампы оказываются возможными и бутылка от фруктовых

---

[1]) Во время опыта наблюдалось очень любопытное явление. Стенки сфероконического сосуда через сутки, как бы вспотев, посырели. Оказалось,—влитое внутрь сосуда деревянное масло проникло через поры толстостенного, но сделанного из грубоватой глины сосуда и через неделю дало несколько капель масла, стекших на дно другого плоскодонного сосуда, служившего подставкой для лампы. Этот факт показывает, что, во-первых, в подобных сосудах перевозка жидкостей и в особенности ртути, была делом прямо невозможным, и во-вторых, что небольшие объемы сфероконических ламп, очевидно, рассчитывались на горение их в течение не более одного вечера или ночи.

вод и, вероятно, всякий наглухо замкнутый сосуд, наполненный горючим веществом и снабженный фителем, но это нисколько не помогает выяснению прямых назначений таких сосудов. Вот почему, произведя опыты, я долго не считал удобным опубликовывать их.

Окончательному решению вопроса о назначении сфероконических сосудов способствовали выполненные мною лично работы по группировке огромных коллекций Государств. Исторического Музея по культурам, при чем было впервые обращено внимание на то, что среди туркестанских памятников встречаются на-ряду со сфероконическими сосудами, части древних медных, повидимому, высоких подсвечников (рис. 8—10), формою напоминающих христианские церковные подсвечники. Это дало мысль поставить вопрос, не служили ли высокие подсвечники подставками, между прочим, и для сфероконических глиняных ламп, что в свою очередь заставило обратить внимание на формы сосудов с целью отыскания в них таких признаков, которые бы указывали на приспособление и действительное употребление сфероконических сосудов, как ламп, утверждаемых в высоких металлических подсвечниках.

Изучение деталей сфероконических сосудов показало, что некоторые формы сосудов, действительно, имеют специальные приспособления для удерживания их в цилиндрических подставках, не давая им возможности оседать в трубку подставок слишком глубоко. Такими приспособлениями являются вертикальные выступы на боковых стенках сосудов, о которых упоминалось выше (рис. 2), и — что особенно важно — на нижних концах этих выступов иногда отчетливо видны следы потертости от долгого употребления сосудов в дело. Кроме того, подобные следы потертости заметны и на конических днах сосудов (рис. 1). Все это убедительно указывает на то, что сосуды, действительно, утверждались в узких цилиндрических трубках, каковыми могли явиться подсвечники типа наших церковных или типа найденных в Туркестане, может быть, обслуживавших мусульманские мечети. В подтверждение высказанной мысли следует еще указать на тот также положительно установленный факт, что орнаменты на сфероконических сосудах покрывают в большинстве случаев только верхние части, тогда как нижние части, долженствовавшие погружаться в трубку подсвечников, остаются или без всякого украшения, или с украшениями упрощенного вида; а это указывает на то, что украшение сосудов велось с расчетом постановки их в углублениях подсвечников. Таким образом, и эта деталь

не только не противоречит, но еще более утверждает мысль, что сфероконические сосуды служили именно светильниками, ставившимися на подсвечниках (рис. 12); но при этом возникает вопрос, какое могли представлять практическое удобство такого рода отъемные светильники при постановке их на подсвечниках?

Ответ представляется нетрудным. Русским православным христианам хорошо известны восковые свечи-налепы (рис. 13). Эти короткие толстые свечи, будучи вставлены в металлические чашечки, утверждаются на высоких металлических цилиндрах, своею формою имитирующих большие восковые свечи, поставленные или на высоких подсвечниках, или на больших парадных паникадилах. Удобство свечей-налепов заключается в том, что их легко снимать для зажигания, поправок и гашения, словом регулирования горения. С совершенно таким удобством должны были связываться и отъемные сфероконические глиняные лампы. Сходство в этом могло быть полное. К сожалению, неизвестен генезис церковных свечей-налепов, но не будет странным, если выяснится, что они получили свое начало от мусульманских светильников в форме сфероконических глиняных ламп.

Среди средне-азиатских памятников Государств. Исторического Музея оказалась уже дважды упомянутая глиняная лампа плоской кольцевидной формы с узким горлышком. Эта лампа покрыта сравнительно богатым орнаментом кругом. Очевидно, лампа должна была выставляться на показ со всех сторон, и можно полагать, что она утверждалась также на высоком подсвечнике (рис. 11) или в высокоприбитых бра, имевших приспособление, на которое надевалась своим срединным отверстием кольцевидная лампа. Будучи зажженною, такая оригинальная лампа, покачиваясь на своей оси, могла представлять особенно эффектное зрелище, привлекавшее внимание людей, что и побудило мастера придавать больше красоты самой лампе. В практическом употреблении такая качающаяся лампа так же, как и обыкновенная сфероконическая лампа, могла быть легко снимаемою с подсвечников и бра для наливания ее горючим составом, зажигания и гашения огня.

Группируя булгаро-татарские древности в культурном порядке Государств. Исторического Музея, мне удалось еще столкнуться с двумя бронзовыми и небольшими лейками, имевшими вид ковшиков с ножками и узкими длинными носками (рис. 14 и 15). Ручки и бока леек орнаментованы листовидными вырезами, указывающими, что предметам придавалось особенное в быту значение; на боковых листовидных придатках одного из них

имеются начертанные две надписи (рис. 16). При первом взгляде на оригинальные лейки можно убедиться, что они предназначались для вливания жидкости в сосуды с очень узкими горлышками, а такими сосудами в булгаро-татарских приволжских культурах могли быть только сфероконические глиняные лампы, для которых, очевидно, и выработался специальный тип долгоносых леек.

Любопытно отметить, что надписи одной из леек оказываются очень похожими на те, которые были много раз наблюдаемы на сфероконических лампах, найденных в развалинах города Сарая и других местностей Волжской Булгарии [1]). Чтение этих загадочных надписей не установлено, и, повидимому, они должны быть связаны с древнею письменностью татар. Факт нахождения подобных надписей на сфероконических лампах и лейке может указывать на их одновременность существования и еще раз подчеркнуть их связь в бытовом употреблении.

Заканчивая исследование сфероконических глиняных ламп, необходимо еще упомянуть, что на некоторых из них имеются арабские надписи, оттиснутые по сырой глине при изготовлении сосудов. Так, на двух из них, как было замечено, имеется надпись: bi Hama, указывающая на производство сосудов в небольшом сирийским городке Гаме; на одном сосуде оттиснуто три слова: bi resm et maati, что, по объяснению А. К. Маркова, означает „по высочайшему повелению“, и, наконец, на двух сосудах написано-Mohammed [2]).

Имеются арабские надписи и на медных цилиндрах, составлявших, вероятнее всего, части высоких подсвечников, найденных в Туркестане (рис. 9 и 10); к сожалению, эти надписи еще не прочитаны [3]), но присутствие их на подсвечниках согласуется с присутствием на глиняных лампах, указывая на распространенность обычая снабжать подобные предметы надписями.

Итак, в настоящее время имеется уже вполне достаточно фактов для положительного утверждения, что сфероконические глиняные сосуды, находимые в пределах Мусульманского Востока, служили лампами, светильниками, при чем очень правдоподобным представляется, что эта форма ламп была вызвана удобством обращения с ними при условии помещения их на высоких метал-

---

[1]) Э. Ленц. „О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах Мусульманского Востока“, стр. 0112.

[2]) Ibid., стр. 0111 и 0112.

[3]) Две части медного подсвечника, находящиеся в Государств. Историческом Музее.

лических подсвечниках, образцы которых найдены в Туркестане, изобилующем и находками сфероконических ламп. Принимая же во внимание, что многие из этих ламп отличались высокими качествами, как в отношении совершенства техники их обработки, так и красоты орнаментации, а также и то, что для обслуживания их был выработан особый специальный тип металлических леек, можно допустить, что такого рода особенные лампы предназначались для освещения особенных помещений, вероятнее всего, мечетей. Простые же лампы могли обслуживать и домашние потребности.

При этом, однако, естественно возникает вопрос, как же объяснить те факты, что в одних сфероконических сосудах находят ртуть, в других раздают священные жидкости?

Сфероконические лампы представляют из себя очень компактные сосудики, которыми можно с удобством воспользоваться для разных бытовых потребностей, совершенно не совпадающих с потребностями прямого назначения предметов. В Московском Кремле было найдено два восточных сосуда зарытых вместе, из коих в одном (сфероконическом) оказалась ртуть, а в другом— грамоты времен Дмитрия Донского [1]). Само собою разумеется, что как последний из этих сосудов никогда не предназначался его творцом служить в роли архива, так и первый никогда не назначался для хранения в нем ртути, но то и другое случалось, и, очевидно, потому, что восточные сосуды были для обеих целей в данном случае наиболее подходящими. Точно также сфероконические сосуды могли быть пригодными для хранения пороха, священных реликвий и других веществ, требовавших прочных небольших сосудов.

Мы видели, что сфероконические глиняные лампы пользовались наиболее широким распространением в XIII и XIV веках по Р. Хр. Возникает еще вопрос, благодаря какой причине они, если не совсем исчезли, то утратили свою популярность в более поздние времена? Можно полагать, что сфероконические лампы были вытеснены распространившимися формами европейских подсвечников, что, по некоторым данным, случилось около XV века под влиянием оживленной венецианской торговли с Мусульманским Востоком. Конечно, возможно вытеснение сфероконических ламп и другими более удобными формами светильников.

Настоящая работа, написанная в 1916 году, долго оставалась ненапечатанною. Между тем, в 1922 году в Казанском Музейном Вестнике (№ 2, стр. 75—119) З. З. Виноградов напечатал очень

---

[1]) Э. Ленц, цитир. труд, стр. 0106.

обстоятельную статью под заглавием „Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием", где он доказывает, что прямым назначением сфероконических сосудов являлось хранение в них воды то святой, взятой из священных источников, то простой— питьевой, взятой из обыкновенных колодцев и бассейнов. Эта мысль оригинальна и поэтому заслуживает внимания. Познакомившись с нею в 1920 г., я очень заинтересовался ею, советовал автору научно обосновать и опубликовать ее; когда же работа его вышла в печати, внимательно изучил ее, при чем, однако, не мог убедиться в том, что доводы, приводимые в защиту новой мысли, являются более сильными, чем доводы, приводимые в пользу мысли о ламповом назначении сфероконических сосудов. Прежде всего, совершенно невероятным представляется употребление сфероконических сосудов для хранения питьевой воды, потому что для этой цели они слишком малы и не имеют никаких приспособлений для переноски их. Формы водоносных туркестанских и приволжских фляг известны: они нисколько не похожи на сфероконические сосуды, имеют один бок плоским, а другой полусферическим или оба бока плосковатыми, рассчитанными на удобство переноски их сбоку или на спине рабочего человека или для притарачивания к седлу лошади; объемы их во много раз более обычных сфероконических сосудов.

Гораздо серьезнее представляется мысль о назначении сфероконических сосудов для переноски воды из священных источников. Однако, доказать эту мысль можно только при условии существования выработки этих сосудов в местах нахождения таких источников, например, хотя бы в Мекке, при источнике Зем-Зем, где, однако, такие сосуды остаются неизвестными: очевидно, в Мекке они не вырабатывались, и к источнику Зем-Зем, куда стремятся все правоверные магометане, с такими сосудами не направлялись.

Формы рыбообразных сосудов, описанные З. З. Виноградовым, очень интересны. К сожалению, ни у одного из них не сохранилось самой важной верхней части, и поэтому затруднительно утверждать связь их с типичными сфероконическими сосудами.

Замеченная мною влагопроницаемость некоторых приволжских сфероконических сосудов совершенно не говорит в пользу идеи употребления их для хранения святой воды, запасавшейся на более продолжительное время, а между тем такие сосуды вполне могли служить лампами, потому что влитое в них масло выгорало в короткое время, в которое жидкость в сколько нибудь значительном количестве просачиваться не могла.

Очень интересно указание З. З. Виноградова, что в окрестностях Казани, на кладбище монастыря в Кизицах, имеется надгробный памятник, изображающий сфероконическую зажженную лампу, поставленную на одноногую подставку: памятник, очевидно, воспроизводит ритуальную лампу, как символ горячей молитвы об усопшем, при чем моделью для памятника мог послужить известный скульптору тип сфероконической лампы, поставленной на высокую подставку. 16 октября 1919 г. А. А. Семенов (из Ташкента) сообщил мне, что ему удалось найти в Туркестане большой металлический подсвечник в виде высокой колонки, имевший наверху ввинченную чашечку с высокими краями, в которую ставился отъемный светильник. Такие подсвечники, по словам А. А. Семенова, употребляются в Туркестане и до настоящего времени. Известно еще одно резное изображение сферического висячего светильника на татарском надгробном памятнике, найденном в 1924 г. проф. А. С. Башкировым на кладбище городища Эски—Юрта Кырк-Азислер, хранящемся в настоящее время в Бахчисарайском Музее. Памятник относится к концу XIV века.

Все это, однако, говорит только в пользу назначения сфероконических глиняных сосудов служить лампами или вообще светильниками, а не в пользу другого какого-либо назначения[1]).

---

[1]) Когда настоящая заметка была набрана в типографии, я получил от М. И. Образцова, действительного члена Обшества Друзей Гос. Исторического Музея, проживающего в г. Пахлеви (в Персии) письмо от 7-го января 1926 года, в котором он сообщает, что будучи в г. Тегеране, приобрел несколько древних предметов из развалин г. Реи, разрушенного в XIII веке, и среди них один сфероконический глиняный сосуд с арабскою надписью „баги", что значит по русски „остатки вселенной".

„Местное название этих сосудов теперь, пишет М. И. Образцов, — „кандыль", и сами сосуды почитаются среди мусульман священными. Их можно встретить в мечетях. укрепленными возле проповеднической кафедры муллы (по бокам ее). В дни траура мулла на них устанавливает зажженные свечи. Такой же формы имеются сосуды из бронзы в современных синагогах [Персии], также размещенные по бокам амвона, откуда раввин произносит проповеди и совершает молитвы. В настоящее время большинство мечетей, за отсутствием древних сосудов, заменяет их медными и серебряными современной выработки. Эти сосуды служат также здесь, в Персии, священными предметами, на которых дают клятву, а мулла совершает свой намаз".

Таким образом, получается новое подтверждение, что прямым назначением сфероконических сосудов в мусульманском мире было служить светильниками. Прикрепление к ним свечей, вместо вливания горючих жидкостей, следует считать позднейшим нововведением, так как форма древних сосудов определенно указывает, что они предназначались служить лампами, а не подсвечниками.

Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор.

Б. Н. Граков.

Среди памятников античности, найденных на Юге России, одна категория занимает особенно видное место. Это — керамические клейма, большая часть которых оттиснута на ручках и горлах эллинистических амфор. Значительное их распространение в комплексах археологических памятников как на городищах, так и в могильниках придает им особенный интерес. С одной стороны, принадлежность той или иной группы этих клейм определенному месту фабрикации амфор и область их распространения могут служить ценным материалом для истории торговых отношений в эллинистическое время. С другой стороны, разнесение их во времени, в виду их широкого распространения, может помочь при датировке находимых с ними предметов. Исследование клейм в обоих указанных отношениях ценно и для истории греческих поселений, и для памятников соседних с этими поселениями варварских культур, потому что клейма нередко встречаются и среди этих последних.

Среди керамических клейм есть одна группа, которая не подвергалась еще исследованию в указанном отношении, а лишь была издана, и то не в большом количестве. Это — клейма, оттиснутые вдавленными буквами на горлах некоторых амфор, происходящих с Юга России. Целый ряд особенностей как в типе самых амфор, так и в форме и содержании надписей заставляет объединить их в одну группу. Предметом настоящей статьи является именно эта группа. Государств. Исторический Музей обладает небольшим, но довольно ценным собранием этих клейм. При составлении помещенного в конце этой статьи списка выпущен ряд фрагментов, которые не удалось удовлетворительно прочитать, а также сюда не попали немногие из клейм исследуемой группы, еще не прошедшие через наши руки, так как кера-

мические клейма Исторического Музея сейчас находятся в стадии общей обработки. Однако, список лишь немного меньше истинного количества клейм нашего музейного собрания. Это приложение стремится несколько увеличить число опубликованных клейм этой категории и дать тот материал, на котором, помимо публикаций, базируется настоящее исследование.

Список известных нам публикаций не очень велик. Он ограничивается следующими изданиями.

1. Ашик. Воспорское царство, том II, стр. 84—86 (3 экз).—А.

2. P. Becker. Ueber die im südlichen Russland gefundenen Henkelinschriften auf Griechischen Thongefässen. Bulletin historico—philologique de l'Académie de St. Pétersbourg, 1854. XI. Стр. 324, № 65 (1 экз.).

Вероятно, горло нашей категории. — $B_{XI.}$

3. P. Becker. Ueber eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. Jahrbücher für classische Philologie. IV. Supplementband. Leipzig. 1861. Стр. 461—463. — $B_{IV.}$

4. P. Becker. Ueber eine zweite u. s. w. Ebenda. V Supplementband. Стр. 471—474. Повторены те же клейма, что и $Б_7$, добавлены лишь три новых клейма. Из них №№ 46 и 57 недоступны прочтению и лишь № 50 дает новое — BV. Под этим сокращением цитируются лишь добавочные к $Б_7$ клейма.

5. P. Becker. Ueber eine dritte u. s. w. Ebenda. Supplementband X, отд. IV, №№ 13 и 14. Издано автором по копии и помещено неправильно среди ручек. Ebenda. Nachtrag, IV. №№ 7, 8, 9 и 10. — B_X.

6. П. Беккер. О надписях на ручках греческих амфор и т. д. З. О. О. И. и Д., том 5, стр. 28—31. Все клейма повторены B_{IV}; цитируются под сокращением B_{IV}.

7. П. Беккер. Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов, найденных в Южной России. Записки Одесского Общества Истории и древностей, VII, стр. 1—84 (18 экз.)—$Б_7$.

8. П. Беккер. О надписях на ручках греческих амфор из собрания И. К. Суручана. З. О. О. И. и Д., том XI, стр. 25 и 26, повторены B_X, цитируются под сокращением $B_{X.}$.

9. Macpherson. Antiquities of Kertch. Plate X. № 1.—Mc.

10. Ю. Ю. Марти и В. В. Шкорпил. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в г. Керчи. Одесса. 1910. З.О.О. И. и Д., том XXVIII, стр. 42—44 (15 экз.)—МШ.

11. Н. Мурзакевич. Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае. З.О.О. И. и Д., том II, стр. 411 (5 экз.)—$М_2$,

12. Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания (152 экз.). Петроград, 1917.—Пр.

13. А. С. Уваров, гр. Древности Южной России, табл. XII, № 22 (1 экз.). В собрании Исторического Музея, повторен в нашем приложении. Цитируется под нашим №.

14. Б. В. Фармаковскйй. Раскопки в Ольвии в 1901 г., Известия Археологической Комиссии, вып. 8. Стр. 71. (1 экз.) В собрании Исторического Музея, повторен в нашем приложении. Цитируется под нашим №.

15. В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским Музеем древностей в 1901 и 1902 гг. Известия Археологической Комиссии, вып. II, стр. 149—153 (32 экз.)—$Ш_{11}$.

16. Э. Р. фон-Штерн. О последних раскопках и находках в Ольвии. З.О.О. И. и Д., том 22. Протокол 319 заседан., стр. 119, № 9 (1 экз.)—$Шт_{22}$.

17. Э. Р. фон-Штерн. Новый эпиграфический материал на Юге России. З. О. О. И. и Д., том 23, стр. 30 и 33 (3 экз.)—$Шт_{23}$.

18. Э. Р. фон-Штерн. Археологические новинки. З. О. О. И. и Д., т. 25. Протокол 342 засед., стр. 60 (1 экз.)—$Шт_{25}$.

19. В. Н. Юргевич. Надписи на ручках амфор из коллекции И. И. Куриса. З. О. О. И. и Д., т. XI, стр., 64. № 16 (1 экз.)—$Ю_{11}$.

20. В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 году. З. О. О. И. и Д., том XVIII. Одесса 1895 г., стр. 106—120 и стр. 128—165. (всего 61 экз.)—$Ю_{18}$.

21. В. Н. Юргевич. З. О.О. И. и Д. XXI. Протоколы, стр. 26—32 (3 экз.)—$Ю_{21}$.

22. M. Ebert. Ausgrabungen auf dem gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift. B. V. ss. 1—79, (25 экземпляров, из них 4 не поддаются прочтению).—E.

Нами опущены публикации Стефани в отчетах Археологической Комиссии и клейма „Antiquités du Bosphore Cimmerien“, так как они повторены у Е. М. Придика. Общее число клейм в изданиях и подлинниках, с которыми нам пришлось оперировать, несколькими экземплярами больше трехсот. С любезного разрешения Е. М. Придика мы имели возможность просмотреть соответствующий отдел рукописи III тома IosPE и воспользоваться некоторыми его данными для своих выводов. С изданием этого

свода керамических надписей общее число наших клейм увеличится почти до 800.

При обследовании алфавита нашей группы клейм мы могли воспользоваться собранием Исторического Музея и в подлиннике всеми клеймами Государственного Эрмитажа. Таким образом, из трехсот клейм 200 слишком были в наших руках. Издания, стоящие под №№ 1—4, 17 и 22, дают возможность с некоторой точностью судить об алфавите, благодаря специальному типографскому набору, а последнее по точным копиям. В остальных изданиях клейма даны в заглавном греческом шрифте, но все же можно быть уверенным в том, что алфавит ничем не отличается от остальных. Клейма из собрания Исторического Музея цитируются под сокращением И. М. с номером приложения к настоящей статье. Так как среди энглифических клейм с нашего Юга огромное большинство, но все же не все, относятся к нашей группе, то при определении этого по отношению к собраниям Эрмитажа и Исторического Музея мы руководствовались всеми данными, а при использовании изданий — шрифтом, диалектом, собственными именами и общим содержанием клейма, что дает почти полную гарантию за принадлежность клейма к рассматриваемым здесь. Несколько клейм эрмитажного собрания, а именно №№ 24, 58, 75, 99, 101, 123, 143, 147, 169, и стр. 143 №№ 1—3 по глине, шрифту и типу горл не могут быть отнесены к исследуемой группе. Из них клеймо № 24 будет ниже рассмотрено подробнее. Все клейма Исторического Музея, прошедшие через наши руки, безусловно принадлежат к одной категории и к той же, что большинство эрмитажных.

До сего времени мы не имеем в научной литературе определенного мнения об этой группе. Единственная попытка В. Н. Юргевича, рассматриваемая ниже, совершенно неудовлетворительна, хотя весьма важно то, что он первый взглянул на эти клейма, как на одну группу, хотя и не высказал этого достаточно ясно. Между тем в самых клеймах, и в их языке, и в изображениях на них, и в палеографических данных, и в собственных именах, и в глине, и типе амфор есть безусловно объединяющие признаки и вехи для ответа на два основные вопроса, которые, по высказанному нами мнению, являются основными по отношению к каждой объединенной группе клейм. Описание отличительных признаков исследуемой группы, попытка определить место фабрикации носивших эти клейма амфор и найти им место во времени—вот задача, которую я ставил перед собой, приступая к этой работе. Что же касается термина „энглифические“, упо-

требляемого нами для вдавленных клейм, то он введен П. Беккером и принят здесь, как отчетливо выражающий основную их особенность, так как и подавляющее большинство клейм прочих групп имеет рельефный шрифт.

Глина и тип амфор описываемой группы.

Все амфоры и их фрагменты нашей группы имеют глину в свежем ее изломе кирпично-красную с желтоватым оттенком. В ней много мелких крупинок черного и белого цвета. Первые всегда мельче вторых. При этом белые крупинки матовые, а черные блестящие, так что иногда они кажутся как бы зеркальными.

Самые амфоры, сколько можно судить по тем цельным экземплярам, которые есть в Эрмитаже и в Государств. Историческом Музее, все одного типа и отличаются друг от друга только большей или меньшей аккуратностью работы. В собрании Исторического Музея 9 цельных сосудов этого типа. О верхней части можно также судить по фрагментам и цельным горлам.

Высота всего сосуда колеблется от 67 ст. до 71 ст. При этом высота плеч и горла — от 26,5 ст. до 30 ст., а высота ручек — от 22,5 ст. до 27 ст. Эти величины всегда изменяются в одном направлении. Бортик горла у большинства амфор и фрагментов имеет сходную форму. Вполне близки общие линии контура и ножки, хотя, к сожалению, из 9 цельных амфор Исторического Музея у трех последние неполны.

Под самым бортиком на большинстве горл амфор проходит опоясывающая полоска красной краски. Она, надо думать, налагалась довольно жидкой, так как очень часто видны следы стекавших вниз по горлу капель. На тех вещах, где нет сплошной полосы, очень часто находятся следы краски в разных точках, где должна была проходить эта полоса. Очевидно, краска здесь сошла, и весьма вероятно, что такие полосы проводились на всех амфорах этого типа. Впрочем, этот обычай не является чем то исключительным, так как, судя по другим эллинистическим амфорам, это практиковалось и в других местах фабрикации.

На прилагаемой таблице № I, фот. 1 и 2 представлены две амфоры. Несмотря на грубость работы одной амфоры, видна общность ее типа с правою. Высокое горло при низких плечах, постепенно сближающиеся между собой ручки при их спуске к плечам, резкая линия, отграничивающая плечи от горла; ровные, почти по прямой спускающиеся к ножке линии контура у сужи-

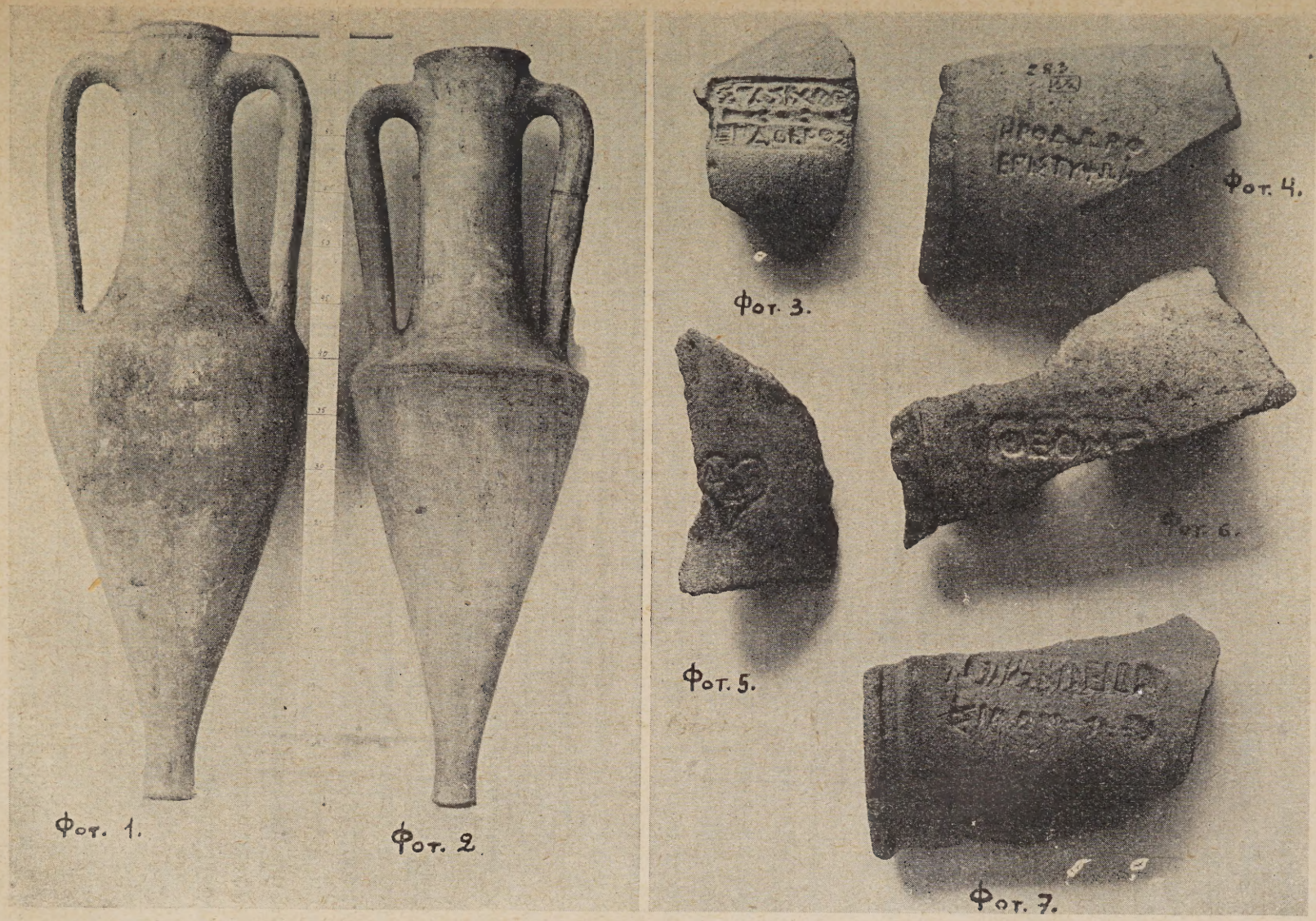


Табл. I.

вающегося корпуса, переходящие в короткую, едва расширяющуюся книзу ножку—вот признаки этих амфор.

Особенно существенны для нас формы бортиков горла, так как клеймо находится именно на этой части сосуда (табл. II, рис. 1). Бортик всегда закругленно начинается со внутренней стороны стенок горла, а не отрывается от них резким углом, как у ряда других типов. Затем он округленно переходит наружу и спускается вниз, лишь в нижней части под углом поворачивая к стенке (табл. II, рис. 1, фиг. а). Это — наиболее обычная форма. Иногда он несколько приподнимается вверх, тогда его верхняя линия и нижний поворот стоят к стенке горла под тупым углом (табл. II, рис. 1, фиг. б). Наконец, третий вид его сравнительно очень редок: он тоже мягко и закругленно начинается от внутренней стороны, но его падение совершается почти вертикально, отчего снаружи линия бортика кажется почти плоской (табл. II, рис. 1 фиг. в). Этот вид много реже двух первых. Ножка амфоры короткая, слегка расширяется книзу. Здесь она или срезана плоско (табл. II, рис. 2, фиг. а), или имеет суживающийся к середине круглый ободок (табл. II, рис. 2, фиг. б). С нижней стороны в ней находится углубление с широким и круглым отверстием в виде невысокого усеченного конуса. Это углубление имеет важное типологическое значение, так как каждый тип амфор имеет особую ножку, низ которой трактуется всегда очень своеобразно. При этом, если есть такое углубление, как в нашем случае, то оно всегда имеет особенную для данного типа форму. Свежий излом глины и тип горла — хорошие признаки в выяснении сомнительных случаев принадлежности клейма к нашей группе.

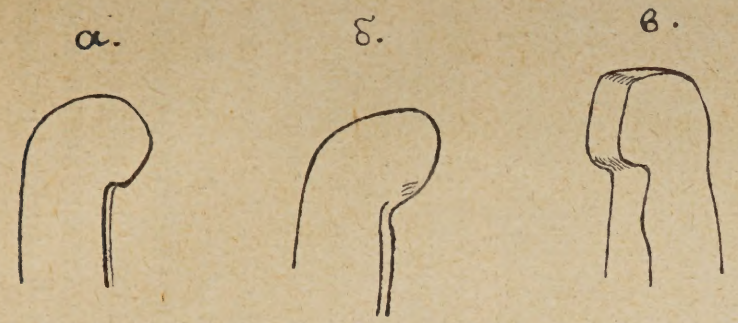
Таков в общем тип амфоры с энглифическими клеймами. Он стоит особняком от других и по своим внешним чертам, и по характеру клейма. Последнее, не отличаясь обилием форм, оригинально своим алфавитом и способом наложения.

Формы клейм, букв и изображения.

Форма энглифических клейм в огромном большинстве прямоугольная. Однако, вследствие того, что рельеф букв на печати был высок, очертания клейма редко выходят целиком, а в большинстве случаев лишь частью в противоположность таким же клеймам на амфорных ручках. Большею частью контуры клейма отсутствуют вовсе, и в таких случаях глубина букв, а следовательно и рельеф, на печати особенно велики.

Единицами встречаются клейма других очертаний. Иногда они имеют форму треугольника. Три раза надпись идет по сто-

Рис. 1.



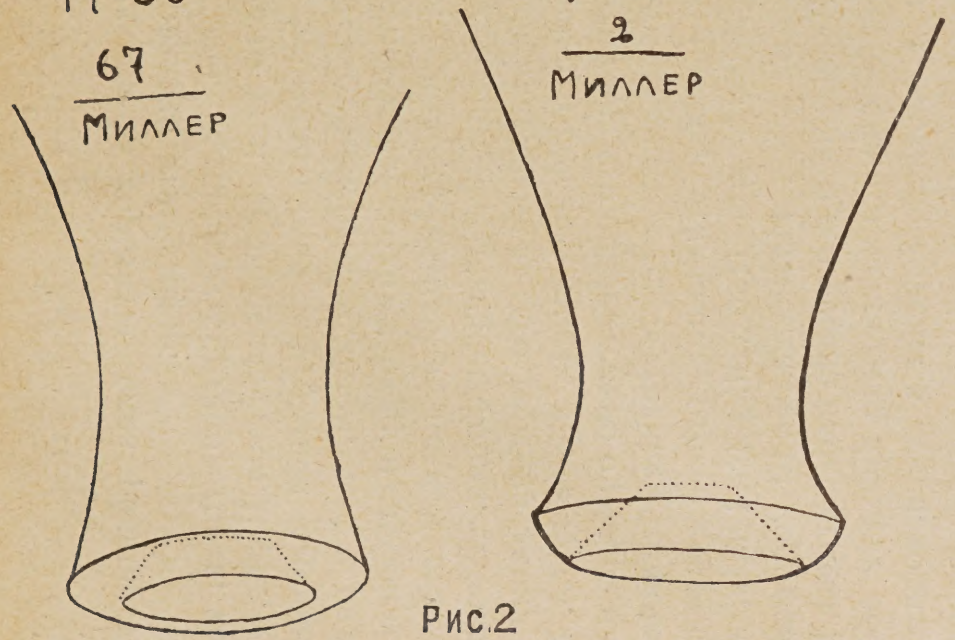


Рис. 2

Высота от плеча 21 cm.
Высота ручки снаружи
15,5 cm.

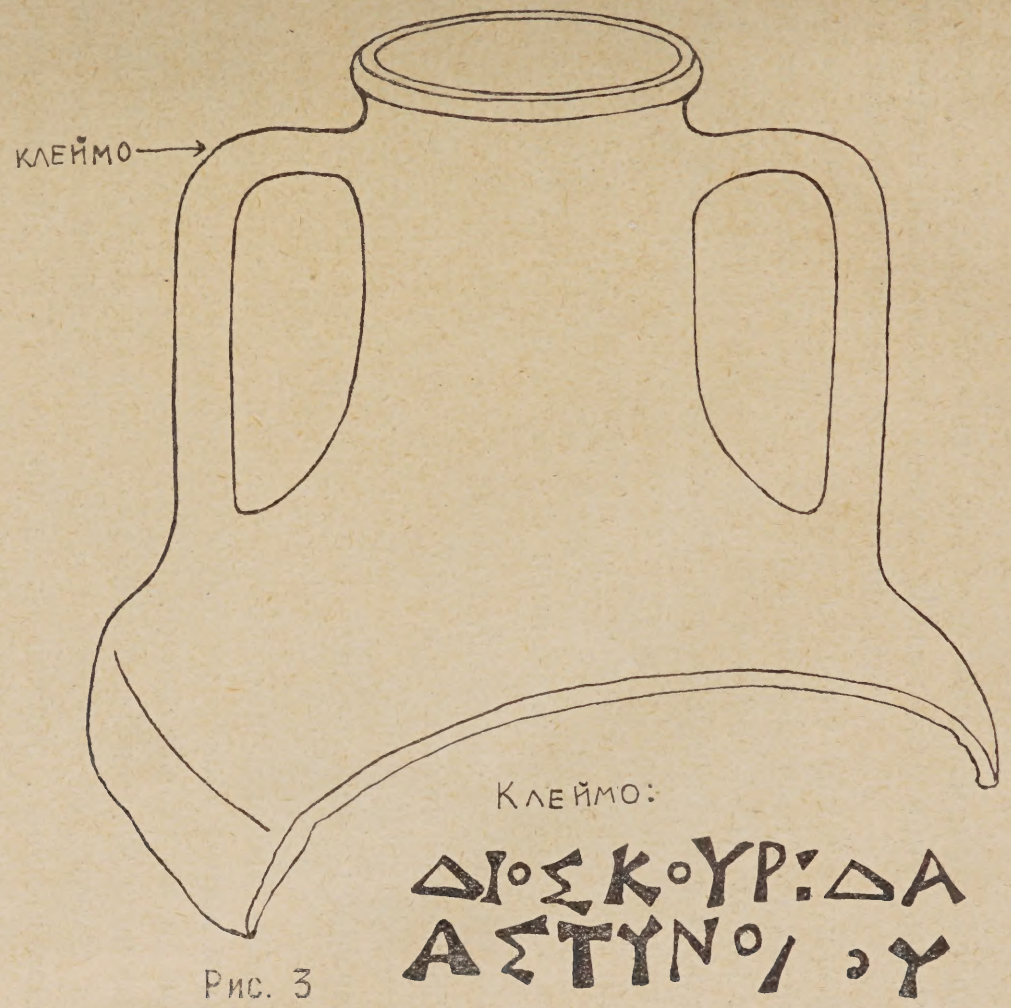


Рис. 3

ронам треугольника, а в середине клейма находится виноградная гроздь ($Ш_{11}$ 673, Пр. стр. 120, № 30) и ($Ю_{18}$, стр. 113, № 40).

Клейма треугольной формы есть также $Ю_{18}$, стр. 107, № 15, стр. 108, № 19 и $Шт_{22}$, стр. 119, № 9. Расположение строк по изданию неясно. Такую же форму имеет клеймо Пр., стр. 121, № 33, здесь в вершине треугольника расположена палица, а ниже идут строки надписи. В нашем собрании есть только одно клеймо, имеющее форму треугольника. При этом у нашего клейма вышло лишь основание треугольника (И. М. 27). Очень редки клейма ромбической формы. Точно по литературным данным можно сказать это только относительно 2-х клейм (Пр., стр. 123, № 91 и Пр., стр. 119, № 3). Очевидно, однако, что клейма М. Ш. № 263 и $Ю_{18}$, стр. 125, № 16 были вполне идентичны с клеймом Пр., стр. 119, № 3, насколько можно судить по расположению букв и содержанию надписи.

С неясным содержанием ромбическое клеймо $В_V$, стр. 471, № 46. Иногда клеймо имеет форму сердцевидного листа (табл. I, фот. 5). В указанной литературе и нашем собрании мне известно семь таких клейм. Буквы в них располагаются различно. Эти клейма— Пр., стр. 123, № 82, Пр., стр. 123, № 95, Пр., стр. 124, № 96; клеймо нашего Музея из собрания П. О. Бурачкова № 286 с надписью Α(ρχ)έλα, причем во второй строке буквы идут справа налево; к этому клейму, если не дублет, то параллель представляет клеймо $Б_7$, стр. 33, № 12, где ясно, хотя вероятно несовсем правильно, показана форма листа, и расположение надписи Ἀρχέλα то же, что и в нашем клейме, только во второй строке ρχ расположены в обычном порядке. Таковы еще И. М. №№ 26 и 29. Дальше мне известно пять случаев круглых клейм: Пр., стр. 123, № 70, $Ю_{18}$, стр. 115, № 74. Наконец, в собрании Государств. Исторического Музея два круглых клейма: одно с надписью Ἱστιηίο(υ) Ἀνδρονίχο(υ), второе неизвестного происхождения;—надписи мне до сего времени разобрать не удалось. Пятое с неясной надписью — $В_V$, стр. 473, № 57. Другая, известная мне форма клейма вытянутая, с закругленными концами (табл. I, фот. 7). Ее мы встречаем у $Ш_{11}$ № 678, и нашего собрания Инв. № 40711 (И. М. 39). Наше клеймо длиннее и уже, так как надпись в нем расположена не в две строки, как у В. В. Шкорпила, а в одну. Есть также два случая крестообразных клейм. Здесь надписи идут в концах креста, а в центре находится изображение — чаши ($Ю_{18}$, стр. 106, № 7) и грозди (И. М. № 60).

Тогда как при редких формах клейм надписи в них располагаются различно, при прямоугольном клейме они идут правиль-

ными строками, при чем оттискиваются обычно не поперек горла, а по вертикали; начало их может находиться как со стороны бортика, так и снизу. Буквы при этом располагаются так, как если бы надпись шла по горизонтальной строке. Вырезываются клейма обычно правильно, и надпись идет слева направо, за немногими исключениями, когда буквы были в прямом порядке вырезаны на печати. Такое обратное чтение встречается — М. Ш. №№ 266, 267, 270 и 275, т.-е. 4 раза, из 16, $Ш_{11}$ № 675, т.-е. 1 раз из 26 Пр, №№ 25, 31, 34, 69, 70, 82, 102, 115, 119—120, 121, 124, 128, 129, 130, 133, 137, 143, 157, 162, 163 — 21 раз из 152 энглифических клейм, таких клейм совершенно нет у П. Беккера, пять из Феодосийских экземпляров Юргевича ($Ю_{18}$, стр. 108, № 58, стр. 155, № 19, стр. 157, № 37 и стр. 165, № 88), в нашем собрании 8 случаев, т.-е. обратных клейм немного, некоторые из приведенных №№ совпадают между собой. Клейма прямоугольной формы имеют обычно две, редко одну и еще реже три строки, при этом одно имя часто пишется в две строки. Редко при этом строки идут не друг над другом, а в ином расположении. Так, у $Шк_{11}$ № 679 первая строка полукругом расположена над второй, Пр. № 13 имя фабриканта расположено в две строки в дополнительном штемпеле перед надписью с именем магистрата поперек. Пр. № 26 надпись идет по трем сторонам прямоугольника. Так же расположена надпись в нашем собрании у одного неразобранного мною вследствие незначительности сохранившейся надписи клейма, из раскопок Ястребова в Ольвии. Очень необычно расположение букв у $Ю_{18}$, стр. 106, № 7, но, вероятно, форма клейма была треугольная. В двух случаях отдельные буквы направлены в обратную сторону, чем идет надпись. Пр. № 34 при чтении справа налево ε открыт в обычную сторону; Пр. № 162 при чтении слева направо ρ повернуто влево. У нас № 21 буквы ρ и χ имеют обычную форму, но читаются справа налево. Наконец, весьма редки случаи, когда чтение приходится начинать с нижней строки. Таковы надписи Пр. 16 и $Ш_{11}$ № 678. В обоих случаях чтение слева направо. Среди доступных мне клейм оказалось относительно мало отклонений от нормы.

Клеймо одно стоит на горле между ручками, как это видно из наших цельных амфор и горл и немногих изданных цельных сосудов других собраний. Только однажды $Ю_{18}$ стр. 106, в примечании к № 7 сказано: „Ἀρχέλα с двух сторон цельной амфоры в нашем Музее“. Конечно, здесь это результат небрежности штемпелевавшего, а не обычай.

Алфавит наших надписей легко можно представить себе в целом по нашему собранию и изданиям $Ш_{11}$ и Пр. Он чисто ионический, довольно ранний для эллинистической эпохи, относительно простой и однообразный. Ниже на таблице я привожу его формы (см. табл. III). Это однообразие дает нам возможность издать эти клейма minusculis.

При ближайшем рассмотрении алфавита оказывается, что формы букв встречаются в очень разнообразных сочетаниях, и едва ли представляется возможность разбить их на точные хронологические группы. Здесь приходится руководиться не столько формой отдельных букв, сколько общей манерой письма. Эта последняя также разнообразна, но в ней, по крайней мере, заметны две группы. Первая отличается узкими буквами, высота которых очень превышает их ширину, при том расположенными в довольно тесном строе. Эта манера отличается также тем, что при ней величина букв не превышает 0,1 ст., буква π имеет вторую ножку, всегда не доходящую до половины первой, μ и σ расставлены широко наискось, и их острия никогда не бывают сближены (на таблице первые буквы), ω очень узка и вытянута вверх. И ϑ, и ο, и ω (которая при этом обычно лишь ниже других букв и редко короче снизу и сверху), хотя и меньше других букв, но незначительно. Эта группа по характеру начертания должна быть отнесена к последней четверти IV и рубежу III веков (табл. I, фот. 4).

Вторая отличается шириной букв, немногим меньшей, чем их высота, беглой, местами широкой, местами тесной расстановкой букв, разнообразной их высотой от 0,07 ст. до 0,13—14 ст. Особенно часты μ и σ со сближенными остриями, хотя их боковые у первой и верхняя и нижняя у второй черты широко наискось расставлены. π всегда имеет вторую ножку не короче половины первой, изредка доходящую даже до $^3/_4$ ее длины. Редко встречается σ с почти горизонтальными чертами, но все же идущими наклонно. Эти формы неточно переданы у Придика и Шкорпила как Σ и Π. Ω в этой группе всегда очень широка и, как в первой, всегда ниже других букв и лишь изредка не достает и до верха и до низа строки. В остальном форма букв не расходится с первой группой. Вся манера второй группы может быть отнесена лишь к III в. Возможно, что клейма с буквами, у которых разница между высотой и шириной почти отсутствует, и в которых встречаются вторые варианты π и σ, очень немногочисленные, могут быть отнесены к концу всего периода. Огромное большинство клейм приходится отнести ко второй группе. При каждом нашем клейме в приложениях указана его группа.

Формы букв.

Алфавит	I группа.	II группа.	Лигатуры II группы
α	A	A A	
β	B	B	
γ	Γ	Γ	
δ	Δ Δ	Δ	Δ = δα
ε	E E	E E	
ζ	—	Z	
η	H	H	H = ηρ
ϑ	⊙⊙	⊙⊙	
ι	I	I	
κ	K K	K K	
λ	Λ	Λ	ΛΛ = λλ
μ	M	M M M M	
ν	N И И	N N И Λ	
ξ	Ξ Ξ	Ξ Ξ	
ο	O O	O o	
π	Γ Γ	Γ Π	
ρ	P	P	
σ	Ϲ	Ϲ Ϲ Σ Ϲ	
τ	T	T	
υ	Y	Y	
φ	Φ	Φ	
χ	X	X	
ψ	—	Y (?)	
ω	Ω Ω Ω Ω	Ω Ω Ω Ω Ω	

В исследуемой группе совершенно отсутствуют π с равными вертикальными, μ с вертикальными чертами, σ с горизонтальными, лунарные ε и σ и закругленная ω, сходная с современной минускульной. Единственный случай лунарной сигмы B_{IV} сомнителен, так как сигма со сближенными остриями при глубоком вдавлении легко может быть принята за первую. Такие формы в изобилии появляются в керамических алфавитах с последней четверти III века до Р. Хр. Полное отсутствие их у нас позволяет, с большой долей вероятности, думать, что клеймение наших амфор закончилось в третьей четверти этого столетия. Буквы наших клейм никогда не имеют утолщений на концах, что является столь характерным признаком керамических надписей с последней четверти III века до Р. Хр. Это также приводит нас к только что намеченной дате. Определить хронологические рамки точнее по данным алфавита не представляется возможным. Глубина букв обычно довольно велика, отчего они часто сливаются и делаются неразборчивыми. Наоборот, если рельеф печати не был очень высок или штемпель сделан неглубоко, то буквы очень аккуратны и ясны. В общем, однако, несмотря на строгость и однообразие начертаний, большинство надписей не производит впечатления той чистоты и аккуратности, которые иногда достигаются на рельефных клеймах.

Сравнительно с клеймами других категорий наша не блещет разнообразием изображений, да и те, что есть, встречаются сравнительно редко. Мы находим три относительно более частые изображения: палицу (табл. I, фот. 3), гроздь винограда (табл. I, фот. 7) и сердцевидный лист. Кажется, что ни одно из этих изображений несвойственно тому или иному лицу, упомянутому на клеймах, исключительно. Только заметно, что иной гончар склонен к какому-нибудь из этих изображений, да сердцевидный лист особенно часто встречается при имени фабриканта „Ἀλκέτας“. Изображение палицы представляет тот безусловный интерес, что подобно многим клеймам других категорий с теми же, что на монетах их мест производства, изображениями, оно совершенно совпадает с таковым же на эллинистических монетах Херсонеса Таврического, Каллатии и Гераклеи Понтийской.

Много реже другие изображения: орел на рыбе (Пр. 24), лук (Пр. 48), серп луны (Пр. 69), чаша (Ю$_{18}$, стр. 106, № 7), дельфин (Ю$_{18}$, стр. 158, № 48). Первое из этих изображений свойственно монетам ряда Припонтийских ионических городов и клеймам на ручках амфор. Кроме этого изображения, клеймо Пр. 24 по одному из собственных имен, диалекту и глине не может быть отнесено

к нашей группе, хотя оно энглифическое. Его глина, изображение, диалект и алфавит позволяют видеть в нем необычное по способу наложения (на горле и вдавленно) клеймо из того же источника, что и большинство астиномных клейм.

Диалект и орфография.

Достаточно просмотреть изданные энглифические клейма на горлах, чтобы убедиться, что огромное большинство интересующих нас в данном случае принадлежит народу, говорившему на дорическом диалекте.

Всюду, где κοινή заменила древнюю дорическую $\bar{\alpha}$ через η, мы находим сохранение первого звука. Так, именительный и родительный падежи основ на $\bar{\alpha}$ и имена с коренной $\bar{\alpha}$ везде сохраняют этот звук. Примеры этого многочисленны и имеют только два исключения, приводимые ниже.

Основы на ι представлены слабо, но в имени Μᾶτρις мы находим родительный падеж на ιος у Придика стр. 121 № 41 и стр. 125 № 132. Наконец, существительные III склонения на —ης всегда имеют в родительном падеже формы на εος. Примеры этого немногочисленны, но не имеют исключений: $Ш_{11}$ № 678 — Διοκλέο(υ)ς, Пр. стр. 119 № 2 — Θεογένε[ος (при этом часть ο ясно сохранилась на надписи), Пр. стр. 120 № 22 — Δημ[οκ]ράτεος; Пр. стр. 120 № 30. Κα . . . . δ]εος, И. М. 40 и 68 'Αριστοκλέος и Νικοκλέος; $Ю_{18}$ ст. 154 № 14 'Αριστοκράτεος. Мы ни разу не встречаем другого окончания. В рукописи Е. М. Придика есть еще 3 примера того же окончания, и ни разу не попадается другой формы.

Имена, во второй половине имеющие —λαος, встречаются, в стяженной форме λᾶς. Примеры этого мы находим Пр. стр. 123 № 71. 'Αρχέλα, Юрг. З. О. О. XVIII стр. 106 № 7 'Αγασίλα, Беккер$_7$ стр. 33 № 12. 'Αρχέλα, И. М. №№ 19—21 'Αρχέλα. Следует отметить еще одно характерное явление. Сочетание —εο в орфографии сохраняется весьма твердо. Так, в именах, начинающихся на Θεο — почти всегда пишут εο. Лишь один раз мы находим Пр. ст. 121 № 40 — Θευγεν. Кроме того, один раз встречается орфография Θέδωρος (Пр. 120 № 23). Обратно, переходов дифтонга ευ в дифтонг εο мы тоже не находим. Единственный случай $Б_7$, стр. 29 № 42, мы имеем орфографию 'Ανθεός. Автор исправляет в 'Ανθε(ύ)ς, т.-е. видит здесь вариант именительного падежа в ином правописании. Однако, с большим правом здесь можно видеть дорический родительный основ типа βασιλεύς.

Все эти явления в отдельности могут быть отнесены к любому дорическому диалекту эллинистического времени. Однако,

в совокупности они дают указание на определенное его ответвление. Все они, а особенно твердое сохранение дифтонга ᾱο, с чрезвычайно редкой его заменой через ευ и обратно, орфография Θέδωρος (пока что, к сожалению, единичная, так как других случаев этого имени в печати пока нет) в столь последовательном сочетании особенно свойственны в начале κοινή Мегарской группе дорического диалекта (ср. A. Tumb, Handbuch der gr. Dialecten. Megara und seine Kolonien u. Sammlung der griechischen Dialect-Inschriften, III Band). Чрезвычайно интересно и очень обычно орфографическое колебание — дифтонг ει является то в своей канонической форме, то, и очень часто, просто в виде ε (напр., Εὐγειτίων и Εὐγετίων, Δεινόμαχος и Δενόμαχος, Ἡράκλειτος и Ἡράκλετος и т. п.). Редко встречается орфография ει через ι (Ἡρακλίδας и Εὐγιτίων). Что касается родительного 2-го склонения, то он очень часто встречается в форме — ο и редко в форме ου.

При этом из известных мне случаев имена чиновников с ἐπὶ все имеют окончание — ο, а окончание на ου лишь изредка встречается при именах фабрикантов. Прежние исследователи часто видели в первой форме лишь сокращение, иногда даже именительного падежа (особенно Беккер, ср. З. О. О. И. и Д. т. VII стр. 77). Это приводило к случайным восстановлениям, как у В. В. Шкорпила, то восстанавливавшего родительный, то именительный падеж. Последний исследователь Е. М. Придик всюду восстановил родительный. Однако, нет никакого основания видеть здесь хотя бы в одном случае сокращение именительного падежа. Среди целого ряда сокращений в нашей категории клейм ни одно не захватывает падежного суффикса. Невероятно, чтобы в одном этом случае сокращалась именно форма падежа. Небольшое количество форм на — ου указывает, что мы здесь имеем дело с двумя орфографическими вариантами и находимся при смене старого правописания (— ο), новым (— ου). Я решительно думаю, что форма на — ο во всех случаях представляет собою форму родительного падежа. Помимо проникновения в наш диалект родительного падежа на — ου, есть еще два случая, указывающие на начинающееся влияние κοινή. Первый случай, по рукописи Е. М. Придика, — Κρωμνίτης. Второй, хотя и единичен, но, несмотря на это, весьма знаменателен. Клеймо Пр. Стр. 120 № 22 читается:

ἐπὶ Δημ[ο —
κ]ράτεος. Σι.

Тут перед нами примеры замены дорического ᾱ через общегреческую — η. Во втором из них новый вариант корня сталкивается

вместе с тем с дорическим падежным суффиксом. В одном слове соединились старый и новый элементы. Как и окончание — ου, эта форма приводит нас к самому началу влияния κοινή. Подобно тому, как формы букв наших клейм наметили хронологические рамки, так и некоторые грамматические особенности приводят к тому же выводу. Утрата старых орфографий родительного падежа 2-го склонения и дифтонга ει закончилась в общем в конце IV века. Обнаруживающееся легкое влияние κοινή также заставляет думать об этом времени. Заметное вторжение формы родительного на ου переносит нас в начало III века. Но случаи орфографии дифтонга ει через ι, а также тот факт, что орфография ранняя сочетается с более поздним алфавитом, и общие данные, указывающие на консервативность грамматики наших клейм, заставляют вновь расширить дату. Действительно, исход сохранения старых форм правописания мог лежать лишь в конце IV века. С другой стороны ι вместо ει часто встречается в керамических надписях лишь с последней четверти III века. У нас это явление почти единично, но уже имеется, т.-е. мы стоим перед указанным моментом. Эти данные грамматики опять приводят нас искать конец наших клейм в третьей четверти III века.

При рассмотрении собственных имен оказывается, что имена мастеров всегда ставятся в родительном падеже с предлогом без обозначения титула. Имена фабрикантов или гончаров встречаются и в именительном, и в родительном падежах как в клеймах с именем магистрата, так и с именами других фабрикантов. Напротив, при одном имени гончара чаще встречается родительный падеж, но есть и именительный. В клеймах с двойными фирмами встречаются два именительных, два родительных и редко оба падежа вместе, при чем чаще родительный стоит на втором месте. Но случаи с родительном падежом на первом месте и отсутствие при втором родительном определенного члена не позволяет здесь видеть отчество.

Собственные имена.

Кроме общегреческих имен, видоизмененных там, где это естественно, дорическим диалектом, некоторые из имен представляют интерес, — одни редкостью, и иногда даже появлением только в наших клеймах, другие тем, что они могут дать указание на место производства наших амфор.

Следующие имена, греческие и варварские, встречаются только здесь или представляют некоторую редкость. Ἄθιος встречается только здесь; Αἰθήρ, с вариантом Ἀετήρ — тоже; Ἄχορνος —

имя это есть также на клеймах с именами астиномов; Ἀνθεύς — очень редко; Ἄρτων — только здесь, Βάκχος — редкое имя; Βλάσθος — в этой форме только здесь; Βόστρυχος — ему есть параллель только в C. I. A. 758 A II 43; Εὐγειτίων, Εὐγετίων, Εὐγιτίων, повидимому, только в наших клеймах; Εὐέτης — весьма редкое имя; Εὐρίδειος — это имя встречается еще на немногих клеймах других групп; Κόας — только здесь. Сокращение Κρωμ только здесь — параллели — Κρῶμνος — аркадский герой Κρῶμνα — город в Пафлагонии, Κρωμα начало имени в C. I. A. 1021. В рукописи Е. М. Придика, среди наших клейм есть еще сокращение Κρω и полное имя Κρωμνίτης. Последнее ясно указывает на значение этого сокращения, а также в связи со значением этого имени, очевидно, происходящего от приведенного города Κρῶμνα, становится бесспорным его происхождение и связь с Малой Азией. Κυλαίμας — встречается только здесь. Имена Μαλαχός и Μαλαχῶν, вообще довольно редкие, особенно второе, для нашей группы обычны.

Среди всех этих имен особняком стоят два. Это, повидимому, сокращения Μαρωνι и Μερκενα. Второе из них Е. М. Придик восстановил со знаком вопроса Μερκενά[ριος. Мне кажется, что это восстановление не подходит, так как в IV—III вв. нельзя ожидать такого латинского имени у грека, а особенно на востоке. Я склонен видеть здесь скорее какое-то варварское имя. В то же время при рассмотрении подлинника он оказывается принадлежащим несомненно к нашей категории.

Что касается сокращения Μαρωνι, то в эллинистическое время существовали имена Μάρων и Μαρῶ, производным от которых и должна быть наша форма.

Вторая группа многочисленнее.

Ἀθαναίων — это имя, очень редкое в дорической форме, свойственно в эллинистическое время Мегарской колонии Калхедону (C. I. G. 3794).

Ἀργεῖος — имя вообще очень обычное, интересно тем, что его исход находится на Пелопоннесе.

Ἄττης — это имя встречается в разных формах в нескольких местах эллинистического мира, но особенно часто оно в Черноморских колониях: на Юге России в форме — Ἄττας, на Севере Малой Азии в форме — Ἄττης.

Εὐκλέων и Εὐκλείων. Это редкое имя иногда встречается, в первой только форме, в разных местах Греции. В обеих же формах, и особенно во второй, оно очень свойственно Мегарам. Здесь оно встречается 6 раз в самых Мегарах (I. G. VII.) и среди судей Мегарцев на одной Епидаврской надписи (I. G. IV. 926).

Ζώπυρος — имя, встречающееся в Каллатии, Гераклее и Аполлонии.

Θέδωρος — такая орфография этого имени свойственна именно Мегарам, где она встречается очень часто и почти всегда в таком виде.

Θεώνιχος. — Это очень редкое имя, встречается один раз в Горгиппии (IosPE IV 432, в B II 6), один раз в Фивах, а в эллинистическое время несколько раз в Мегарах (I. G. VII №№ 42 и 242).

Κερκῖνος — имя очень обычное в наших клеймах, вообще чрезвычайно редко. По Мюнстербергу оно есть на одной Иллирийской монете. Кроме того, оно дважды засвидетельствовано в I. G. VII. № 2478 — Κερκῖνος Εἰροτίμω Βυσάντιος и № 2531 — Κερκῖνος Φοξίο(υ), IV в. до Р. Хр., житель Гераклеи Понтийской. Таким образом, это имя, очевидно, свойственно Мегарским Черноморским колониям.

Κόκκος — имя, встречающееся в разных местах, но редко, однажды засвидетельствовано, как имя Гераклеота в Горгиппии (IosPE IV № 445).

Κρωμνίτης — см. первую группу имен.

Νόσσος — имя характерное для наших клейм, вообще очень редкое. Кроме них, оно есть, по Мюнстербергу, на одной Милетской монете; в надписи C. I. G. 2661 и женское имя Νοσσίς, ibidem 2662, в Карии в эллинистическое время, ibidem 3952,3 в., во Фригии в декрете Римского времени, на амфорных клеймах Фазоса и только один раз в Аттике (C. I. A. Supplementa, 1009 в.). Νοσσίων — в Каллатии, Revue archéol. V s. T. XXVI, p. 261. Это имя ясно указывает на Малую Азию.

Πασιάδας — это имя в форме общегреческой (Πασιάδης) очень обычно, а в дорической — редко и свойственно, кроме наших клейм, Мегарам (I. C. v. v. VII и IV), Каллатии (IosPE v. I. 27. 1. 27. декрет III в. до Р. Хр.) и, наконец, Херсонесу Таврическому как в лапидарных, так и в керамических его текстах. В позднее эллинистическое время мы находим это имя и в Византии, но уже в общегреческой форме.

Ποντικός. Это имя очень широко было распространено по всему Причерноморию и Малой Азии в Римское время. Наши клейма указывают на его существование в эллинистическое время. С полным правом можно думать, что в эту раннюю эпоху оно было распространено в тех же местах, где и в позднюю, как показывает определенность области их употребления.

Πόρος. Имя очень редкое. Однажды I. G. IV 687 его носит скульптор из Аргоса (I в. до Р. Хр.).

Σῖμος — Фракийское имя, встречается часто в Каллатии.

Σκύθας — имя, в его общегреческой форме (Σκύθης) встречающееся в разных местах, в дорической, как кажется, кроме наших клейм, только в Херсонесе Таврическом.

Вторая группа имен представляет для нас большой интерес. Из ее рассмотрения явствует, что наша группа клейм принадлежит какому-то городу, происходившему из Мегар, но находившемуся где-то на Черном море, может быть, даже в Малой Азии, но, конечно, не самым Мегарам. На это указывают области их употребления.

Кроме того, ряд имен всего списка из наших клейм совпадает с ходившими в Херсонесе Таврическом. Я не даю здесь перечисления в виду многочисленности совпадений.

Довольно обычны сокращения, в большинстве своем представляющие лишь начало имени, так что нельзя определить их полного вида. Примерами могут служить Ἰα, Φι, Σι, Ἀγνοδ, Κερ и многие другие.

Представляется весьма важным полный список имен нашей категории клейм. Прилагаю его по вышеуказанным публикациям и нашему собранию. Я исключил из него те, которые в изданиях приведены в неподдающемся разбору виде, а также часть клейм Е. М. Придика, указанных выше. [ ] поставлены при восстановлении утерянной части, ( ) — при дополнениях сокращенных имен.

А. Имена магистратов.

Ἀγάθ(ων)	Пр. 1.
Ἄγνοδ	Пр. 2.
Ἀγνόδαμος	$Ю_{18}$ стр. 19 (издатель читал Αἰνόδαμος)
Αἐθήρ	Пр. 4.
Αἰθήρ	Пр. 3, 5, М. Ш. 263, 273, $Ю_{18}$, стр. 125, № 16; И. М. 1.
Ἀλκέτας	Пр. 6, 7, 8, 9, И. М. 2, 3, 4.
Ἄνδρο	$Ю_{18}$, стр. 113, № 51.
Ἀνδρόνικος	$Ю_{18}$, стр. 107, № 15 и Шт 22, стр. 111, № 9.
Ἀνθάγ[αθος	Пр. 10 — 11.
Ἀρίστων	Пр. № 12. М. Ш. № 274, $Ю_{18}$, стр. 109, № 25; стр. 159, № 45; стр. 164, № 80.
Ἀριστοκλῆς	Пр. 13. Е. s. 36 *i*.
Ἀρκέσας	И. М. 66.
Ἄρχιππος	Пр. 14. $Ш_{11}$, № 672-а и 672-б.
Ἀ.νορα . . .	$Ш_{11}$, 679 в.

Ἀφίνος	Ю$_{18}$, стр. 159, № 49, вероятно, надо читать Κρατῖνος.
Βάκχος	Пр. 15.
Δαμάτρι(ος)	Ш$_{11}$, № 676-а и 676-б.
Δεινό(μαχος)	И. М. 5.
Δεινόμαχος и Δε(ι)νόμαχος	Пр. 16, 17, 18, 19 — 21, И. М. 6. E. s. 42 g.
Δημοκράτης	Пр. 22.
Δι(ό)νυσος(?)	Пр. 23. М. б. Διονυσό(δωρος).
Δι[ονύσιος	Пр. 25.
Δίων	Б$_7$, стр. 29, № 39.
Εὐγειτίων	Пр. 26 и 27.
Εὐγίτων	Ш$_{11}$, 687.
Ἡρα]κλ(είδης) .	Ш$_{11}$, № 683-а. И чтение имени и магистратура его, восстановленные В. В. Шкорпилом, ничем не подтверждаются. Скорее здесь фабрикант.
Ἰφ]ικρ[άτης	Пр. 28.
Καλλίας	Пр. 29. Ш$_{11}$, 684-а, б, в, г, д. Ю$_{18}$ стр. 128, № 32.
Κα . . . . δης	Пр. 30.
Κερ(κῖνος)	Пр. 31, Mc. pl. XI, № 1.
Κερ[κῖνος	Пр. 32.
Κερκῖνος	Пр. 33, Б$_7$, стр. 30, № 46, Ш$_{11}$, № 680 и Ю$_{18}$, стр. 154, № 11.
Κλε[αίνετος?	Ш$_{11}$, № 673.
Κύ[δας	Ю$_{18}$, стр. 115, № 74. Мне кажется более вероятным читать Κῦρος, так как это имя встречается целиком среди фабрикантов.
Κῦ[ρος	Пр. 34, И. М. 7.
Λεόφαντος	Пр. 35.
Λύκι[ος?	Б$_7$, стр. 30, № 43.
Λύ[κων	Пр. 36.
Λύκων	Пр. 37, 38, Ш$_{11}$, № 686, М. Ш. 268 и 275, Ю$_{18}$, стр. 155 № 16, стр. 162 № 68, стр. 164 № 81 и Вх IV № 19.
Λυσίθεος	Пр. 39.
Ματρόδωρος	Ю$_{18}$ стр. 113 № 27. По мнению Е. М. Придика, следует читать Μάτριος.
Μαρωνί(δας?)	Пр. 40. Такое дополнение имени считает возможным Е. М. Придик.
Μᾶτρις	Пр. 41.

Μένων	$Ю_{18}$, стр. 116, № 79.
Μολοσσός	Пр. 42 и 43 и стр. 143 № 4. E. s. 32, s. 41 o.
Παυσα(νίας)	Пр. 44.
Σάτυ(ρος)	Пр. 45 и 46, $Ш_{11}$, 683 б.
Σιλανός	B_{XI} стр. 324, № 65.
Σκύθας	$Ю_{18}$, стр. 165, № 85 и B_V № 50. И. М. 8.
Στύφων	Пр. 47 и 48, $Ш_{11}$ 681. И. М. 9 и 10. E. s. 37 a.
Φιλ[όξενος	$Ш_{11}$ 690-a.
. . . . . σος	$Ю_{18}$, стр. 165, № 86.

В. Имена фабрикантов.

Ἀγαθ	$Б_7$, стр. 29, № 39.
Ἀγαθῖνος	B_X Nachtrag IV, № 7 и 8. Чтение очень сомнительно.
Ἀγάθων	Пр. 59.
Ἀγασίδαμος	Пр. 63.
Ἀγασικλῆς	И. М. 11.
Ἀγασίλας	$Ю_{18}$, стр. 106, № 7 и возможно, $Ю_{18}$ стр. 107, № 8.
Ἀγχίαλος	Пр. 63.
Ἀθαναίων	Пр. 12.
Ἄθιος	Пр. 14. $Ш_{11}$, № 672-a и б.
Αἰθ(ήρ)	Пр. 124. B_X отд. IV, № 13.
Αἰνίστρατος	Пр. 60.
Αἶος	$Ю_{18}$, стр. 134, № 54. М. б. следует читать Δῖος.
Ἄκορνος	Пр. 26.
Ἀλκέτας	Пр. 60, 79 — 80, 84, 158.
Ἀλκέτ(ας)	Пр. 133.
Ἀλκ(έτας)	Пр. 116.
Ἀμφίτας	$Ю_{21}$, стр. 30, № 4.
Ἀνα(ξ)ίμανδρος	$Б_7$, стр. 29, № 40. Неправильно восстановлено Беккером. Судя по И. М. 52, следует Μνασίμαχος.
Ἀνδρονικίδας	Пр. 61.
Ἀνδρόνικος	И. М. 43.
Ἀπο[λλ . . .	И. М. 12.
Ἀπολλόδωρος	B_V стр. 472, № 50 и $Ю_{18}$ стр. 108, № 19, И. М. 8.

Ἀπολ(λώνιος?)	Пр. 135.
Ἀπολλώ(νιος)	Пр. 64.
Ἀπολλώνιος	Пр. 6, 15, 63. Ш$_{11}$, 684-а, Ю$_{18}$, стр. 154, № 11. B$_{IV}$, стр. 461, № 5.
Ἀργεῖος	Пр. 13, Шт$_{23}$, стр. 32, № 49. И. М. 13.
Ἀρις . . .	Пр. 91, 134.
Ἀριστείδας	И. М. доб. № 1. Σ. s. 36 k.
Ἀρίστιππος	Пр. 65, 66, 67. Ю$_{18}$, стр. 109, №№ 24 и 25. И. М. 14.
Ἀριστοκλῆς	Пр. 67 и 166. Ю$_{18}$, стр. 154, № 13. Ю$_{21}$, стр. 29, № 2. Шт$_{23}$, стр. 30, № 43. М$_{21}$, 411, № 3. М. Ш. 261. B$_{IV}$ ст. 461, № 7. B$_{X}$ Nachtrag IV №№ 7 и 8. И. М. 15, 40 и 62.
Ἀριστοκράτης	И. М. 16.
Ἄριστος	B$_{IV}$ стр. 461, № 7 скорее Ἀριστοκλῆς.
Ἀρίστων	Пр. 61, 66, 69, 105, 138—139, 148, 159—160, Ш$_{11}$ 673, Б$_{7}$ № 54, Ю$_{18}$ стр. 155 № 16. А. Стр. 84 № 1. И. М. 17—18, 31—32. E. s. 37 m, s. 38 c. s. 40 i, s. 40 n.
Ἀρ]τέμο[ν?	Пр. 100, см. Ἔτυμος.
Ἀρτέ(μων?)	Пр. 164. И. М. 7 и 61.
Ἀρτέμων	Пр. 34.
Ἄρτων	Пр. 70. B$_{IV}$ стр. 461, № 7.
Ἀρχέλας	Пр. 71, 72, 73, Ю$_{18}$ стр. 106, № 7 и 120 без №. М$_{2}$ стр. 411, № 4. Б$_{7}$ стр. 33, № 12. И. М. 19—20, 21.
Ἄττης	Ш$_{11}$ 684-б. Б$_{7}$ стр. 30, № 43.
Αὔλων	Б$_{7}$ стр. 30, № 44. Не следует ли читать Δύκων?
Ἀφαιστίων	Ш$_{11}$ 675. Ю$_{18}$ стр. 155, № 18.
Βάκχος	И. М. 51.
Βλάσθος	Пр. 39.
Βόαθος	Пр. 10—11, 35.
Βόστρυχος.	И. М. 22 и 23.
Δα	B$_{V}$ стр. 461, № 7.
Δαμάσοιος	Шт$_{23}$ стр. 32, № 49, вероятно, Δαμάτριος.
Δαμάτριος	Пр. 7, 76, 77. Ю$_{18}$ стр. 111, № 39 и стр. 115, № 74. Ш$_{11}$ 676-а и б и 676-в (Шкорпил неправильно считал его магистратом). М. Ш. 267. И. М. 2. E. s. 36 h.
Δάμνιππος	Пр. 70.

Δαμοκλῆς	$Ю_{18}$, стр. 111, № 40.
Δαμόστρατος	Пр. 79 — 80. И. М. 24. E. s. 26, s. 41 o.
Δαμό(στρατος?)	Пр. 36.
Δαμοφῶν	Пр. 8, 81, 82. $Ш_{11}$, 684-б. $Б_7$, стр. 30, № 46.
Δαμο(φῶν)	Пр. 36 и $Б_7$ стр. 29, № 42.
Δᾶος	Пр. 83. $В_{IV}$ стр. 463 № 7. И. М. 22.
Δεινόμαχος и Δεινό(μαχος)	Пр. 131, 140 и 152. $Ю_{18}$ стр. 156, № 24.
Δέξιππος	И. М. 9.
Δέρκετος	Пр. 33. $Ю_{18}$, стр. 155, № 20.
Δη	Пр. 86.
Δι	Пр. 95.
Διοκλῆς	$Ш_{11}$ 678.
Διονύ(σιος)	Пр. 69. E. s. 51 c (?).
Διονύσιος	Пр. 3, 17, 87, 90, 91, 92, 93; М. Ш. 263; $Ю_{11}$ стр. 64, № 16; $Ю_{18}$ стр. 125, № 16 и 17 (м. б. магистрат.) и № 24, 25 и 26. $Ш_{11}$ № 679-б и в. $М_2$ стр. 411, № 1. $Б_7$ стр. 30, № 48, № 55. А. стр. 86, № 14. И. М. 27, 28, 29. E. s. 36 g, s. 40 d.
Διονυσόδ(ωρος)	Пр. 94.
Δῖος	$Ю_{18}$ стр. 113, № 54 и стр. 157 без №. И. М. 41.
Δι . . σι	Пр. 96.
Δι . η	И. М. 26.
Ἔλα	Пр. 97.
Ἔρατος	$В_V$ стр. 462, № 10.
Ἐργασίων	Пр. 98.
Ἕρμιππος	$Ю_{18}$ стр. 157, № 33.
Ἔτυμος	Пр. 100. Е. М. Придик читал Ἀρ]τεμο[ν? Но по подлиннику ясно, что здесь Ἐτύμου тождественное с И. М. № 30.
Εὔαρχος	Пр. 103, 104, 105, 106 и 107. $Ш_{11}$, № 680. $Ю_{18}$ стр. 157, № 34. А. Стр. 84, № 1, И. М. 31 — 32. $В_X$ Отд. IV, № 13. E. s. 37 m, s. 40 e, i.
Ε(ὐ)γέν[ης	$Б_7$, стр. 30, № 49. Не Εὐγετίων ли?
Εὐγετί(ων)	$Б_7$, стр. 30, № 44.
Εὐγιτίον	Пр. № 130. На подлиннике ясно читается малая ω = Εὐγιτίων.
Εὐδαίμων	Пр. 44.
Εὐέτης	Пр. 42.
Εὐθύδαμος	$Б_7$, стр. 30, № 50.

Εὐκλείων	Пр. 108. $Ю_{18}$ стр. 113, № 51. И. М. 33. E. s. 32.
Εὐκλέων	Пр. 30.
Εὐκ]λείδ[ης?	$Б_7$ стр. 30, № 52. Вероятнее Ἡρακ]λείδ[ας?
Εὐοιτ	Пр. 102.
Εὐρίδειος	$Ш_{11}$ 681.
Εὐρύδαμος	Пр. 109, 110. $Ш_{11}$ 682. $Ю_{18}$ стр. 113. №№ 51, 53, 54, 55 и стр. 154 № 13, стр. 157, № 36 и без №. B_{IV} стр. 462, № 13. И. М. 34 — 35, 36. E. s. 53 c.
Ζώπυρος	B_x IV № 14 и $Ю_{18}$ стр. 157, № 37.
Ἡραίων	$Ю_{18}$ стр. 157, № 38.
Ἡρακ	$Ш_{11}$ 690-б.
Ἡράκλ(ειτος?)	Пр. 146.
Ἡράκλε(ιτος?)	Пр. 149. $Ю_{18}$ стр. 158, № 39.
Ἡρακλείδας	Пр. 41, 111—112, 113—114. $Б_7$ стр. 30, № 51. $Ш_{11}$ 676-а и б. B_{IV} стр. 461, № 5. $Ю_{18}$ стр. 113, № 57 и стр. 139, № 51. И. М. 37—38. E. s. 34.
Ἡράκλειτος	Пр. 115. И. М. 67.
Ἡρακλίδας	$Ш_{11}$ 676-а и б.
Ἡρό(δωρος?)	Пр. 116.
Ἡρόδωρος	Пр. 47, 117, 118, 119—120. И. М. 10.
Θεογένης	Пр. 2.
Θ]ε(ό)δωρος	Пр. 23.
Θεομέ(νης)	И. М. 39.
Θεόξ(ενος)	Пр. 122.
Θεόξενος	Пр. 121. $Ю_{18}$ стр. 113, № 58 и стр. 114, № 9. И. М. 40 и 41.
Θευγένης	Пр. 40.
Θεώνιχος	$Ш_{11}$ 683-а.
Ἰά(σων?)	Пр. 76. М. Ш. 262. $Ш_{11}$ 682. E. s. 36 h.
Ἰστιαῖος	Пр. 28. $Ш_{11}$ 674-г.
Ἰστιεῖος	$Ю_{18}$ стр. 128, № 32. И. М. 42.
Ἰστιῆος	Пр. 45—46. И. М. 43.
Ἰστ[ίων	$Шт_{23}$ стр. 32, № 50, вероятно, Ἰστιαῖος
Κα[. . . .	Пр. 124.
Καλλίας	Пр. 125 и 137. $Ю_{18}$ стр. 158, №№ 42 и 43. M_2 стр. 411, № 2. И. М. 44.
Κερ(κῖνος?)	Пр. 117 и 118. $Ю_{18}$ стр. 165, № 86 (м. б. магистрат.)

Κερκῖνος — Пр. 82, 111—112, 128. $Ш_{11}$ 688-б. И. М. 49. $М_2$ стр. 412 без №.

Κόας — Пр. 31, 126—127. $Ю_{18}$ стр. 159, №№ 48 и 49. И. М. 45—46.

Κοάσπας см. Κόας — Так издано у Пр.; в настоящее время Е. М. Придик считает возможным, что весьма убедительно, видеть здесь имя Κόας и сокращение Πα, так как последнее, кроме этого клейма, встречается и одно и в других сочетаниях.

Κόκκος — И. М. 47.

Κρατῖνος — Пр. 128 и 129. $Ю_{18}$ стр. 160, № 52.

Κρωμ — Пр. 122.

Κυλαίμας — И. М. 3.

Κῦρος — $Ю_{18}$ стр. 139, № 31.

Λάκων — $Ю_{18}$ стр. 160, № 56 и № 57 (?).

Λησάρτων — $В_{IV}$ стр. 461, № 77, скорее Ἄρτων.

Λι — И. М. 48.

Λυκόδωρος — Пр. 130.

Λύ(κων) — Пр. 140. $Ю_{18}$ стр. 113, № 55, стр. 162, № 69 и 163, № 77.

Λύκων — Пр. 85, 113, 114, 131. И. М. 17—18, 49, 66 и 68. E. s. 31.

Λυσίθεος — И. М. 42, 47.

Μαλακός — Пр. 136.

Μαλακῶν — $Б_7$ стр. 39, № 40. И. М. 52, 56.

Μαλακωῦ — Пр. 153. Очевидно, ошибка резчика и здесь нужно видеть, несомненно, Μαλακῶν.

Μαλίας — Пр. 27 и 48. $Б_7$ № 54. И. М. 5.

Μᾶτρις — Пр. 132.

Μενεκ(ράτης) — Пр. 133.

Μενε(κράτης) — Пр. 134. E. s. 36 x.

Μένιππος — $В_{XI}$ стр. 324, № 65.

Μενοίτιος — Пр. 92, 135, 136. A. 86, 14. И. М. 50.

Μερκενά(ριος?) — Пр. 29.

Μίκκος — $Ю_{21}$ стр. 30, № 4. $Ю_{18}$ стр. 161, № 62. И. М. 51.

Μνασίμαχος — $Б_7$ стр. 89, № 40. И. М. 52.

Μολοσσός — Пр. 18, 38, 67, 107, 138—139. $Ю_{18}$ стр. 111, № 39, стр. 161, №№ 163 и 163-а. М. Ш. 266. $Ш_{11}$ 676-а. И. М. 24. E. s. 32, s. 40 e.

Μῦς	$Б_7$ стр. 55. М. Ш. 267. $Ю_{18}$ стр. 64, № 36. Bx Nachtrag, IV, № 10. И. М. 53.
Νικ	Пр. 87 и 89 (См. примечание к И. М. 64). И. М. 64. E. s. 40 d.
Ν[ικι]ππί[δας	И. М. 50.
Νικοκλῆς	И. М. 68.
Νίκων	И. М. 54.
Νόσσος	Пр. 19 — 21, 32, 138, 139, 140, 141, 142 и стр. 143, № 4. $Ш_{11}$ 686. М. Ш. 268 и 269. Bx IV № 19. $Ю_{18}$ стр. 162, №№ 68, 69 и 70. И. М. 6. E. s. 42 g.
Ὄνασος	И. М. 55. E. s. 26.
Ὀ . λεστρατος?	$Б_7$ № 56.
Πα	Пр. 126, 127, 144. $Ю_{18}$ стр. 109, № 24 и стр. 157 № 34 (по добавлении Е. М. Придика). И. М. 45 — 46, 54.
Πασιάδας	Пр. 4. $Ю_{18}$ стр. 163, № 73.
Παυσανί(ας)	Пр. 146. М. Ш. 269.
Παυσανίας	Пр. 129.
Πε	Пр. 93. $Ш_{11}$ 679-б.
Ποντικός	$Ш_{11}$ 687. М. Ш. 270.
Πόρος	И. М. 57.
Πυθόδοτος	$Ю_{18}$ стр. 163, № 77.
Πύρ[ρος	И. М. доб. № 1.
Σάθων	Пр. 43 и 148.
Σατυρίσκος	Пр. 149. $Ш_{11}$ 684-г.
Σατυρίων	$Ю_{18}$ стр. 164, № 80 и 81. $М_2$ стр. 411, № 3. Пр. 68. $Ю_{21}$ стр. 29, № 2. И. М. 15.
Σάτυρος	$Ю_{18}$ стр. 158, № 39.
Σήδαμος	$Ю_{18}$ стр. 164, № 82.
Σι	Пр. 22 и 96.
Σιλανός	Пр. 150, 151, 152. $Ш_{11}$ 688-а и б. $Ю_{18}$ стр. 164, № 83. М. Ш. 271. B_{IV} стр. 463, № 18. И. М. 37 — 38.
Σῖμος	Пр. 9. $Шт_{25}$ стр. 60 без №. И. М. 4. E. s. 37 a.
Σκύθας	Пр. 1 и 153. $Ш_{11}$ 690. И. М. 53, 56.
Σπ	Пр. 95.
Σπίνθαρος	Пр. 64.
Στασίχορος	Пр. 154 — 156, 157, 158, 159 — 160, 161. М. Ш. 273. $Ш_{11}$ 684 и 689. А. стр. 86, № 12. И. М. 1. E. s. 38 c., s. 40 n.

Στύφων	Пр. 161. М. Ш. 271.
Σ]τύφ(ων)	И. М. 12.
Στ(ύ)φ(ων?)	Пр. 163.
Συ	Bx Nachtrag, IV, № 10.
Σώσθ(ενος?)	Ю$_{18}$ стр. 165. № 87.
Σῶσις	И. М. 57.
Σωτήρ	Пр. 5 и 162. М. Ш. 274. Ю$_{18}$ стр. 165, № 88. И. М. 58.
Τελέσιππος?	Bx Nachtrag IV, № 9.
Τιμόλυκος	Шт$_{23}$ стр. 30, № 43. И. М. 59.
Τυδεύς	М. Ш. 275.
Φάνν(ης)	Ю$_{21}$ стр. 31.
Φι	Ю$_{18}$ стр. 14, № 59.
Φιλῖνος	Пр. 164. И. М. 60 и 61.
Φιλό[ξενος]	Ш$_{11}$ 690-б.
Φιλόξεν(ος)	Ш$_{11}$ 690-в.
Φιλόξε[νος	И. М. 22.
Φίλ]ων	Пр. 165, 166. И. М. 62.
Φρόνιος	Б$_{7}$ стр. 30. № 52.
Χίων	Пр. 167. Шт$_{23}$ стр. 32, № 50. И. М. 63.
. . . . . νος	И. М. 23.
. . . . . σος	Ю$_{18}$ стр. 165 № 86.
. . . . . σων	Пр. 25.
. . . . . υριλα	И. М. 65.

Содержание и назначение энглифических клейм.

Содержание наших клейм сходно с клеймами других групп, но, как и всякая из них, она имеет несколько своих вариантов. Огромное большинство наших клейм содержит в себе одни собственные имена без всяких при них обозначений. Имена эти, как уже было указано, стоят то в именительном, то в родительном падеже, причем именительный падеж встречается очень часто. При этом реже встречаются клейма с одним именем, а чаще с двумя. В этом случае возможны: два именительных падежа, два родительных или оба вместе, при чем порядок их неопределенный. Иногда вместо имени встречается сокращение. Последнее стоит или одно (ср. Пр. 144), или в сочетании с другим именем. Реже встречаются клейма, заключающие в себе два имени, из которых одно имеет перед собою предлог ἐπὶ и означает, очевидно, эпонима — магистрата. Большою редкостью при этом являются клейма с именем одного лишь магистрата. Равно как при именах

первых, без ἐπὶ, так и при вторых отсутствуют какие бы то ни было наименования, что весьма затрудняет разрешение вопроса о назначении клеймления амфор. Однако, лишь при попытке разрешить этот вопрос, имена клейм приобретают смысл. Без этого разрешения самое содержание их представляет ряд затруднений и необъяснимых странностей. Этот вопрос до сего времени не нашел в науке своего разрешения. Однако, я позволю себе высказать свое мнение, или вернее, присоединиться в нем к Шухгарту (см. Inschriften von Pergamon, Band II). Здесь больше, чем где-либо, приходится прибегать к аналогии клейм других групп. Прежде всего, в нашей группе много меньше клейм с именами магистратов, обозначаемых предлогом ἐπὶ, но без титула, чем клейм с именами одних фабрикантов. При этом, за исключением двух случаев (Пр. 16 и $Б_7$ № 57), при именах магистратов находятся в одном и том же клейме имена фабрикантов. Количественное преобладание клейм с отдельными именами без чиновников, частое употребление в них именительного падежа, указывают на то, что эти клейма выставлялись именно этими лицами, а не магистратами. Кто эти лица? В нашей категории для них нет названия. Но на амфорах других мест фабрикации эти названия встречаются. Много этих имен со словом κεραμεύς дано в И.И.А.К. вып. LI, в статье В. В. Шкорпила — „Названия гончарных мастеров". Там же есть клейма с названиями ἐργαστηριάρχης и κεραμάρχης. Немало подобных клейм и в прекрасном издании Е. М. Придика. Таким образом, в именах, выставленных на амфорах, где они не обозначают магистратов, приходится видеть гончаров или начальников над мастерскими, м. б. владельцев. Родосские клейма с именами женщин могут принадлежать только владелицам мастерских. Таковые, очевидно, были и среди мужчин. Отсюда я склонен видеть в именах и других групп, и нашей владельцев гончарных фабрик. Отсутствие обозначений в наших клеймах не может служить аргументом против. Самая многочисленная группа клейм с о. Родоса долго не давала этих названий и лишь сравнительно недавно нашлось одно клеймо с надписью: „Αἰνέας ἐργαστηριάρχας" (см. Nilsson. Timbres amphoriques de Lindos. Copénague 1909, pl. I, fig. 5). Итак, я думаю, что клейма наших амфор, как и всех других, частные фабричные марки. Там, где стоят два имени в одном падеже, я склонен видеть „двойные фирмы". Там, где одно имя стоит в родительном, а другое в именительном падеже, можно видеть соединение имени владельца с таковым же мастера или управляющего. Если считать клейма за частные марки, то чиновник, конечно, лишь указывает на время выпуска товара.

Сделав эту попытку, мы можем остановиться на некоторых частностях содержания.

Клейма с именами эпонимов не содержат в себе никогда более одного имени фабриканта. В них очень часто стоят фабриканты в именительном. Это указывает на лицо, ставившее их, тем более, что при казенном клеймении появление имени владельца мастерской в клейме было бы странно. При этом сокращения возможны у обоих имен. Сравни И. М. 5, где эпоним Диномах стоит в сокращении, или Пр. 22, где после эпонима следует сокращение Σι, могущее обозначать лишь фабриканта. Весьма любопытен случай Пр. 13, где имя фабриканта стоит в дополнительном клейме, как мы убедились на подлиннике, на довольно большом расстоянии от эпонима. В виду того, что клейма эпонимов ставились разными лицами, характер их начертаний очень разнообразен, при чем ясно заметно влияние начертательных привычек ставившего. Так, очень определенная манера фабриканта Стасихора сказывается во всех его клеймах и нет никакого сомнения, что этим лицом были поставлены и клейма без эпонимов, и, напр., И. М. 1, с именем магистрата Эфира, что очень важно, так как указывает на их одновременность.

Вообще говоря, манера письма фабриканта имеет огромное значение. Так, уже упомянутый Стасихор имеет столь определенную манеру, что позволяет разрешить некоторые неясности. Это же обстоятельство важно и потому, что несомненно разные фабриканты носят одно и то же имя нередко. Особенно это важно при именах, имеющих большое употребление, так как это позволяет судить о том, имеем ли мы дело с мощной фирмой или рядом мелких фабрикантов. Так, целый ряд их носит имя Дионисия в раннее время (IV в.), но пестрота общей манеры этого клеймения заставляет видеть здесь ряд фирм. Конечно, надежен этот способ лишь при работе с подлинниками, издания же позволяют базироваться на себе лишь при большом количестве известных исследователю подлинников. Сходство манеры отдельных штемпелей одного и того же лица сказывается во всем: в форме клейма, в шрифте, в комбинации содержания, в сопровождающих эмблемах. Иногда это сходство чрезвычайно разительно. Так, фабрикант Евридам всегда является один, но его строгая форма штемпеля такова, что даже клеймо И. М. 36, вырезанное с рядом ошибок, не оставляет сомнения в одном и том же источнике фабрикации.

Весьма помогает это обстоятельство при определении двойных фирм. В них одно и то же имя встречается в самых разно-

родных комбинациях. Мы не приводим здесь случаев двойных фирм и встречающихся сочетаний, так как по приложенному списку собственных имен в указанных изданиях нетрудно найти эти сочетания. Так, среди фабрикантов встречается один (Ἀλκέτας), имя которого всегда сопровождается изображением сердцевидного листа. Мы находим его имя в таком виде во второй строке с именами ряда других — Энистрата (Пр. 60), Дамострата (Пр. 79—80), Дексиппа (Пр. 84), Стасихора. Везде неизменно во второй строке и с листом. С другой стороны, упомянутый Стасихор всегда почти с палицей, всегда в первой строке, всегда в родительном падеже. Он то один, то с эпонимом, то с другими фабрикантами. При этом интересен факт согласования имени Алкета в падеже с именем первого фабриканта. Во всех трех первых случаях он стоит в именительном падеже, как и другие его компаньоны, во втором в родительном, как и сам Стасихор.

Равным образом, и другие, соединяющиеся со Стасихором, всегда занимают в его клейме второе место и согласуются с ним в падеже. Эти случаи разнообразных сочетаний, и особенно приведенные случаи Алкета и Стасихора приоткрывают нам картину организации производства наших амфор и, может быть, добавляют нам кое-что для понимания назначения клейм. Стасихор то является один, то с тем или иным фабрикантом, но всегда явно занимает главенствующую роль. Напротив, Алкет—всегда на второй роли но часто комбинируется с другими лицами и всегда сохраняет свой знак — лист; это последнее проявляется и в клейме Пр. 158, где при имени Стасихора стоит его палица, а при имени Алкета—лист. Здесь, очевидно, мы имеем указание на живую коммерческую деятельность. Фабрикант работает то один, то соединяется с другим в компанию, при этом Алкет, вероятно, не крупный, но внушающий доверие коммерсант, никогда не работает один, однако, легко входит в компании с несомненно крупными фирмами, как фирма Стасихора. Подобные сочетания встречаются и в других случаях.

Сокращения часто фигурируют при именах фабрикантов. Весьма вероятно, что они обозначают одних и тех же лиц. Так, сокращение Πα является и отдельно, и с именами других владельцев, одновременных ему, судя по данным алфавита. Сокращение Νἰκ (И. М. 64) стоит с именем Дионисия (Пр. 87—90). Здесь поразительно сходство начертания всех букв этого сокращения в обоих случаях. Также можно думать, что и другие сокращения обозначают определенных лиц.

Некоторые фабриканты явно предпочитают работать отдельно: таковы, напр., Евридам, Этим, Архелай, Каллий, Со-

тэр, некоторые из Дионисиев. Сокращения в ходу и среди одиночек.

Встречаются и явные подражания в клеймах: так, поразительно сходство всех круглых клейм, которые очень явно идут от одного образца.

Эти соединения компаний, постоянство сокращений, стремление более незначительных фабрикантов соединяться с крупными, все это косвенно подтверждает частный характер клейма — фабричной марки, а также указывает на ее рекламный характер.

Явление же разных фабрикантов то в том, то в ином сочетании указывает на одновременность их работы и помогает до некоторой степени в хронологическом их определении. То же, конечно, касается и объединения ряда фабрикантов вокруг одного эпонима.

Хронология этих клейм.

Говоря об особенностях алфавита и диалекта, мы наметили на основании их хронологические рамки употребления нашей группы вдавленных клейм. Начало этого промежутка времени где-то в последней четверти IV в. до Р. Хр., конец в третьей четверти III века, — всего около ста лет. Те из клейм, где встречаются более поздние формы алфавита и диалекта, могут быть отнесены к концу этого промежутка. Однако, консервативность формы наших клейм, выраженная в их однообразии, делает очевидным, что и многие старые формы орфографии жили во второй половине этого периода. Отсутствие более резких данных и малочисленность хорошо датируемых находок наших клейм не позволяют разбить их во времени точнее. Проверка хронологии клейм по немногим имеющимся в нашем распоряжении датированным находкам лишь указывает на тот же промежуток времени, давая точную дату лишь для немногих клейм. Во всяком случае, археологические данные бесспорно указывают на то же время, что алфавит, грамматика. Вещи в датированных находках с нашей группой клейм изредка относятся к концу IV века, в большинстве к третьему, и никогда не заходят во II век. Наконец, изображения палиц и гроздий сходны близко с монетами того же времени. Общие рамки, таким образом, кажется возможным установить.

Общие принципы датировки ясны. Две группы алфавита и поздние явления диалекта — основные точки при распределении клейм. Более детальное распределение возможно путем установления синхроничности эпонимов и фабрикантов по их комбина-

циям в клеймах, что в то же время проверяет данные общих принципов датировки. Примеры определения такой синхроничности даны нами в конце предыдущего параграфа. Мы не даем распределения более точного, так как хронологический список был бы слишком громоздок, а по приложенному списку собственных имен легко найти в изданиях все случаи разнообразных комбинаций. Кроме того, весьма важно то обстоятельство, что одно и то же имя носит, несомненно, целый ряд эпонимов и фабрикантов. Очевидно, при определении даты каждого клейма в отдельности должны быть приняты во внимание все указанные данные.

В заключение позволим себе указать на общие удобства практической датировки других предметов по клеймам всех групп амфор. Эти сосуды находились в обращении, в противоположность другим предметам, очень короткое время. В то же время и в культурных наслоениях древних поселений и в некрополях находится много фрагментов и цельных клейменных амфор. Короткий промежуток существования их указывает с большей или меньшей точностью не на время до или после, а на самый период создания данного археологического комплекса. Все это ставит на очередь вопрос о более тщательной и точной датировке как целых групп, так и отдельных клейм. До сих пор это делалось лишь случайно и частично. Опыты датировки F. Bleckmann'a в его „De inscriptionibus, quae leguntur in vasculis Rhodiis“ показывают сложность этого вопроса. Однако, им указаны были некоторые удачные приемы: прием определения синхроничности клейм и датировка по обстоятельствам находки. Но наши опыты показали, что первый способ пригоден для детальных определений, а второй лишь в виде проверки, но не основного, как у Блекманна, принципа. Клейма носят в себе основу датировки — алфавит и язык. Поэтому дело определения хронологии клейм — дело эпиграфики. Дата же клейма самого по себе без применения ее к целым комплексам памятников не имеет значения.

Область находок и возможное место производства.

До сих пор известные клейма нашей группы все происходят с нашего Причерномория. Они попадаются и в городищах всех наших колоний, и в греческих могилах при этих городах. Заходят они и в глубь страны и иногда попадаются в варварских погребениях. Их широкое распространение указывает на какой-то крупный центр фабрикации и вывоза. Где его искать?

Нашей группой с этой стороны занимались мало. Делали попытку Юргевич и Беккер. Первый поместил их (З. О. О. И. и Др. 18, стр. 106 — 120) среди клейм острова Родоса под заголовком „Надписи на ручках и горлах амфор родосских". Но большая часть их у него все же попала в другой отдел. Главным аргументом в пользу Родоса для него является дорический диалект клейм и совпадение некоторых имен с родосскими. Но его материал ограничивался сравнительно немногими экземплярами, в которых явления дорического диалекта могут быть приравнены к любой его ветви. Теперь со значительным расширением материала мы находим кое-какие явные различия. На Родосе звукосочетание εο еще с половины IV столетия перешло в ευ. Орфографический вариант — εο встречается в очень редких случаях. Наши клейма дают как раз обратное. На Родосе предлог ἐπὶ теряет иоту всегда перед словом ἱερεύς и очень редко перед другими гласными. В наших клеймах на 12 случаев сохранения ι перед различными гласными приходится 6 случаев выпадения: процент никак не возможный для родосского диалекта. Кроме того, при огромном родосском материале нашего времени, мы в богатейшем списке имен из клейм этого острова не находим целого ряда имен нашей группы, ее именной список совершенно расходится с родосским.

Равным образом, глина, тип амфор и шрифт родосских клейм, прекрасно известные в настоящее время, совершенно иные, чем у амфор, носящих наш род энглифических клейм.

Впрочем, надо сказать, что ни П. Беккер, ни Е. М. Придик никогда так не думали. Попытка Юргевича осталась лишь неудачным опытом. П. Беккер (З. О. О. И. и Др., том VII, стр. 76 и 77), говоря о своей классификации амфорных клейм, пишет: „я еще прибавил третий (отдел), заключающий в себе надписи на черепках, так как последние, по характеру своему, непохожи на те, которые мне встречалось прежде видеть, и не только принадлежат другому государству, но, будучи назначены для домашнего употребления, а не для вывоза, должны быть признаваемы туземным произведением и, следовательно, иметь интерес только по месту находки. Сказанное здесь относится также к надписям, отмеченным на сосудах энглифическими буквами и касающимся одних только горшечников". Таким образом, с его точки зрения, эти клейма могут принадлежать только тому месту, где они найдены, а его коллекция найдена в различных местах,— следовательно, по его мнению, относится к разным местам фабрикации.

Теперь большой материал вполне позволяет объединить их в одну группу, а нахождение одинаковых клейм в разных местах ясно говорит о том, что эти амфоры служили таким же предметом вывоза, как и амфоры других мест фабрикации.

Е. М. Придик на стр. 119 своего Каталога в отделе „Клейма на горлышках амфор", выделив Фазосские клейма, пишет: „Остальные клейма все неизвестного происхождения". Сюда, как видно из дальнейшего текста, входят и все энглифические клейма. Впрочем, у него нет, да и не может быть, намека на заявление о невывозном характере этого товара, так как именно его материал служит хорошим фундаментом для обратного. Его клейма №№ 45 и 46 найдены — одно в Анапе, другое в Керчи, №№ 19 и 20 — одно в Керчи, другое в Евпатории. Доказательством экспорта, кроме этого, является и то, что энглифические клейма явно составляют одну группу, и в то же время находки их рассеяны на всем пространстве северного побережья Понта от Ольвии до Горгиппии и от центров греческой торговли проникают вглубь кочевнических степей. Дорический их диалект дает поискам определенное направление. Область их распространения указывает место на Черном море; туда же ведут и некоторые собственные имена. Ограничивается ли область поисков северным берегом Понта. Едва ли это так? Так, например, есть клейма, происходящие из Синопы; но за отсутствием керамических надписей, происходящих из этого города непосредственно, мы находим их лишь на нашем юге.

Список имен и диалект заставляют искать место производства наших амфор в одной из мегарских черноморских колоний. Этих колоний целый ряд. Однако, изображения палиц на наших клеймах резко сокращают это число до трех: Гераклея, Каллатия и Херсонес Таврический. Последний исключается сам собой, так как его способ клеймения амфор хорошо известен, а тип их, к сожалению отсутствующий в изданиях, удается установить по однообразию формы ручек и глины и по части цельной Херсонесской амфоры из собрания Государств. Исторического Музея (см. табл. II, рис. 3). Кроме того, некоторые диалектические особенности и то, что в нашей группе клейм при большом сходстве с Херсонесом в списке имен, есть целый ряд, свойственный и характерный нашим надписям и совершенно отсутствующий в Херсонесе, указывает на невозможность считать их за Херсонесские. Надписей как Гераклеи, так и Каллатии, между которыми нам остается выбор, издано очень немного, и значительная часть их относится ко времени, для наших целей слишком

позднему. Благодаря этому, в именах, известных из них, и в их диалекте нет данных, достаточно ясных для того, чтобы по ним выяснить вопрос. Изображения палицы близки к монетным обоих городов. Однако, определенное указание ряда собственных имен на М. Азию и тот факт, что до сих пор в южно-русских древнегреческих городах, где сделаны находки наших клейм, только две эллинистических надписи говорят о Каллатии, тогда как имена Гераклеатов того же времени попадаются в них неоднократно, что указывает на оживленные ее сношения в этот период со всеми почти городами северного Причерномория, заставляют предполагать центр производства описываемых амфор именно в Гераклее. Это предположение кажется нам в высшей степени вероятным; подтвердиться же окончательно оно может лишь при появлении материала из самой Гераклеи. Однако, присутствие среди собственных имен фракийских — не позволяет окончательно отбросить Каллатию, как и факт прекращения клеймения в третьей четверти III в. — время захирения этого города.

В заключение прилагаю попытку издания текстов клейм Государств. Исторического Музея, чем хотя немного расширится опубликованный материал. Ценнейший материал, подготовленный для издания Е. М. Придиком, дает полнейшую картину керамических клейм на юге России. Можно пожелать лишь скорейшего их опубликования, так как этот материал, в том числе и касающийся нашей группы, прольет много света на южно-русский уголок древней Эллады.

Клейма того же места производства на некоторых черепицах.

Уже в то время, когда мною была закончена настоящая статья, среди клейм Государств. Исторического Музея на черепицах оказалось несколько, несомненно, из того же источника производства, что и наши амфоры. Свойства глины, алфавит и диалект не оставляют в этом никакого сомнения. Весьма вероятно, что такие клейма на черепицах окажутся и в других собраниях и уже есть в печати; но судить о их принадлежности к той же группе гораздо труднее по данным публикаций, поэтому я оставляю эту попытку временно в стороне и лишь ограничиваюсь присоединением к настоящей статье небольшого собрания Государств. Исторического Музея.

Этот факт представляет, однако, несомненный интерес, так как уже вполне определенно указывает на несостоятельность того положения относительно черепиц, что этот строительный

материал не был предметом вывоза, а всегда почти изготовлялся на месте. Между тем, приводимый факт бесспорно свидетельствует об обратном. В комбинации с данными других групп он сможет, кроме того, в будущем помочь определить точнее место фабрикации амфор с именами астиномов. Теперь же он указывает лишний раз на мощность древне-греческой керамической промышленности и огромный вывоз разного рода керамики. Список таких клейм Государств. Исторического Музея следует за списком энглифических клейм на горлах.

На всех наших черепицах высота букв больше 0,01 *м.* и доходит до 0,015 *м.* Формы их совпадают с таблицей.

Объяснительные замечания.

1. Место находки известно точно лишь относительно немногих клейм, при которых это указано. Однако, все они с юга России. Клейма из собрания Бурачкова, может быть, из Ольвии, из собрания Люценко — из Керчи и Тамани. Из собрания Уварова точные сведения есть лишь об одном: при нем — указание. При клеймах неизвестного происхождения пометки нет.

2. Шрифт обозначен minusculis. При каждом клейме указана его группа (см. выше о формах алфавита); в случае интересного варианта буквы, он указан. Варианты σ, μ, π, ϑ и ο не указаны в виду их одинаково частого употребления.

3. Хронология определяется номером группы алфавита.

4. Указания на параллельные клейма других изданий даются лишь при очевидном совпадении. Близкие клейма можно найти по приведенному выше списку собственных имен.

5. Изображения на клеймах, в виду невозможности дать их в рисунках, указаны лишь в примечании.

6. Форма клейма обозначена так же.

7. Знаки: [ ] заключают в себе буквы, восстановленные вместо стертых или отбитых.

< > — буквы, излишне внесенные резчиком: напр., повторения.

( ) — буквы, пропущенные резчиком или вставленные в транскрипцию клейма по правилам современной орфографии.

. под буквою обозначает небольшую сохранность буквы, но позволяющую ее легко восстановить.

| разделяет строки, где разделение строк клейма не было удобно сохранить.

— перенос слова, разделенного строками в подлиннике.

. между именами отделяет магистрата от фабриканта, или двух разных фабрикантов.

Клейма на горлах:

А. Клейма с именами магистратов.

1. Στασιχόρο(υ) .
   Палица
   ἐπ᾽Αἰθέρος .
   Алфавит II группы. Табл. 1, фот. 3.

2. Δαματρίο(υ)
   ἐπ᾽᾽Αλκέτα .
   Собрание П. О. Бурачкова, № 287. Алф. II гр. Сравни Пр. № 7.

3. ἐπ᾽ ᾽Αλκέτα .
   Κυλαίμα .
   Инв. № 54746 (поступило из Румянцевского Музея). Раскопки Герца в Фанагории в 1859 г. Алф. II гр.

4.	Σ]ίμο(υ) . ἐπ' Ἀλκέτα .	Клеймо на горле цельной амфоры. Алф. II гр. Ср. Пр. № 9.
5.	Μαλία ἐπί Δε(ι)νο(μάχου) .	Собрание Люценко № 84. Алф. II гр. ν четвертной вариант.
6.	Νόσ(σ)ος . ἐπ[ί Δε(ι)νομάχ[ο(υ) .	Собрание Люценко № 82. Алф. II гр. ν четвертной вариант. Ср. Пр. №№ 19—21.
7.	Ἀ]ρτέ[μων . ἐπὶ Κύ[ρου?	Инв. № 36519 (№ 61-в). Раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1896 г. Алф. II гр. Надпись читается справа. Ср. Пр. № 34.
8.	Ἀπολλοδώρο(υ) ἐπὶ Σκύθα .	На горле цельной амфоры. Алф. II гр. ω-пятый вариант.
9	Δεξίπ[πο(υ) . ἐπὶ Στύ[φωνος .	Алф I гр. ξ и π — вторые варианты.
10.	Ἡροδώρο(υ) . ἐπί Στύφωνος .	Собрание П. О. Бурачкова № 283. Алф. I гр. ω — 1-ый и 3-й, π — 2-й, ν — 2-ой вариант. Таб. 1, фот. 4.

В. Клейма с именами отдельных фабрикантов и двойными фирмами.

11.	Ἀγασικ[λῆ]ς .	Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера у ст. Елизаветовской, Донской области. Курган № 6, описи № 32 (1909 год). Алф. I гр.
12.	Ἀπο[λλ? Σ]τύφ(ωνος). ПАЛИЦА	Алф. II гр.
13.	Ἀργ | εἰο(υ) .	Алф. I гр. Надпись в обеих строках читается справа.
14.	Ἀρίστ | ιππος .	Алф. I гр.
15.	Ἀ]ριστοκλ— ῆς . Σατυρίω— νος .	Алф. II гр. Ср. $Ю_{21}$. Стр. 29. № 2 и Пр. № 68.
16.	Ἀρισ[τ— οκρ[άτης или έος	Алф. II гр.
17—18.	Ἀρίστων . Λύκων .	Алф. II гр. ω—пятый вариант. 2 экз. Второй—очень незначительный фрагмент.
19—20.	Ἀρχ | έλα .	Алф. II гр. 2 экз. Первый—из собрания Люценко № 95. Второй—из собрания гр. А. С. Уварова, № 378; издан. „Древности Южн. Рос.“, табл. XII, № 22, из Ольвии. Ср. Пр. № 71.
21.	Ἀ | ρχ | έλα .	Собрание П. О. Бурачкова № 286. Клеймо сердцевидное. Алф. II гр. Буквы 2-й строки идут в обратном порядке (χρ), но ρ обращено в обычную сторону. Весьма сходно с клеймом $Б_7$, стр. 33. № 12.
22.	Βόστρυ[χος . Палица Φιλόξε[νος .	Алф. II гр. ξ — 2-й вариант.

23. Βόστρυχος . Палица . . . . . νος . — Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера у ст. Елизаветовской Донской области в 1909 г. № 105, на городище. Алф. II гр. ν — второй вариант. Клеймо оттиснуто два раза, от чего первые буквы второй строки очень неясны, но это имя, во всяком случае не то же, что в № 22. Вообще манера №№ 22 и 23 очень сходна, но второе мельче, и палица находится между концами имен.

24. Δα[μ]όσ— τρατος . Μο]λοσσο(ῦ) . — Инв. № 40711. Раскопки проф. Ю. Кулаковского в Ольвии в 1900 г. Алф. I гр.

25. Δᾶος . — Алф. I гр. Надпись читается справа. Ср. B$_{IV}$, стр. 463 № 67.

26. Δι—η : — Клеймо сердцевидное. Алф. II гр. Таб. 1, фот. 5.

27. Διον | υσ | ίο(υ) . — Клеймо на горле цельной амфоры, в форме тр-ка надпись идет по трем его сторонам и читается справа. Алф. I гр. ν — второй вариант. Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, курган № 2, описи № 9 (1909 год).

28. Διο[ν— υ]σίο(υ) . — Инв. № 40711. Раскопки проф. Ю. Кулаковского в Оливии в 1900 г. Алф. I гр. Надпись читается справа.

29. Διονυσίο(υ) . ἐ . . . . — Инвен. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, описи № 141, на городище. Алф. I гр. ν — первый вариант. Клеймо в форме сердцевидного листа, надпись по краю, в середине изображена гроздь. Читающееся после имени ε может быть отнесено либо к началу второго имени, либо слова ἐπι перед магистратом.

30. Ἐτύ— μου . — Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, курган № 4, описи № 20 (1909 год). Алф. II гр. Ср. Пр. № 100.

31. Εὐ]άρχο(υ) . Ἀρ]ίστων . — 2 экземпл. Первый — собрание П. О. Бурачкова № 284. Второй неизвестного происхождения. ω малого размера, вариант пятый. Алф. II гр. Ср. Пр. № 105.

и 32. Εὐάρχο(υ) . Ἀρίστων .

33. Εὐκλε[ί— ωνος . — Инв. № 19288 (№ 2), Ольвия, раскопки Суручана в 1884 г. Алф. I гр., ν — первый вариант.

34 — 35. Εὐρυ— δάμο(υ) . — 2 экземпляра. Первый из них — Инв. № 40761. Раскопки проф. Ю. Кулаковского в Ольвии в 1900 г Второй — Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, курган № 2 описи № 9 (1908 г.). Алф. II гр. Ср. Пр. № 109

36. Εὐ<εὐ>ρυδ— άμο<μο>(υ) . — Клеймо на горле цельной амфоры. Алф. II гр.

37—38.	Ἡρακλείδα . Σιλανός	Гроздь.	2 экземпляра. Первый — клеймо на горле цельной амфоры. Инв. № 18913, покупка у Корзинкина. Второй — Инв. № 42706. Раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1901 г. Алф. I гр. Табл. 1, фот. 7.
39.	Θεομέ (νης или νεος) .		Клеймо продолговатое, с закругленными концами. Инв. № 40711. Раскопки проф. Ю. Кулаковского. в Ольвии в 1900 г. Алф. II гр.
40.	Θεοξέν— ο(υ) . Ἀριστο— κλέος .		Собрание П. О. Бурачкова № 285. Алф. II гр. ξ—первый вариант.
41.	Θεοξέ— νο(υ) . Δίο(υ) .		Собрание П. О. Бурачкова № 282. Алф. II гр. ξ — первый вириант.
42.	Ἰσ]τιεῖ[ος . Λ]υσίθε[ος .		Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, описи № 102, с городища (1909 г.). Алф. I гр.
43.	Ἰστιηίο(υ) . Ἀνδρονίκο(υ) .		Клеймо в форме круга на горле цельной амфоры. Надпись идет внутри по краю круга. Изображения нет. Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, курган № 13, описи № 67 (1909 г.). Алф. I гр. ν — первый вариант.
44.	Καλ — палица λια .		Инв. № 19289 (№ 3). Раскопки Суручана в Ольвии в 1884 году. Алф. II гр.
45 — 46.	Κόας . Πα .		2 экземпляра. Первый — на горле цельной амфоры, неизвестного происхождения. Второй — Инв. № 47035 раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, курган № 3, описи № 7 (1909 г.). Алф. I гр. Ср. Пр. №№ 126 — 127.
47.	Κόκκος . Λυσίθεος .	Гроздь	Алф. I гр.
48.	Λι		Инв. № 19290 (№ 5). Раскопки Суручана в Ольвии в 1884 г. Алф. I гр.
49.	Λύκων . Κερκῖνος .		Инв. № 41930. Раскопки проф. Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1901 г., погребение № 1, описи № 1. Алф. II гр. κ — первый и второй варианты, одна из них меньше остальных букв.
50.	Μενοίτιος . Ν[ικι]ππί[δας?	Палица	Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, курган № 3, описи № 8 (1909 г.). Алф. I гр. ν — первый, π — первый варианты.
51.	Μίκκο(υ) . Βάκχο(υ) .	Гроздь	Собрание Люценко № 81. Алф. I гр.
52.	Μνασίμαχ[ος . Μαλακῶν .		Инв. № 26187. Раскопки Ястребова в Херсонской губ., близ дер. Владимировки в 1891 году. Алф. II гр. ω — пятый вариант. Ср. $Б_7$, стр. 39, № 40.

53. Μῦς .
Σκύ[θ]ας

Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близь ст. Елизаветовской, Донской области, описи № 154, с городища. Алф. II гр.

54. Νίκωνος .
Π[α .

Алф. I гр. ω — первый, ν — первый, π — второй варианты.

55. Ὀνάσο(υ) .

Инв. № 19287 (№ 1). Раскопки Суручана в Ольвии в 1884 году. Алф. I гр.

56. Σκύθας . Гроздь
Μαλακῶν .

Собрание гр. А. С. Уварова, 263. Алф. II гр. Ср. Пр. № 153.

57. Σῶσις .
Πόρο(υ) .

Инв. № 42706. Раскопки проф. Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1901 г. Алф. II гр. ω — первый вариант. Надпись читается справа.

58. Σωτ | ήρ .

Собрание Люценко № 83. Алф. II гр. ω — первый вариант. Надпись читается справа.

59. Τίμο—
λ]ύχο(υ).

Инв. № 40711. Раскопки проф. Ю. Кулаковского в Ольвии в 1900 году. Алф. II гр.

60. Φι | λῖ | νο | ς .

Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, описи № 155 (1909 г.) с городища. Алф. I гр. Клеймо в форме креста, в концах которого буквы надписи, в середине его — гроздь.

61. Φ]ιλῖνος .
Ἀ]ρτέ(μων) .

Инв. № 47035. Раскопки А. А. Миллера близ ст. Елизаветовской, Донской области, описи № 153 с городища (1909 г.). Алф. II гр. σ в конце 1 строки обращена в обратную сторону.

62. Φίλω]νος . Ἀρ—
ιστο]κλῆς .

Инв. № 40711. Раскопки проф. Ю. Кулаковского в Ольвии в 1900 г. Алф. II гр.

63. Χίω—
палица
νος .

Инв. № 19291 (№ 6). Раскопки Суручана в Ольвии в 1884 г. Алф. II гр. ω — первый, ν — второй варианты. Ср. Пр. № 167.

64. Νικ

Инв. № 42706. Раскопки проф. Б. В. Фармаковского в Ольвии. Алф. I гр. ν — третий, κ — первый вариант. Такая же приписка-сокращение, какая здесь является в виде отдельного клейма, ясно читается сбоку клейма Пр. 87 — 90 (Διονυσίο(υ)), где VII в изображении клейма majusculis несомненно соответствуют нашему клейму, так как на подлиннике буквы точнейшим образом соответствуют начертанию нашего клейма.

65. . .]υρ—
ιλα неясное изображение

Алф. II гр.

Клейма на черепицах.

66. ’επ’ ’Αρκέσα (ντος) . Λύκων .
Собрание Бурачкова № 275. Алф. II гр. π имеет вторую ножку до 3/4 первой. ω — четвертый вариант.

67. Ἡρ]ακλε(ί)το(υ)
Собрание Люценко 97. Алф. I гр.

68. Νικοκλέο[ς . Λ]ύκωνο[ς .
Собрания Люценко № 98 или 86. Алф. II гр. ω — третий вариант, ν — первый вариант.

Добавление к приложению I.

1. ’Αριστ[είδα— ς . Πύρ[ρος .
Алф. I гр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

От Редакционной комиссии 5

Проф. *В. А. Городцов.*—Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве (26 рисунков) 7

Проф. *В. А. Городцов.*—Скальные рисунки Тургайской области (50 рис.) . 37

Проф. *А. А. Захаров.*—Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г.

Введение. Андогайские курганы. Раскопка курганов в Чуйской степи на речке Тобажек. Первое Катандинское кладбище. Второе Катандинское кладбище (6 табл.). 71

Проф. *В. А. Городцов.*—Болотное Огубское городище. Предварительное сообщение (4 рис.) 107

Проф. *В. А. Городцов.*—Древнее стремя Государственного Исторического Музея (5 рис.) 125

Проф. *В. А. Городцов.*—Симбирский древний топорик (6 рис.) 135

Проф. *В. А. Городцов.*—Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов (16 рис,) 149

Б. Н. Граков.—Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор.

Глина и тип амфор описываемой группы. Формы клейм, букв и изображения. Диалект и орфография. Собственные имена. Содержание и назначение энглифич. клейм. Хронология этих клейм. Область находок и место производства. Приложения I и II (3 таблицы) 165

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000225320 38